THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class _____

Book _____

~~YUDIN COLLECTION~~

П. Мартынова

ЕВРОПЕЙСКІЕ

РЕФОРМАТОРЫ

ГУСЪ, ЛЮТЕРЪ, ЦВИНГЛИ, КАЛЬВИНЪ.

Е. Лихачевой.

Съ четырьмя портретами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Тип. В. Демакова. В. О., 9 л., № 22.

1872.

ЕВРОПЕЙСКІЕ РЕФОРМАТОРЫ.

ЕВРОПЕЙСКІЕ

РЕФОРМАТОРЫ

ГУСЪ, ЛЮТЕРЪ, ЦВИНГЛИ, КАЛЬВИНЪ.

Lixhachova, Elena Osipovna

Е. Лихачевой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

BR 315
.L5

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Іюля 1872 г.

139

Ж. Д. Мар 17 1944

ОГЛАВЛЕНІЕ

Предисловіе: Реформація и реформаторы. *К. Арсеньева.* I—XXI.
Янъ Гусъ 1
Мартинъ Лютеръ 51
Ульрихъ Цвингли 111
Жанъ Кальвинъ 157
Приложеніе: Памятникъ реформаціи въ Вормсѣ. *К. Арсеньева* 229

Предисловіе.

РЕФОРМАЦІЯ И РЕФОРМАТОРЫ.

РЕФОРМАЦІЯ И РЕФОРМАТОРЫ.

Реформація XVI-го вѣка принадлежитъ къ числу тѣхъ событій, на которыхъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается мысль образованнаго человѣка. Обстановка, при которой она совершилась, давно уже не существуетъ, страсти, ею вызванныя, охладѣли, вопросы, ею возбужденные, отошли на второй планъ; но связь, соединяющая ее съ современною жизнью, еще не порвалась, и она имѣетъ до сихъ поръ не одно только чисто-историческое значеніе.

Не рѣдко случается слышать, что время религіозныхъ споровъ прошло безвозвратно, что религіозныя идеи, какое бы значеніе онѣ ни сохраняли во внутренней жизни человѣка, перестали играть роль въ общественной и государственной жизни, и что, слѣдовательно, историческая эпоха, почти исключительно имъ посвященная, не можетъ представлять для насъ большого интереса. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Безспорно, религіозный вопросъ не господствуетъ болѣе надъ всѣми остальными, какъ въ XVI-омъ вѣкѣ; рядомъ съ нимъ и—съ точки зрѣнія общественнаго движе-

нія—выше его стоятъ многіе другіе, о которыхъ не имѣли понятія современники Лютера и Кальвина; и мысль и жизнь вращаются въ рамкахъ несравненно болѣе широкихъ, въ областяхъ, прежде неизвѣданныхъ или закрытыхъ; но потерявъ часть своего могущества, религіозная, или лучше сказать церковная идея, въ самыхъ крайнихъ проявленіяхъ своихъ все-таки не лишилась его совершенно. Наше столѣтіе было свидѣтелемъ побѣдоносной реакціи въ средѣ обѣихъ главныхъ церквей западной Европы. Въ Бельгіи, во Франціи, въ Италіи ультрамонтанизмъ составляетъ чуть-ли не самое больное мѣсто народной жизни. Всесильная германская имперія прибѣгаетъ, въ видахъ необходимой обороны, къ чрезвычайнымъ мѣрамъ противъ іезуитовъ, т. е. находитъ себя вынужденною возобновить борьбу, начатую сто лѣтъ тому назадъ Шуазелемъ и Климентомъ XIV-мъ. Ватиканскій соборъ 1870 г. принимаетъ догматъ о непогрѣшимости папы, которую не рѣшались провозгласить даже тріентскіе фанатики XVI-го вѣка—и постановленію собора подчиняются почти всѣ католическіе епископы, не исключая тѣхъ, которые до послѣдней минуты ему противились. Правда, руководители ультрамонтанской партіи, вожди открытыхъ и тайныхъ іезуитовъ часто дѣйствуютъ подъ вліяніемъ соображеній, не имѣющихъ ничего общаго съ религіей; но въ чемъ же, какъ не въ вѣрованіяхъ массы, заключается источникъ ихъ силы, объясненіе ихъ успѣха? Съ другой стороны, на нашихъ глазахъ возникаютъ

новыя религіозныя ученія, или по крайней мѣрѣ образуются новыя религіозныя общества: въ сороковыхъ годахъ нѣмецкіе католики (Deutsch-katholiken), свободныя общины (freie Gemeinden), въ прошедшемъ и нынѣшнемъ году старокатолики, не признающіе непогрѣшимости папы. Еще бо́льшее разнообразіе новыхъ сектъ представляютъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Однимъ словомъ, сто̀итъ только посмотрѣть внимательно вокругъ себя, чтобы найти много общаго между нашимъ временемъ и эпохой реформаціи. У насъ есть и темные люди (Dunkelmänner, viri obscuri) въ родѣ тѣхъ, надъ которыми смѣялись Ульрихъ фонъ Гуттенъ и его эрфуртскіе друзья, и крикуны въ родѣ Экка, и цѣлые центры обскурантизма, какими были въ началѣ XVI-го вѣка парижская Сорбонна или Кёльнскій университетъ, и труженики по образцу Меланхтона, и люди золотой середины по образцу Эразма Роттердамскаго. Нѣтъ только такихъ типическихъ, цѣльныхъ личностей, какъ Лютеръ или Кальвинъ; въ той сферѣ, о которой мы теперь говоримъ, нашъ вѣкъ ихъ не производитъ. Деллингеръ, отецъ Гіацинтъ—конечно блѣдные снимки съ великихъ реформаторовъ XVI-го вѣка; но дѣло, которому они служатъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ нѣкоторое сходство съ реформаціей. Если оно кажется намъ мелкимъ сравнительно съ нею, то это объясняется громадностью пріобрѣтеній, сдѣланныхъ съ тѣхъ поръ во всѣхъ областяхъ умственной жизни—пріобрѣтеній, которыми міръ въ значи-

тельной степени обязанъ реформаціи. Направленная непосредственно противъ церковныхъ обычаевъ и уставовъ она отразилась на всемъ тогдашнемъ обществѣ, на всемъ послѣдующемъ ходѣ событій. Луи-Бланъ не безъ основанія началъ съ Гуса и Лютера свою исторію французской революціи, хотя ни тотъ, ни другой не были революціонерами въ политическомъ смыслѣ этого слова. Они способствовали пробужденію умовъ, отдаленнымъ, но необходимымъ послѣдствіемъ котораго былъ переворотъ въ государственномъ и общественномъ устройствѣ Европы. Всякому шагу впередъ на этомъ поприщѣ должно было предшествовать ослабленіе оковъ, наложенныхъ на мысль средневѣковою доктриной. Честь перваго серьезнаго успѣха въ борьбѣ съ этой доктриной принадлежитъ Гусу, честь рѣшительной побѣды—нѣмецкимъ и швейцарскимъ реформаторомъ XVI-го вѣка.

Порицателями реформаціи являются въ настоящее время не одни только слѣпые приверженцы папской власти, но и люди совершенно противуположнаго направленія. Говорятъ, что реформація ничего не сдѣлала для освобожденія умовъ, а только измѣнила форму тяготѣвшаго надъ ними гнета; что мысль ничего не выиграла отъ замѣны одной тюрьмы тремя или четырьмя устроенными по одному и тому же образцу; что человѣкъ, осудившій на смерть Серве, стоитъ не выше людей, осудившихъ на смерть Гуса; что реформація задержала и извратила возрожденіе наукъ и искусствъ, начавшееся въ XV вѣкѣ —

возрожденіе, заключавшее въ себѣ всѣ условія для правильнаго движенія впередъ, для широкаго развитія личности и цѣлаго общества. Этотъ послѣдній упрекъ заслуживаетъ особенно внимательнаго разбора, потому что съ перваго взгляда онъ можетъ показаться заслуженнымъ.

Дѣйствительно, реформація застала европейское общество уже не въ тѣхъ глубокихъ потемкахъ, въ которыхъ оно было погружено въ XIII, даже въ XIV вѣкѣ. Возобновленное знакомство съ латинской и греческой литературой расширило умственный горизонтъ и потрясло господство средневѣковой рутины, присвоивавшей себѣ, безъ всякаго на то права, названіе науки. Къ концу XV вѣка гуманизмъ проникъ изъ Италіи въ Германію, Францію, Англію, оживилъ университетское преподаваніе, создалъ новую силу—свѣтскую ученость, значеніе которой стали признавать даже правительства. Заключенный сначала въ тѣсныя рамки каѳедры или кабинета, гуманизмъ, — напримѣръ въ сочиненіяхъ Ульриха фонъ-Гуттена,—началъ мало по малу распространяться и за эти предѣлы. Можно было, по видимому, ожидать, что съ помощью все больше и больше развивающагося книгопечатанія и народныхъ школъ масса вновь пріобрѣтенныхъ свѣдѣній сдѣлается, въ своихъ результатахъ, достояніемъ народа. Внезапно въ этомъ движеніи замѣчается остановка, совпадающая по времени съ реформаціей. Лютеръ, Кальвинъ провозглашаютъ вновь превосходство богословія надъ всѣми другими науками; по ихъ примѣру и подъ

ихъ вліяніемъ образованное меньшинство предается съ увлеченіемъ религіозной полемикѣ, конечно отвлекающей его отъ другихъ занятій. На мѣсто католической схоластики является схоластика протестантская, не менѣе враждебная истинной наукѣ. Такова картина, общее впечатлѣніе которой конечно неблагопріятно для реформаціи. Посмотримъ однако ближе на отдѣльныя ея части.

При всемъ блескѣ, который окружаетъ эпоху возрожденія, не трудно замѣтить, что она имѣетъ и оборотную сторону. По справедливому замѣчанію одного изъ новѣйшихъ историковъ, эта эпоха по преимуществу *воспроизводящая*, а не производящая. Изученіе древняго міра, изданіе и объясненіе латинскихъ и греческихъ писателей поглотило все вниманіе, всѣ силы небольшого кружка гуманистовъ. Они слишкомъ глубоко преклонялись передъ классическою литературой, чтобы создать что-нибудь новое, самостоятельное. Они были подражателями до мозга костей, и какъ всѣ подражатели, обращали вниманіе больше на форму, чѣмъ на сущность дѣла. Эстетическія красоты древнихъ писателей были для нихъ гораздо доступнѣе, чѣмъ античное міросозерцаніе, чѣмъ греческая или римская государственная жизнь. Сочиненія самыхъ знаменитыхъ итальянскихъ литераторовъ XV вѣка, тѣхъ самыхъ литераторовъ, которымъ современники ихъ предсказывали безсмертную славу (Поджіо, Филельфо, Марсиліо Фичино) — теперь совершенно забыты, именно потому, что оригинальности, самобытности въ нихъ нѣтъ и слѣда. Изъ

того же безусловнаго поклоненія древности проистекало пренебреженіе къ отечественному языку, даже тамъ, гдѣ онъ былъ уже сформированъ, гдѣ существовала національная литература. Писатели временъ Медичи, гоняясь за лаврами Виргилія или Цицерона, чуждались языка Данте, Боккачіо, Петрарки. Еще позже Эразмъ Роттердамскій гордился тѣмъ, что не знаетъ хорошо ни одного новѣйшаго языка. Правда, Макіавелли въ Италіи, Гуттенъ въ Германіи почти въ одно время начали писать на народномъ языкѣ, хотя и тотъ и другой получили классическое образованіе; но не слѣдуетъ забывать, что Макіавелли былъ ученикомъ Савонаролы, а Гуттенъ перешелъ отъ латинскаго языка къ нѣмецкому по примѣру Лютера и для защиты реформаціи. Дѣло въ томъ, что гуманизмъ не искалъ и не хотѣлъ искать вліяній на массу общества, относился къ ней свысока и жилъ внѣ времени и пространства. Противъ суевѣрія, невѣжества, злоупотребленій, его окружавшихъ, онъ имѣлъ только одно оружіе — тонкую насмѣшку, понятную для посвященныхъ, но вовсе и не разсчитанную на то, чтобы подѣйствовать на большинство, чтобы измѣнить требующее перемѣны. Равнодушіе къ религіознымъ вопросамъ или даже совершенное безвѣріе не мѣшало гуманистамъ пользоваться покровительствомъ папы, епископовъ, аббатовъ. Еще замѣчательнѣе то, что съ безвѣріемъ или индифферентизмомъ часто соединялись суевѣріе, мистицизмъ, занятія алхиміей, или астрологіей. Пико-делла-Мирандоль,

одинъ изъ самыхъ передовыхъ людей этого времени, подъ конецъ своей короткой жизни впалъ въ піетизмъ, близкій къ піетизму Савонаролы. Переходъ отъ средневѣковаго міросозерцанія къ античному былъ слишкомъ рѣзокъ, послѣдовательно его выдерживали немногіе, для огромнаго большинства онъ былъ рѣшительно невозможенъ. Какъ ни велики заслуги гуманизма, обновленіе общества не могло совершиться на его почвѣ и съ одною только его помощью. Необходимо было участіе другого двигателя, глубже проникающаго въ массу, сильнѣе затрогивающаго мысль и чувство, а такимъ двигателемъ въ XVI-мъ вѣкѣ могло быть только религіозное ученіе, свободное отъ мертвящаго формализма тогдашней римской церкви.

Всемірно-историческое значеніе реформаціи заключается не въ ближайшихъ практическихъ ея результатахъ, не въ положительныхъ ея созданіяхъ, а въ отрицательной ея сторонѣ, въ ея усиліяхъ отрѣшиться отъ стараго порядка вещей, въ ея идеальныхъ стремленіяхъ, еще не съуженныхъ дѣйствительностью. Безспорно, двѣ или три новыя церкви, образовавшіяся вслѣдствіе реформаціи, имѣютъ слишкомъ много общаго съ тою, отъ которой онѣ отдѣлились, въ особенности если разсматривать ихъ не въ самый моментъ ихъ образованія, а нѣсколько позже, когда онѣ осѣли и застыли. Но не въ этихъ церквахъ слѣдуетъ искать исходную точку, идею реформаціи. Когда Лютеръ на лейпцигскомъ диспутѣ съ

Эккомъ отказался признать безусловную силу авторитета, которымъ думалъ подавить его противникъ, когда онъ произнесъ на вормскомъ сеймѣ знаменитыя слова «hier steh'ich, ich kann nicht anders», — этотъ отчаянный крикъ души, отстаивающей свою внутреннюю свободу, — онъ не принадлежалъ еще ни къ какой церкви, онъ просто защищалъ право человѣческаго ума на самостоятельное изслѣдованіе истины. Такой моментъ мы находимъ въ жизни всѣхъ реформаторовъ XVI-го вѣка; и какъ бы быстро онъ ни проходилъ, онъ не проходилъ безслѣдно. Угнетенные слишкомъ скоро обращались въ угнетателей (мы увидимъ впрочемъ, что изъ этого общаго правила есть одно блестящее исключеніе); но дѣло было сдѣлано, плотина прорвана, и остановить движеніе было уже не по силамъ тѣхъ, кто его началъ. Правда, реформація повлекла за собою множество безплодныхъ богословскихъ споровъ; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что много времени и труда было потрачено вслѣдствіе этого понапрасну; тѣмъ не менѣе реформація не остановила ни накопленіе, ни распространеніе знаній, а напротивъ способствовала и тому и другому.

На Германію указываютъ обыкновенно какъ на страну, всего больше пострадавшую отъ послѣдствій реформаціи; говорятъ, что реформація лишила ее политическаго единства, на долго разрушила ея матеріальное благосостояніе, замедлила на нѣсколько столѣтій развитіе ея національной литературы. Что Германія, начиная съ

XVI вѣка, отстаетъ во многихъ отношеніяхъ отъ Англіи, отъ Франціи, это совершенно справедливо; но въ реформаціи ли заключается причина этого явленія? Почему же для Англіи реформація сдѣлалась источникомъ новаго процвѣтанія и новой силы? Почему, наоборотъ, Испанія, оставшаяся почти не тронутою религіозными бурями XVI вѣка, именно съ этого времени стала клониться къ упадку? Если Германія сдѣлалась главнымъ театромъ религіозныхъ войнъ, раззорившихъ и ослабившихъ ее, одно время угрожавшихъ ей возвращеніемъ къ варварству, то это объясняется всей ея предшествующей исторіей—слабостью центральнаго правительства, распаденіемъ территоріи на цѣлую массу отдѣльныхъ владѣній, соединеніемъ въ рукахъ высшаго духовенства свѣтской власти съ духовною, упорствомъ, съ которымъ нѣмецкія племена всегда отстаивали свою особность. Всѣ эти отличительныя черты германскаго народа въ XIV, въ XV вѣкѣ замѣтны ничуть не меньше, чѣмъ въ XVI или XVII. Несогласія, междоусобія, тяготѣнія въ разныя стороны были явленіемъ столь же обыкновеннымъ при Сигизмундѣ, или Фридрихѣ III, какъ и при Карлѣ V, или его преемникахъ. Перемѣнилось только одно: до XVI вѣка сосѣднія государства страдали, хотя и въ меньшей мѣрѣ, тѣми же недугами, какъ и Германія; освободясь отъ нихъ раньше ея, они получили на время политическое и даже умственное преимущество надъ нею, которое и эксплуатировали съ особеннымъ успѣхомъ въ продолженіе тридцатилѣтней

войны, сдѣлавшей Германію игралищемъ въ рукахъ Франціи, Испаніи, Швеціи. Эта война, всего дороже стоившая Германіи, всего больше задержавшая ея развитіе, не имѣла въ себѣ почти ничего религіознаго; но и войны XVI вѣка представляютъ уже значительную примѣсь чисто политическаго элемента. Такъ-называемая Смалькальденская война (1546—1547), напримѣръ, была столько же войною имперскихъ князей противъ центральной власти императора, сколько войною протестантовъ противъ католиковъ. Положимъ, наконецъ, что реформація содѣйствовала, какъ второстепенная причина, разъединенію Германіи; но развѣ это разъединеніе имѣло только дурныя стороны, только вредные результаты? Оно предохранило Германію отъ всѣхъ золъ чрезмѣрной умственной централизаціи, отъ которыхъ до сихъ поръ страдаетъ и не скоро еще освободится Франція; оно способствовало свободному и разнообразному развитію нѣмецкой мысли, обезпечивая за нею убѣжище даже на время сильнѣйшей реакціи, или полнаго застоя. Достаточно припомнить ту роль, которую игралъ Веймаръ въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, Баденъ—тридцать лѣтъ тому назадъ, а отчасти и въ послѣднемъ десятилѣтіи.

Непосредственное вліяніе реформаціи на умственную жизнь Германіи вовсе не было такъ неблагопріятно, какъ утверждаютъ нѣкоторые современные историки—напримѣръ Кампшульте, талантливый, но односторонній и пристрастный представитель клерикаловъ въ боннскомъ уни-

верситетѣ. Если процвѣтаніе гуманизма прекратилось почти одновременно съ реформаціей, то это объясняется тѣмъ, что въ немъ самомъ не было задатковъ для дальнѣйшаго развитія. Переставъ быть главнымъ, единственнымъ интересомъ мыслящаго меньшинства, изученіе классическихъ языковъ продолжало играть важную роль въ высшемъ образованіи, а въ среднемъ занялодаже первенствующее мѣсто. Въ продолженіе XVI вѣка въ Германіи было открыто десять новыхъ университетовъ, большею частью въ протестантскихъ государствахъ. Въ Виттенбергѣ, на родинѣ реформаціи, богословіе преподавали только четыре профессора, филологію—шесть. Среднія учебныя заведенія, до реформаціи влачившія жалкую жизнь въ рукахъ невѣжественнаго католическаго духовенства, получили правильную организацію именно благодаря усиліямъ Лютера, Меланхтона и ихъ послѣдователей. Самою знаменитою школой этого времени была школа кальвиниста Штурма въ Страсбургѣ, городѣ протестантскомъ по преимуществу. Если іезуиты обратили особенное вниманіе на образованіе юношества, то именно потому, что поняли необходимость противудѣйствовать на этомъ поприщѣ вліянію протестантскихъ педагоговъ. Правда, въ протестантскихъ школахъ, какъ и въ іезуитскихъ, греческій языкъ и еще болѣе латинскій преобладали надъ нѣмецкимъ, къ явному вреду для народной жизни и литературы; правда, изученіе мертвыхъ языковъ почти не оставляло мѣста для занятій науками—но обвинять въ

этомъ реформацію конечно нельзя; это было отголоскомъ эпохи возрожденія, естественнымъ — въ то время — результатомъ блеска, съ которымъ выступила на сцену классическая древность посреди скудныхъ запасовъ знанія, самостоятельно выработаннаго средними вѣками. Самъ Лютеръ стоялъ за преподаваніе, рядомъ съ классическими языками, и нѣмецкаго, а также математики, естественныхъ наукъ и исторіи. Онъ былъ чуть-ли не первымъ, высказавшимся за обязательность обученія, за этотъ великій принципъ, которому—а слѣдовательно и реформаціи, его породившей,—такъ много обязана Германія. Пренебреженіе, съ которымъ относились къ народной школѣ и средніе вѣка, и эпоха возрожденія, уступило мѣсто заботливости, до сихъ поръ составляющей преимущество протестантскихъ странъ передъ католическими. Что касается до нѣмецкой литературы, то двухвѣковой застой, для нея наступившій, тѣмъ менѣе можетъ быть приписанъ реформаціи, что самъ Лютеръ былъ однимъ изъ первыхъ замѣчательныхъ нѣмецкихъ литераторовъ. Если эпоха Елизаветы произвела въ Англіи Спенсера, Марло, Бенъ Джонсона и наконецъ Шекспира, то нужно ли доказывать, что реформація сама по себѣ нигдѣ не могла остановить развитіе литературы?

Обращаясь отъ Германіи къ остальнымъ государствамъ Западной Европы мы видимъ, что XVI вѣкъ былъ вѣкомъ движенія во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности. Въ Англіи Беконъ наноситъ послѣдній ударъ

схоластической философіи и указываетъ путь, по которому должна идти положительная наука. Во Франціи Боденъ, ла-Боеси изслѣдуютъ задачи, цѣли и различныя формы государства. Въ Италіи Джордано Бруно кладетъ пантеизмъ въ основаніе новой философской системы. Коперникъ, Кеплеръ, Галилей производятъ переворотъ въ астрономіи и физикѣ. Мы конечно далеки отъ мысли, чтобы реформація служила исходной точкой для всѣхъ этихъ завоеваній человѣческаго ума; мы знаемъ, что эпоха открытій и изобрѣтеній началась еще въ XV вѣкѣ, что лютеранская или кальвинистская церковная іерархія не менѣе католической была враждебна смѣлому полету научнаго изслѣдованія; но едва ли можно отвергать, что паденіе преградъ, стѣснявшихъ движеніе мысли въ одномъ направленіи, существенно важномъ, могло и должно было облегчить движеніе ея впередъ и по другимъ путямъ, до тѣхъ поръ для нея закрытымъ.

Прежде чѣмъ покончить съ упреками, обыкновенно дѣлаемыми реформаціи, остановимся еще на одномъ обстоятельствѣ, часто подающемъ поводъ къ недоразумѣніямъ. При сравненіи, конечно не съ чисто-религіозной, а съ культурно-исторической точки зрѣнія, ученія реформаторовъ XVI вѣка съ ученіемъ средневѣковой католической церкви можетъ показаться, что въ одномъ по крайней мѣрѣ отношеніи реформація была шагомъ назадъ, опаснымъ для умственной свободы и для общественной нравственности. Мы разумѣемъ здѣсь ученіе о благодати,

объ оправданіи вѣрою и одною только вѣрою (Rechtfertigung durch den Glauben, justificatio sola fide), бывшее основнымъ мотивомъ оппозиціи Лютера противъ римской церкви, а въ рукахъ Кальвина образовавшееся въ еще болѣе крайнее ученіе о безусловномъ предопредѣленіи. Оспаривая необходимость добрыхъ дѣлъ, на которыхъ такъ сильно настаивала римская церковь, Лютеръ и Кальвинъ переносили, по видимому, центръ тяжести духовной жизни изъ сферы практическихъ обязанностей въ сферу отвлеченнаго догматизма, развивали мечтательность на счетъ дѣятельности, расширяли пропасть, безъ того уже отдѣлявшую, въ глазахъ тогдашняго общества, человѣка вѣрующаго отъ не вѣрующаго или мало вѣрующаго. На самомъ дѣлѣ такая оцѣнка ученія Лютера или Кальвина была бы ошибочна и несправедлива. Оно можетъ быть правильно понято только въ связи съ ученіемъ о добрыхъ дѣлахъ, выработаннымъ средневѣковою римскою церковью,—ученіемъ, въ борьбѣ съ которымъ реформаторы и впали въ противуположную крайность. Подъ именемъ добрыхъ дѣлъ римская церковь разумѣла почти исключительно дѣла внѣшняго благочестія — посты и другого рода умерщвленія плоти, путешествія для поклоненія святымъ мѣстамъ, или чудотворнымъ иконамъ, пожертвованія въ пользу церквей и монастырей и т. п.; при этомъ усилія ея были направлены преимущественно къ тому, чтобы добрыя дѣла, совершаемыя сынами церкви, обращались какъ можно больше въ пользу ея самой и отдѣль-

ныхъ ея служителей. Самымъ крайнимъ выраженіемъ этого направленія было ученіе объ индульгенціяхъ, противъ котораго возражалъ уже Гусъ и которое сдѣлалось непосредственнымъ поводомъ реформаціи XVI вѣка. Понятно, что въ обществѣ неразвитомъ, почти невѣжественномъ такой образъ дѣйствій со стороны церкви долженъ былъ извратить всѣ понятія о религіи и нравственности. Религія, для огромнаго большинства, обратилась въ мертвую формальность или грубое суевѣріе, нравственность— въ машинальное исполненіе требованій, имѣвшихъ очень мало общаго съ евангельскимъ ученіемъ. Протестъ противъ такого положенія вещей не прекращался въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, въ особенности въ нѣмецкомъ народѣ, мечтательномъ, серьозномъ и потому расположенномъ къ религіи сердца, къ мистицизму. Лютеръ, въ этомъ отношеніи, былъ только продолжателемъ «братьевъ общежитія» (fratres in commune viventes), автора «Подражанія Христу»; но съ одной стороны безстыдство господствующихъ монашескихъ орденовъ, съ другой — энергическая натура самого Лютера дали его протесту ту силу и страстность, которой были лишены піетисты XIV и XV вѣка. Противупоставляя внѣшнему благочестію схоластиковъ, доминиканцевъ и римскихъ куріаловъ глубокое внутреннее чувство апостола Павла или Августина, Лютеръ естественно пришелъ къ тому положенію, что источникомъ спасенія можетъ быть одна только вѣра, т. е. искреннее, задушевное воспринятіе въ себя ученія

Христа. Добрыя дѣла, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, казались Лютеру необходимымъ результатомъ вѣры, какъ онъ ее понималъ и чувствовалъ. Настойчивость, съ которою онъ защищалъ положеніе свое: «sola fide», объясняется увлеченіями полемики и желаніемъ какъ можно рельефнѣе выставить свое знамя противъ знамени римскихъ фарисеевъ. Значеніе этого спора сдѣлается для насъ совершенно яснымъ, если мы припомнимъ, что въ XVII вѣкѣ онъ вновь возгорѣлся во Франціи, въ средѣ католической церкви, и что теорію оправданія путемъ вѣры защищали янсенисты, защищалъ Паскаль, а средневѣковую теорію добрыхъ дѣлъ отстаивали *іезуиты*. Ученіе Кальвина о предопредѣленіи ничто иное, какъ еще болѣе рѣзкая реакція противъ той же теоріи добрыхъ дѣлъ. Въ этомъ ученіи, мрачномъ, суровомъ, есть много отталкивающаго, какъ и въ самой личности Кальвина; но не слѣдуетъ забывать, что вездѣ, гдѣ оно торжествовало, оно становилось источникомъ несокрушимой энергіи, глубокой нравственной силы. Оно не годилось для мирнаго развитія, и въ спокойныя эпохи скоро уступало мѣсто болѣе трезвымъ, раціональнымъ взглядамъ; но въ періодъ бури и борьбы оно создавало такихъ людей, какъ французскіе гугеноты перваго поколѣнія, какъ нидерландскіе «gueux», какъ англійскіе пуритане, такихъ людей, какъ Кромвель, Колиньи, Вильгельмъ Оранскій, Вильгельмъ III.

Обращаясь отъ реформаціи къ реформаторамъ и оставляя въ сторонѣ вѣчно спорный вопросъ о значеніи вели-

кихъ людей, о вліяніи ихъ на ходъ событій, нельзя не признать, что въ эпоху реформаціи дѣятельность человѣка, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ, ложилась на вѣсы тяжелѣе, чѣмъ въ настоящее время. Само собою разумѣется, что Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ были дѣтьми своего вѣка, что ученіе ихъ не могло бы такъ сильно отозваться въ умахъ, еслибы оно не соотвѣтствовало потребностямъ уже существовавшимъ, еслибы оно не выражало понятій уже носившихся въ воздухѣ; но личность каждаго реформатора все-таки отпечатлѣлась очень рельефно на движеніи, имъ вызванномъ или, лучше сказать, въ немъ воплотившемся. Кругъ лицъ, жившихъ умственною жизнью, былъ тогда гораздо-болѣе ограниченъ, чѣмъ теперь; меньше было сознательныхъ убѣжденій, вездѣ господствовала рутина, которую потрясти трудно, но которая, однажды потрясенная, быстро уступаетъ мѣсто живой идеѣ, предоставляя себѣ только впослѣдствіи опутать и по возможности задушить ее своею сѣтью; меньше было разнообразія въ стремленіяхъ и интересахъ, а, слѣдовательно, и меньше препятствій къ соединенію ихъ въ одно цѣлое, управляемое одною волею. Отсюда та власть, которая принадлежала Цвингли, Кальвину, въ особенности Лютеру не только при жизни, но и послѣ смерти.

Лютеръ былъ законодателемъ протестантской Германіи, совѣтникомъ государей, оракуломъ богослововъ, идоломъ учащейся молодежи, предметомъ уваженія, или

по крайней мѣрѣ страха даже для противниковъ его. Кальвинъ, послѣ упорной борьбы, подчинилъ себѣ и своей церкви и умъ и волю женевскихъ гражданъ. Всего скорѣе исчезло вліяніе Цвингли, безъ сомнѣнія потому, что онъ стоялъ слишкомъ высоко надъ своимъ временемъ и былъ свободенъ отъ той страстной односторонности, которая составляла и слабость, и силу Лютера и Кальвина. Ихъ фанатизму удалось то, чего не могла достигнуть туманная терпимость Цвингли, удалось созданіе церкви, какъ прочнаго, замкнутаго цѣлаго. Но мы уже знаемъ, что не въ этомъ заключалась главная, высшая задача реформаціи. Какъ стремленіе къ анализу, къ изслѣдованію, къ умственной свободѣ, она всего полнѣе и чище выразилась именно въ Цвингли. Онъ остался вѣренъ первоначальному призванію реформатора, отъ котораго такъ скоро уклонился Лютеръ, которое едва замѣтно въ дѣятельности Кальвина; онъ остался человѣкомъ, ищущимъ истины, не вообразилъ себѣ, что она найдена и раскрыта имъ вся и вполнѣ, не сказалъ самому себѣ и другимъ: «ты не пойдешь далѣе!». Успѣхъ не вскружилъ ему голову, не сдѣлалъ его маленькимъ цюрихскимъ папой, по образцу папъ виттенбергскаго и женевскаго. Быть можетъ счастьемъ для него было и то, что онъ не пережилъ самого себя, не успѣлъ состарѣться умственно и нравственно, и умеръ въ цвѣтѣ силъ, сражаясь за свой родной городъ, за свои политическія и религіозныя идеи. Рядомъ съ Цвингли, съ этой точки зрѣнія, стоитъ Гусъ,

мягкій, гуманный образъ котораго не омраченъ религіозною тиранніей и просвѣтленъ мученическою смертью за убѣжденіе. Если Гусъ не имѣлъ вліянія своихъ преемниковъ, реформаторовъ XVI-го вѣка, то это объясняется тѣмъ, что онъ явился столѣтіемъ раньше, когда гуманизмъ съ одной стороны, проповѣдь нѣмецкихъ предшественниковъ Лютера съ другой, не проложили еще дороги для реформаціи, когда злоупотребленія римской куріи не дошли еще до крайней степени своего развитія, и не угасла еще надежда на мирное преобразованіе церкви путемъ соборовъ. При томъ, Гусъ дѣйствовалъ въ странѣ, отдѣленной отъ западной Европы языкомъ и преданіями, среди народа, чуждаго окружающей его германской расы и ничѣмъ политически не связаннаго съ другими славянскими племенами. Въ исторіи этого народа ученіе Гуса было событіемъ первостепенной важности, но за предѣлы Богеміи оно не вышло. Тѣмъ не менѣе между Гусомъ и реформаторами XVI-го вѣка существуетъ близкое внутреннее родство; на Лютера ученіе Гуса имѣло даже непосредственное вліяніе. Попытки связать дѣятельность Гуса съ Востокомъ, а не Западомъ, объяснить ее не движеніемъ впередъ, а возвращеніемъ къ прошедшему Богеміи, могутъ имѣть успѣхъ только въ той средѣ, которая заранѣе расположена вѣрить подобнымъ гипотезамъ. Если припомнить, что Гусъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ ученія Виклефа, что онъ, подобно Лютеру, признавалъ только авторитетъ Св. Пи-

санія, что онъ отказался подчинить свой умъ и свою совѣсть рѣшеніямъ епископа, папы, собора, то не трудно убѣдиться, что Гусъ стоялъ на той же почвѣ, какъ и Лютеръ, Кальвинъ, Цвингли. На этой почвѣ вопросъ о пріобщеніи подъ обоими видами, какую важность онъ ни пріобрѣлъ впослѣдствіи, во время гусситскихъ войнъ, могъ имѣть только второстепенное значеніе, а богослуженіе и чтеніе Св. Писанія на языкѣ народа представлялось лишь средствомъ къ освобожденію умовъ отъ опеки католическаго духовенства.

Какъ ни различны личныя свойства реформаторовъ XV-го и XVI-го вѣка, они всѣ одинаково отличаются одной общей характеристическою чертою—преданностью идеѣ, готовностью жертвовать для нея всѣмъ, даже жизнью, энергіей, не отступающей ни передъ какими препятствіями. Отсюда глубокій интересъ, представляемый ихъ дѣятельностью, даже независимо отъ цѣлей, къ которымъ она была направлена. Они стоятъ на рубежѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени, какъ героическіе поборники стараго чувства въ соединеніи съ новою мыслью.

К. Арсеньевъ.

ЯНЪ ГУСЪ

1369-1415.

ЯНЪ ГУСЪ.

1369—1415.

ЯНЪ ГУСЪ

1369 - 1415.

I.

Въ предмѣстьи Констанца, въ сторонѣ отъ дороги, ведущей въ Шафгаузенъ, лежитъ большой камень, до половины заросшій травою и обнесенный высокой желѣзной рѣшеткой. На этомъ мѣстѣ четыреста пятьдесятъ лѣтъ назадъ сожженъ чешскій реформаторъ и патріотъ, Янъ Гусъ, память о которомъ до сихъ поръ свѣжа въ Богеміи. Каждый годъ собирается сюда чешская молодежь въ день казни Гуса, котораго чехи чтутъ не только какъ мученика, погибшаго за свои убѣжденія, но и какъ человѣка, имѣвшаго большое значеніе для развитія чешской образованности и народности.

Въ Констанцѣ разыгрался трагическій конецъ Гуса; жилъ же онъ и дѣйствовалъ въ Прагѣ и тамъ-же вѣроятно,

и умеръ бы скромнымъ проповѣдникомъ Виѳлеемской часовни, еслибъ самъ, по своей волѣ, не явился на соборъ въ Констанцъ, гдѣ ему пришлось сложить голову.

Ни объ одномъ изъ реформаторовъ не сохранилось такъ мало извѣстій изъ частной жизни, какъ о Гусѣ. Онъ родился въ 1369 году, 6-го мая, въ мѣстечкѣ Гусинцѣ, Прахатицкаго округа. Затѣмъ, до вступленія его на общественное поприще въ пражскомъ университетѣ и какъ проповѣдника въ Вифлеемской часовнѣ, о немъ почти нѣтъ свѣдѣній. Правда, общественная дѣятельность составляла все содержаніе жизни Гуса. У него не было ни семьи, ни родныхъ; по крайней мѣрѣ, они не играли никакой роли въ его жизни и самъ онъ только одинъ разъ упоминаетъ о своихъ племянникахъ въ предсмертномъ письмѣ къ любимому ученику.

Отецъ и мать Гуса были небогатые поселяне; давъ сыну первоначальное воспитаніе дома, они помѣстили его въ школу, въ уѣздномъ городѣ Прахатицахъ. Все преподаваніе находилось, въ то время, въ рукахъ латинскаго духовенства; Гусъ еще въ школѣ познакомился съ католическимъ богослуженіемъ и любилъ пѣть латинскія молитвы.

По окончаніи курса въ прахатицкой школѣ, мать Гуса отвезла его въ пражскій университетъ, но не могла обезпечить дальнѣйшей его жизни, такъ какъ не задолго передъ тѣмъ умеръ ея мужъ и она осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію. Поэтому Гусъ долженъ былъ самъ заработывать въ Прагѣ кусокъ хлѣба. Онъ нанялся къ одному студенту, слушавшему лекціи въ университетѣ, и за небольшую плату носилъ его книги.

Въ университетѣ онъ изучалъ философію и богословіе и отличался набожностью. Разсказываютъ, что во время празднованія папскаго юбилея въ Вышеградѣ онъ совершилъ путешествіе въ этотъ городъ, имѣя всего четыре гроша, кото-

рые заплатилъ духовнику за исповѣдь и всю дорогу питался однимъ сухимъ хлѣбомъ.

Другой случай, сохранившійся въ преданіяхъ объ юношеской жизни Гуса и его тогдашнемъ настроеніи, чрезвычайно характеристиченъ. Однажды, въ ожиданіи лекціи, онъ сѣлъ возлѣ только-что затопленной печки и началъ читать житія святыхъ. Когда онъ дошелъ до разсказа объ одномъ мученикѣ, который былъ приговоренъ къ изжаренію на раскаленной рѣшеткѣ и лежа на ней сказалъ своимъ палачамъ: „испеклось, переверните,“ то Гусъ, желая испытать на сколько можно превозмочь физическія страданія силою воли, вложилъ свою руку въ пылавшую печь и вѣроятно сгорѣлъ бы, еслибъ не подоспѣли во время товарищи, которые и спасли его.

Въ обращеніи съ окружающими Гусъ былъ всегда кротокъ и привѣтливъ, хотя велъ жизнь чрезвычайно уединенную и суровую. Впослѣдствіи, ужъ въ констанцкой тюрьмѣ, онъ признавался, что до своего посвященія любилъ играть въ шахматы и при этомъ иногда сердился, а также имѣлъ пристрастіе къ нарядной одеждѣ.

Двадцати четырехъ лѣтъ онъ прошелъ всѣ ученыя степени: бакалавра и потомъ магистра свободныхъ наукъ и богословія, а въ 1398 г. былъ сдѣланъ профессоромъ.

Въ то время пражскій университетъ имѣлъ большое значеніе не только въ Чехіи, но и въ Европѣ. Основанный королемъ Карломъ IV тогда, когда еще въ Германіи не было ни одного университета, онъ служилъ средоточіемъ образованности для всей средней Европы и стоялъ на одномъ ряду съ оксфордскимъ и парижскимъ. Въ него собирались студенты изо всѣхъ окрестныхъ государствъ: Баваріи, Саксоніи, Польши и Богеміи, а подлежавшіе обсужденію магистровъ университета вопросы рѣшались большинствомъ голосовъ, которые распредѣлялись по націямъ.

Къ числу этихъ вопросовъ относились: избраніе ректора и другихъ должностныхъ лицъ, назначеніе на высшія церковныя должности въ Чехіи, съ которыми были связаны и соразмѣрные доходы и др. Но такъ какъ чехи составляли меньшинство въ университетѣ, большинство же принадлежало иностранцамъ и преимущественно нѣмцамъ, то такой порядокъ рѣшенія дѣлъ отзывался на нихъ чрезвычайно невыгодно и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи. Лучшія мѣста и въ церкви и въ университетѣ доставались нѣмцамъ; чехи же, даже получившіе ученыя степени, должны были довольствоваться скромными обязанностями сельскаго священника и учителя. Народъ, конечно, выигрывалъ отъ этого, но сами учителя бѣдствовали, съ трудомъ перебиваясь изо-дня въ день. Кромѣ этихъ внѣшнихъ неудобствъ, чешскіе и нѣмецкіе магистры расходились въ направленіяхъ, какъ научномъ, такъ и религіозномъ. Чехи придерживались болѣе свободныхъ взглядовъ въ дѣлахъ науки и религіи. Все это неминуемо должно было вести къ разъединенію представителей двухъ націй въ университетѣ, которое уже начало проявляться въ то время, когда Гусъ сдѣлался профессоромъ.

Тотчасъ по вступленіи въ свою новую обязанность онъ принялъ живое участіе въ этой борьбѣ и сталъ во главѣ національнаго и свободнаго направленія. Въ первый же годъ онъ рѣзко выступилъ противъ своихъ университетскихъ товарищей, защищая на диспутѣ ученіе Виклефа, котораго папа призналъ еретикомъ.

Какимъ образомъ изъ ревностнаго исполнителя латинскихъ обрядовъ Гусъ сдѣлался отрицателемъ постановленій римской церкви, — объяснить можно вліяніемъ университетскихъ профессоровъ, убѣжденіями, уже заброшенными предшественниками Гуса въ сознаніе чешскаго народа и разви-

тіемъ самого Гуса. Онъ не могъ не замѣтить порочной жизни и злоупотребленій латинскаго духовенства, въ рукахъ котораго въ то время находилось все воспитаніе чешскаго народа. Противодѣйствовать этому можно было лишь сдѣлавъ доступнымъ самому народу то ученіе, которое ему предлагалось; для этого Гусъ считалъ необходимымъ перевести библію на чешскій языкъ и замѣнить латинскій при богослуженіи и въ проповѣди,—народнымъ.

Послѣднее средство Гусъ признавалъ существеннымъ и съ радостью воспользовался представившимся ему случаемъ непосредственно содѣйствовать воспитанію чеховъ. Посвященный въ 1401 году въ священники, онъ былъ назначенъ проповѣдникомъ въ Виѳлеемскую часовню, основанную съ прямою цѣлью доставить чехамъ, и преимущественно простымъ классамъ, возможность имѣть своихъ проповѣдниковъ, говорящихъ вполнѣ понятнымъ для нихъ языкомъ. Гусъ тотчасъ вступилъ въ свои новыя обязанности и скоро пріобрѣлъ себѣ довѣріе слушателей прекрасными, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, проповѣдями. Этому успѣху содѣйствовали не только задушевность, составлявшая существенную черту его рѣчей, ихъ ясность, простота и отсутствіе всякой непонятной для простаго человѣка учености, но и внутренняя правда и проглядывавшее въ нихъ убѣжденіе самого Гуса. Народъ зналъ безупречность жизни своего проповѣдника, его любовь къ справедливости, строгость по отношенію къ себѣ и мягкость съ другими; онъ называлъ его святымъ и слѣпо вѣрилъ ему.

Гусъ работалъ надъ своими проповѣдями, стараясь передавать свои мысли не только понятнымъ, но хорошимъ чешскимъ языкомъ, а это, при тогдашней обработкѣ языка, было дѣломъ не легкимъ. Мало по малу проповѣди его стали посѣщаться и высшими классами; чешская королева Софія об-

ратила на нихъ вниманіе и, увлекшись ими, назначила Гуса своимъ духовникомъ.

Сначала Гусъ ограничивался въ своихъ проповѣдяхъ нападками на пороки мірянъ, и чешское духовенство не только не противодѣйствовало ему, но считало его вдохновеннымъ свыше. Архіепископъ Сбинекъ открыто выказывалъ ему свое расположеніе, слушался его совѣтовъ и поручилъ ему наблюдать за исполненіемъ церковныхъ правилъ въ его епархіи. Но все это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока Гусъ не коснулся пороковъ латинскаго духовенства. Какъ только это случилось, оно возстало противъ него и пожаловалось королю, который однако оставилъ эту жалобу безъ вниманія.

Въ то же время и въ университетѣ дѣла начали принимать другой оборотъ: избранный въ 1402 году ректоромъ университета, черезъ годъ Гусъ былъ замѣненъ нѣмцемъ, съ выборомъ котораго въ университетѣ началась реакція либеральному направленію. Пользуясь этимъ, одинъ силезскій магистръ предложилъ на обсужденіе пражскаго университета 45 статей ученія Виклефа.

Это ученіе было занесено въ Чехію студентами, которые, переходя изъ оксфордскаго университета въ пражскій, приносили съ собою сочиненія Виклефа. Идеи англійскаго реформатора привились въ Чехіи, въ то время одной изъ самыхъ образованныхъ странъ Европы, особенно легко потому, что еще раньше появленія Виклефова ученія предшественники Гуса проповѣдывали чешскому народу положенія, сходныя съ положеніями Виклефа.

Ученіе это заключалось главнымъ образомъ въ отрицаніи всякаго человѣческаго авторитета въ дѣлахъ вѣры, слѣдовательно и постановленій римской церкви и главы ея, папы. Единственнымъ авторитетомъ Виклефъ ставилъ св. Писаніе и проповѣдывалъ необходимость внутренняго возрожденія церкви и сво-

боды изслѣдованія, а не подчиненіе человѣческимъ узаконеніямъ въ вопросахъ религіи. Кромѣ того онъ говорилъ, что церковныя имущества должны находиться не въ рукахъ духовенства, а служить къ уменьшенію налоговъ, лежащихъ на народѣ.

Эти мнѣнія раздѣлялъ Гусъ; но ученіе его имѣло болѣе положительный характеръ. Онъ не касался, подобно Виклефу, догматовъ вѣры, а стремился къ искорененію пороковъ духовенства, ихъ злоупотребленій и къ установленію народныхъ, независимыхъ церквей. Свои положенія онъ и отстаивалъ въ защитѣ Виклефова ученія передъ собраніемъ магистровъ. Хотя ему удалось доказать, что статьи, представленные силезскимъ магистромъ, приведены невѣрно и частью измѣнены имъ, однако совѣтъ положилъ, чтобъ отнынѣ никто не смѣлъ распространять ученіе Виклефа и обязалъ членовъ университета отказаться отъ него. Не смотря однако на побѣду, одержанную большинствомъ совѣта, значеніе Гуса нисколько не умалилось въ глазахъ чеховъ; но въ немъ самомъ проявилась черта, приведшая его впослѣдствіи на костеръ. Онъ твердо отстаивалъ свое мнѣніе до тѣхъ поръ, пока считалъ его истиннымъ, и никакія силы не могли заставить его отречься отъ него или молчать о немъ. Если же положительныя доказательства убѣждали его въ томъ, что онъ заблуждался, онъ готовъ былъ сознаться въ своей ошибкѣ передъ всѣми. Такимъ положительнымъ доказательствомъ въ вопросахъ вѣры Гусъ считалъ св. писаніе, но допускалъ и участіе разума въ изслѣдованіи истины.

Послѣ университетскаго рѣшенія, осудившаго положенія Виклефа, изъ которыхъ многія Гусъ считалъ вѣрными, онъ не отказался отъ нихъ, а продолжалъ въ своихъ проповѣдяхъ и на университетской кафедрѣ развивать тѣ же мысли, которыя собраніе магистровъ признало еретическими. На это обратилъ вниманіе архіепископъ, который, быть можетъ, самъ

и не предпринялъ бы какихъ-нибудь крутыхъ мѣръ противъ Гуса, но въ это время въ Прагѣ было получено повелѣніе папы прекратить въ Чехіи проповѣдь въ духѣ Виклефа и уничтожить его сочиненія. Сбинекъ созвалъ синодъ и постановилъ, чтобъ всѣ, имѣющіе у себя сочиненія Виклефа, доставили ихъ къ нему во дворецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ, что за проповѣдываніе положеній Виклефа виновный будетъ подвергнутъ церковному наказанію.

Вслѣдствіе этого постановленія начались преслѣдованія непокорныхъ; нѣкоторыхъ священниковъ призвали къ допросу и осудили на удаленіе изъ епархіи. Такой образъ дѣйствій вызвалъ протестъ со стороны Гуса. Сильнѣе чѣмъ прежде онъ началъ нападать на власть, присвоенную себѣ духовенствомъ. Однако это не повредило хорошимъ отношеніямъ его къ архіепископу; но скоро между ними возникло новое столкновеніе, которое повело къ окончательному разрыву.

II.

Въ то время въ западной церкви было двое папъ; одинъ въ Римѣ, Григорій XII, другой въ Авиньонѣ, Бенедиктъ XIII. Кардиналы, терпѣвшіе такой расколъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ, рѣшились прекратить его и возстановить единство церкви. Поэтому для избранія новаго папы и низложенія двухъ, спорившихъ между собою, былъ созванъ соборъ въ Пизѣ. Сначала Вячеславъ, король Чехіи, держалъ сторону римскаго папы, но раздраженный поддержкою, оказанной Григоріемъ XII баварскому королю Рупрехту, сопернику Вячеслава на римскій престолъ, онъ присоединился къ кардиналамъ и рѣ-

шился, до избранія новаго папы, не признавать надъ собою главенства ни одного изъ нихъ. На этомъ основаніи король предписалъ чешскому народу и духовенству отказать въ повиновеніи обоимъ папамъ и пригласилъ къ тому же и университетъ. Архіепископъ не согласился съ рѣшеніемъ короля; но Гусъ находилъ его правильнымъ и въ такомъ духѣ сталъ проповѣдывать народу. Въ университетѣ этотъ вопросъ вызвалъ новое столкновеніе между двумя партіями: чешскіе представители держали сторону короля, нѣмцы были противъ него. Видя, что они опять остаются въ меньшинствѣ, чехи подали королю прошеніе, въ которомъ представили, какъ невыгодно для него самого, распредѣленіе голосовъ въ университетѣ по націямъ. Послѣдствіемъ этой просьбы былъ указъ 18-го января 1409 г., которымъ чехамъ предоставлено было впредь три голоса въ университетѣ, а нѣмцамъ одинъ.

Гусъ принималъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ и былъ въ числѣ депутатовъ отъ чешскихъ магистровъ къ королю. Но до короля уже дошли слухи о защитѣ Гусомъ Виклефовыхъ положеній и о проповѣдяхъ его въ Вифлеемской часовнѣ. Поэтому онъ встрѣтилъ Гуса выговоромъ за распространеніе ереси и пригрозилъ ему наказаніемъ, полагаемымъ для еретиковъ, т. е. сожженіемъ на кострѣ. Гусъ былъ такъ огорченъ этимъ пріемомъ короля, что опасно занемогъ.

Между тѣмъ нѣмцы обидѣлись королевскимъ указомъ, доставлявшимъ преобладаніе въ университетѣ чехамъ и стали массами, магистры и студенты, уходить изъ него, унося съ собою ненависть къ чехамъ и въ особенности къ Гусу.

Въ это же время и архіепископъ Сбинекъ явно разошелся съ Гусомъ и запретилъ ему проповѣдывать.

Съ удаленіемъ нѣмцевъ изъ Праги, чешская партія получила преобладаніе въ университетѣ; оно выразилось въ слѣ-

дующемъ году тѣмъ, что Гусъ во второй разъ былъ избранъ ректоромъ. Оправившись отъ болѣзни, онъ сталъ проводить мысль, что въ Чехіи, какъ и во всякой другой странѣ, преобладать должны національные интересы. Понятно, что эта проповѣдь была по душѣ чехамъ. Мало по малу число проповѣдниковъ въ духѣ Гуса стало постоянно увеличиваться; но тѣмъ сильнѣе становилась, въ средѣ чешскаго духовенства, оппозиція недовольныхъ его проповѣдями. Особенно раздражали ихъ проповѣди о томъ, что духовенство должно подражать Христу въ бѣдности, не должно владѣть собственностью, а жить подаяніемъ общины. Они представили архіепископу жалобу, въ которой обвиняли Гуса въ возбужденіи народа противъ духовенства, въ проповѣдываніи ереси Виклефа, отрицаніи авторитета церкви. Архіепископъ передалъ эти жалобы на разсмотрѣніе пражскаго инквизитора, профессора богословія въ университетѣ, а самъ, по совѣту академическихъ противниковъ Гуса, велѣлъ всѣмъ гражданамъ Праги доставить къ нему на дворъ имѣющіяся у нихъ сочиненія Виклефа.

Такое распоряженіе противорѣчило привиллегіямъ университета и поэтому Гусъ съ товарищами принесъ аппелляцію новому папѣ Александру V, избранному на пизскомъ соборѣ. Александръ V, знавшій, что Гусъ и его партія съ самаго начала пристали къ королю и отклонились отъ Григорія XII, былъ сначала расположенъ къ чехамъ и потребовалъ архіепископа въ Римъ. Но Сбинекъ во-время успѣлъ отвратить отъ себя бѣду, пославъ папѣ тайный доносъ о томъ, что, благодаря Гусу и его приверженцамъ, въ Чехіи и Моравіи чрезвычайно быстро распространяется ересь, для искорененія которой необходимо вмѣшательство самого папы. Въ отвѣтъ на это папа прислалъ буллу, которою онъ запрещалъ проповѣдь во всѣхъ часовняхъ и предписывалъ архіепископу употребить всѣ средства для прекращенія ере-

си. При этомъ папа выражалъ ему свое одобреніе за то, что онъ требовалъ выдачи сочиненій Виклефа.

Булла эта, направленная преимущественно противъ проповѣди на чешскомъ языкѣ, произвела въ Прагѣ сильное волненіе. Придворные и дворянство вознегодовали на архіепископа за то, что онъ взводилъ на Чехію ложное обвиненіе въ ереси. Гусъ не только не послушался повелѣнія папы, но въ первой же проповѣди сталъ говорить народу о лживости обвиненій, взводимыхъ на Чехію и всячески старался ослабить впечатлѣніе буллы. Тѣмъ не менѣе архіепископъ потребовалъ выдачи сочиненій Виклефа, и Гусъ повиновался ему съ условіемъ, чтобъ эти сочиненія были предварительно разсмотрѣны компетентными лицами.

Только немногіе магистры не подчинились требованію Сбинка, но около двухсотъ роскошныхъ экземпляровъ были ему представлены. Въ то время еще не было изобрѣтено книгопечатаніе и потому имѣвшіеся экземпляры сочиненій Виклефа были особенно дороги ихъ владѣльцамъ, пріобрѣвшимъ ихъ за большія деньги и съ величайшимъ трудомъ. По требованію Гуса книги эти были переданы еще разъ на обсужденіе коммисіи шести докторовъ, назначенныхъ Сбинкомъ, признаны ею еретическими и приговорены къ сожженію. Не смотря на протестъ университета и обѣщанія короля не допустить исполненія приговора архіепископа, эти сочиненія, при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи многихъ лицъ высшаго духовенства, были сожжены на архіепископскомъ дворѣ, при пѣніи Te-Deum'а и звонѣ колоколовъ, а черезъ два дня архіепископъ, узнавъ о томъ, что проповѣдь Гуса не прекращается, велѣлъ провозгласить во всѣхъ церквахъ своей епархіи объ отлученіи отъ церкви Гуса и его приверженцевъ.

Въ эту зиму проповѣди Гуса пріобрѣли особенную извѣст-

ность; на нихъ сходился не только простой народъ, но рыцари и вельможи, которые постепенно увеличивали собою число его сторонниковъ. Поэтому отлученіе его отъ церкви подѣйствовало чрезвычайно сильно на всѣ сословія Праги. Городъ пришелъ въ волненіе. Народъ не скрывалъ своего негодованія противъ архіепископа, про котораго были сложены ругательныя пѣсни; на улицахъ происходили драки и открытое возмущеніе. Король, раздраженный противъ архіепископа, принялъ однако строгія мѣры для прекращенія безпорядковъ, запретивъ подъ смертной казнью всякія насилія съ обѣихъ сторонъ; въ то же время онъ предписалъ Сбинку уплатить владѣльцамъ сожженныхъ книгъ ихъ стоимость, угрожая, въ противномъ случаѣ, отнять у него доходы. Вмѣстѣ съ тѣмъ король отказался признать декретъ объ отлученіи Гуса и позволилъ ему продолжать проповѣдывать въ Виѳлеемской часовнѣ.

При этихъ смятеніяхъ Гусъ выказалъ большое достоинство, спокойно объясняя народу значеніе дѣйствій архіепископа и продолжая защищать мнѣнія, которыя высказывалъ прежде. Въ то же время онъ послалъ новому папѣ, который наслѣдовалъ умершему Александру V, жалобу на запрещеніе ему проповѣдывать и вообще на дѣйствія архіепископа. Король, королева, вельможи и магистратъ, до тѣхъ поръ стоявшій противъ Гуса, также отправили папѣ просьбу объ отмѣнѣ мѣръ, принятыхъ противъ Гуса, и о дозволеніи ему проповѣдывать. Но и на этотъ разъ архіепископъ предупредилъ всѣхъ. Папа Іоаннъ XXIII не только одобрилъ всѣ распоряженія Сбинка, но возстановленный противъ Гуса его врагами, потребовалъ его къ личному отвѣту въ Болонью, гдѣ въ то время находился папскій дворъ.

Такой образъ дѣйствій оскорбилъ короля. Получивъ отвѣтъ папы, Вячеславъ написалъ ему письмо, въ которомъ выражалъ свою волю, чтобъ была дозволена проповѣдь въ

Виѳлеемской часовнѣ и называлъ Гуса своимъ вѣрнымъ, дорогимъ духовникомъ. Въ заключеніе король писалъ, что не желаетъ выдать Гуса его врагамъ, такъ какъ онъ своими проповѣдями пріобрѣлъ такое вліяніе на народъ, что выдача его вызоветъ безпорядки въ городѣ. Для объясненій же король предложилъ кардиналу Колоннѣ, которому было передано все дѣло Гуса, самому пріѣхать въ Прагу или прислать лицъ, имѣющихъ что-либо противъ Гуса.

Съ своей стороны Гусъ поручилъ тремъ прокураторамъ, докторамъ богословія, вести за него процессъ при папскомъ дворѣ, прося ихъ извиниться передъ папой въ личной неявкѣ его. Эту неявку Гусъ объяснялъ тѣмъ, что узнавъ о готовившейся ему въ Болоньѣ гибели, онъ рѣшился послѣдовать совѣту расположенныхъ къ нему людей и остаться въ Прагѣ. При этомъ онъ изъявлялъ готовность отдать отчетъ въ своемъ ученіи и проповѣдяхъ передъ университетомъ и собраніемъ прелатовъ.

Прокураторы, посланные Гусомъ, не были выслушаны кардиналомъ, который, по прошествіи назначеннаго для явки Гуса срока, вновь отлучилъ его отъ церкви.

Еще до полученія этого извѣстія, въ Прагу дошли о немъ слухи, и король, опасаясь новаго волненія, посовѣтовалъ Гусу удалиться на нѣкоторое время изъ города, а самъ, своей властью, разрѣшилъ священникамъ запрещенныя архіепископомъ проповѣдь и богослуженіе въ церквахъ.

Священники, соблюдавшіе запрещеніе, стали подвергаться преслѣдованіямъ не только народа, но и свѣтской власти, которая въ это время рѣшительно стояла на сторонѣ Гуса.

Гусъ сознавалъ, что противясь архіепископу и папѣ, онъ затѣваетъ опасную игру, за которую можетъ поплатиться жизнью; но для него было еще страшнѣе поступить противъ совѣсти. До сихъ поръ онъ считалъ себя правымъ; поэтому

даже послѣ сожженія сочиненій Виклефа продолжалъ защищать въ университетѣ нѣкоторыя изъ его положеній, ожидая, что ихъ будутъ опровергать не произвольными возраженіями, а св. писаніемъ. Съ этой же цѣлью онъ изложилъ свое ученіе въ отдѣльныхъ трактатахъ, которые защищалъ въ проповѣдяхъ.

Что онъ сознавалъ опасность, которой подвергалъ себя такими дѣйствіями,—это видно изъ его сочиненій. Въ нихъ онъ выражаетъ готовность пострадать, если нужно, за истину и говоритъ: „Еслибъ меня пугалъ страхъ смерти, то я вѣрю, что Богъ пошлетъ мнѣ твердость, а если я удостоюсь Его милости, то увѣнчаетъ меня мученической смертью. Какая это прекрасная побѣда!“

Онъ ослушался запрещенія, наложеннаго на его проповѣдь, не потому, что роль проповѣдника увеличивала его популярность среди народа, но потому, что это запрещеніе имѣло главной цѣлью прекратить проповѣдь въ Виѳлеемской часовнѣ, гдѣ, какъ говорили враги Гуса, онъ образовалъ свою „сатанинскую школу.“ Гусъ любилъ свой народъ, а Виѳлеемская часовня была главнымъ и единственнымъ мѣстомъ, гдѣ чешскій народъ могъ поучаться на родномъ языкѣ. Не признавая за собою никакой дѣйствительной вины, Гусъ не считалъ себя въ правѣ бросить свою паству и идти въ Римъ на вѣрную гибель, тѣмъ болѣе, что встрѣчалъ косвенную поддержку въ королѣ. Въ томъ же году, когда послѣдовалъ вызовъ Гуса къ папѣ, король издалъ законъ, которымъ воспрещалось духовнымъ лицамъ призывать къ своему суду свѣтскихъ людей. Онъ всячески старался устроить примиреніе между Гусомъ и его противниками. Для этого онъ назначилъ коммиссію изъ двѣнадцати лицъ, занимавшихъ высшія духовныя и свѣтскія мѣста въ королевствѣ. Въ этой коммиссіи король участвовалъ самъ, а также пригласилъ и ар-

хіепископа. Коммиссія вступила въ переговоры съ Гусомъ и слѣдствіемъ ихъ было посланіе, написанное архіепископомъ къ папѣ, которому Сбинекъ доносилъ о своемъ примиреніи съ Гусомъ и его партіей, ходатайствовалъ передъ папой о снятіи съ Гуса отлученія отъ церкви и о дозволеніи ему вновь проповѣдывать. Въ заключеніе Сбинекъ извѣщалъ, что въ Чехіи нѣтъ болѣе ереси. Съ своей стороны Гусъ представилъ собранію университета полное свое исповѣданіе вѣры, въ которомъ, ничего не скрывая, вновь признавалъ проповѣдуемыя имъ мнѣнія, опровергалъ то, что ему ложно приписывали враги и выражалъ свою готовность повиноваться папѣ. Это изложеніе исповѣди Гуса было передано архіепископу, который долженъ былъ отправить его вмѣстѣ съ своимъ посланіемъ въ Римъ. Но Сбинекъ скоро одумался и вмѣсто того, чтобъ исполнить возложенное на него порученіе, уѣхалъ изъ Праги, написавъ королю письмо, въ которомъ говорилъ, что, такъ-какъ въ городѣ возобновилась проповѣдь въ прежнемъ духѣ, то совѣсть запрещаетъ ему лгать передъ папой, будто въ Чехіи нѣтъ болѣе ереси и потому онъ навсегда намѣренъ покинуть Прагу. На пути къ брату Вячеслава, Сигизмунду, венгерскому королю, куда отправился Сбинекъ, онъ умеръ не доѣхавъ до мѣста.

III.

Во время своего отсутствія изъ Праги, Гусъ не прекращалъ сношеній съ нею. Онъ писалъ своей общинѣ посланія, которыя читались приверженцами его въ Виѳлеемской ча-

совнѣ, посылалъ письма своимъ университетскимъ друзьямъ и по возвращеніи въ столицу, опять явился прежнимъ защитникомъ положеній Виклефа, вновь выступившихъ на свѣтъ въ совѣтѣ университета. Къ этому же времени относятся главнѣйшія его сочиненія, послужившія впослѣдствіи основаніемъ къ обвиненію его на Констанцкомъ соборѣ.

Между тѣмъ въ Прагу пріѣхали посланные папою Іоанномъ XXIII продавцы индульгенцій и привезли съ собою двѣ папскихъ буллы; въ одной изъ нихъ пражскому духовенству повелѣвалось провозглашать при каждой мессѣ отлученіе отъ церкви короля обѣихъ Сицилій, Владислава, и всѣхъ потомковъ его до четвертаго колѣна, а въ другой граждане приглашались къ участію лично или посредствомъ денежныхъ приношеній, въ крестовомъ походѣ, который папа намѣренъ былъ предпринять противъ своего врага, Владислава.

Ученіе объ индульгенціяхъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ могъ освободиться отъ грѣховъ, заплативъ извѣстную сумму денегъ, въ старой церкви состояло въ томъ, что община имѣла право замѣнить денежнымъ штрафомъ церковную эпитимію, налагаемую на провинившихся ея членовъ. Но такая замѣна не освобождала отъ грѣховъ; такъ какъ она давалась вслѣдствіе доказаннаго передъ цѣлой общиной раскаянія и внутренняго сокрушенія, тослужила только знакомъ примиренія раскаявшагося съ церковью, на нужды которой и обращалась уплаченная сумма, въ видѣ подати. Впослѣдствіи, съ паденіемъ общины, это право перешло къ епископамъ и папѣ; измѣнился также и самый взглядъ на индульгенціи. Католическая церковь стала утверждать, что у нея есть богатая сокровищница добрыхъ дѣлъ, совершенныхъ праведниками, и продавала грѣшникамъ, въ формѣ индульгенцій, частицы благодати, накопленной въ этой сокровищницѣ. При этомъ епископы могли давать отпуски грѣховъ

только на извѣстные, опредѣленные папою, сроки; полное же отпущеніе давалъ самъ папа.

Получая такимъ путемъ громадныя суммы, папы начали впослѣдствіи утверждать право продажи отпусковъ за монастырями, отдавали на откупъ это право коммисарамъ, выбираемымъ большею частью изъ высшаго духовенства; эти послѣдніе нанимали, съ своей стороны, коммисаровъ уже изъ купцовъ, которые открывали большія конторы и торговали отпусками, какъ товаромъ. Папа-же оставилъ за собою право раздавать великую индульгенцію т. е. полное отпущеніе всѣхъ грѣховъ, за большія пожертвованія въ пользу церкви. Для полученія такой индульгенціи требовалось покаяніе и исповѣдь; малыя же индульгенціи продавались просто за деньги. Впослѣдствіи за различные грѣхи была установлена формальная такса. Напримѣръ, за церковный грабежъ взималось 9 червонцевъ, за простое убійство 7, за колдовство 6, за убійство родителей и родственниковъ 8. Точно также можно было откупиться отъ чистилища, а въ 1507 и 1512 годахъ отъ ереси.

Вотъ образчикъ, сохранившейся съ 1517 года, индульгенціи: на листѣ пергамента изображенъ доминиканскій монахъ съ крестомъ въ рукѣ, терновымъ вѣнцомъ и пылающимъ сердцемъ. На верху, въ каждомъ углу нарисовано по пригвожденной рукѣ Спасителя, внизу—по пригвожденной ногѣ. На передней сторонѣ написано: „Папа Левъ X, 1517. Молитва. Вотъ длина и ширина ранъ Христа. За каждый поцѣлуй отпускаются грѣхи на семь лѣтъ.“ На другой сторонѣ надпись: „крестъ, взятый 40 разъ, составляетъ ростъ Христа во время его воплощенія. Цѣлующій его спасается на 7 дней отъ внезапной смерти, падучей болѣзни и удара.“

Продавцы отпущеній говорили, что красный крестъ индульгенціи и висящая на немъ печать папы имѣютъ такое же

значеніе, какъ и крестъ Христа, что оплачивающіе индульгенціи становятся чище, нежели послѣ крещенія; что они дѣлаются столь же чистыми „какимъ былъ Адамъ въ раю до грѣхопаденія“, что продавецъ индульгенцій спасаетъ людей подобно Петру и проч.

Король Вячеславъ и новый архіепископъ допустили продажу индульгенцій, которая производилась съ торжествомъ на площади, при чемъ народъ сзывался барабаннымъ боемъ. Священники возвѣщали по церквамъ о появленіи буллы. Гусъ не могъ остаться равнодушнымъ зрителемъ такого торга и сталъ проповѣдывать противъ него съ кафедры. Но не ограничиваясь этимъ, онъ прибилъ, по тогдашнему обычаю, къ стѣнамъ объявленія о публичномъ диспутѣ, на который вывызывалъ желающихъ возражать ему. Несмотря на противодѣйствіе со стороны новаго архіепископа, это преніе состоялось. Гусъ говорилъ противъ индульгенцій спокойно, систематически доказывая неприличіе такой торговли. Другъ же его, Іеронимъ Пражскій, произнесъ пламенную рѣчь, подѣйствовавшую преимущественно на молодежь, которая съ торжествомъ проводила его до дому.

Гусу возражали многіе магистры. Возраженія эти дѣлались иногда въ такой неумѣренной формѣ, что присутствовавшій при преніи народъ, пришолъ въ волненіе, полагая, что Гусу грозитъ опасность. Мало-по-малу среди слушателей поднялся шумъ и стали раздаваться угрозы побить каменьями противниковъ Гуса. Онъ старался упокоить волненіе и когда пренія кончились, окруженный массою народа, отправился въ Виѳлеемскую часовню, гдѣ произнесъ съ кафедры проповѣдь на чешскомъ языкѣ, въ которой убѣждалъ народъ не покупать индульгенцій.

Однако волненіе не утихало; народъ сжегъ двѣ папскія буллы и сталъ силою разгонять продавцовъ отпущеній.

Король, дозволившій изъ личной вражды къ Владиславу, продажу индульгенцій и провозглашеніе буллы, поручилъ магистрату усмирить народъ, хотя-бы для этого понадобилось казнить зачинщиковъ безпорядковъ. Но онъ не трогалъ Гуса. Магистратъ, состоявшій преимущественно изъ нѣмцевъ, рѣшился привести приказаніе короля въ исполненіе и воспользовался первымъ представившимся случаемъ.

Въ одинъ день въ трехъ различныхъ церквахъ, во время проповѣди, приглашавшей къ покупкѣ индульгенцій, изъ толпы послышались возраженія и крики: „это не правда, магистръ Гусъ объяснилъ намъ, что это обманъ". Въ то время такіе перерывы проповѣдника случались довольно часто и на нихъ не обращалось никакого вниманія; но на этотъ разъ изъ толпы были выхвачены трое молодыхъ людей и приговорены магистратомъ къ смерти. Извѣстіе объ этомъ произвело страшное смятеніе въ народѣ. Цѣлая толпа собралась передъ ратушей, требуя освобожденія арестованныхъ. Магистратъ между тѣмъ объявилъ о предстоящей казни. Гусъ, ничего до тѣхъ поръ не знавшій о случившемся, поспѣшилъ съ другими магистрами и студентами въ ратушу и сталъ просить магистратъ объ отмѣнѣ казни. Онъ бралъ всю вину на себя, говоря, что арестованные только повторяли его слова. Чтобъ отдѣлаться отъ Гуса магистратъ обѣщалъ исполнить его просьбу, но лишь только онъ ушелъ,—трое несчастныхъ были обезглавлены передъ ратушей, въ виду еще не разошедшейся толпы. Такой поступокъ поразилъ всѣхъ. Когда палачъ, исполнивъ казнь, воскликнулъ: „такое же наказаніе ожидаетъ всякаго, кто совершитъ подобное дѣло", раздались голоса „мы готовы также поступать и также страдать!" Затѣмъ народъ въ глубокомъ безмолвіи поднялъ тѣла казненныхъ и отнесъ ихъ въ Виѳлеемскую часовню, гдѣ по нимъ была совершена заупокойная обѣдня.

*

Это событіе возбудило гуситовъ; они увидѣли въ казненныхъ,—мучениковъ, погибшихъ за свои убѣжденія. Примѣръ ихъ пробудилъ въ зрителяхъ казни желаніе пострадать подобно имъ. Такое настроеніе съ тѣхъ поръ не оставляло гуситовъ. Ненависть къ римской партіи еще усилилась, а соразмѣрно ей и воодушевленіе къ Гусу, который не только не желалъ поддерживать возмущеніе въ народѣ, но даже въ первой, послѣ этого событія, проповѣди, не упомянулъ о казненныхъ, потому что въ этотъ день въ часовнѣ было огромное стеченіе народа. Вслѣдствіе этого въ городѣ разнесся слухъ, что Гусъ боится говорить объ этомъ предметѣ, что ему это запрещено королемъ. Чтобъ опровергнуть слухи, дурно подѣйствовавшіе на народъ, Гусъ слѣдующую свою проповѣдь посвятилъ казненнымъ юношамъ и разбирая ихъ поступокъ, убѣждалъ присутствовавшихъ стоять за правду не отступая ни передъ какими страданіями.

Споръ объ индульгенціяхъ вызвалъ печальныя для Гуса послѣдствія. Его ближайшіе друзья, которыми онъ очень дорожилъ, перешли на сторону враговъ и, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, стали нападать на него съ особенной яростью, отъ которой не отступали до самого конца. Это были два магистра: Станиславъ изъ Знайма и Палечъ, въ то время деканъ богословскаго факультета; они стали теперь во главѣ академической оппозиціи къ Гусу. Такимъ образомъ чехи замѣнили нѣмцевъ во враждѣ къ нему. Кромѣ нихъ, противъ Гуса было почти все высшее духовенство Богеміи, какъ чешское, такъ и нѣмецкое; большинство же враждебнаго лагеря состояло изъ приходскихъ священниковъ, неоднократно прежде подававшихъ на него жалобы королю и архіепископу. Изъ свѣтскаго міра къ числу враговъ Гуса принадлежалъ магистратъ, состоявшій въ то время преиму-

щественно изъ нѣмцевъ, которые дѣйствовали противъ него столько же изъ національныхъ, сколько и изъ религіозныхъ интересовъ. Для нихъ было чрезвычайно важно остановить возрастающее могущество гуситской партіи, мѣшавшей имъ занять прежнее первенствующее мѣсто въ Богеміи.

Въ числѣ приверженцевъ Гуса не было ни одного прелата; но большая часть низшаго духовенства стояла на его сторонѣ. Сюда же принадлежало большинство членовъ университета и притомъ наиболѣе ученыхъ, имена которыхъ пользовались въ то время извѣстностью. Наконецъ, за него были многіе знатные вельможи и рыцари изъ Богеміи, Моравіи и Польши. Они открыто высказывались за Гуса и содѣйствовали распространенію его ученія въ странѣ. Къ приверженцамъ же Гуса причислялось и большинство горожанъ и крестьянъ, преимущественно чешскаго населенія Праги и въ томъ числѣ много женщинъ.

Что касается короля Вячеслава, то для него религіозные вопросы не имѣли особенной важности; но онъ видѣлъ злоупотребленія господствующей римской церкви, считалъ Гуса серьезнымъ поборникомъ религіи и нравственности, и притомъ человѣкомъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ на народъ. Къ тому же королева и придворные поддерживали Гуса. Король желалъ бы прекратить раздоръ между партіями и окончить ихъ къ торжеству справедливаго дѣла, какимъ онъ считалъ Гуса, но дѣйствовалъ непослѣдовательно, подъ впечатлѣніемъ минуты и только еще болѣе помогалъ разгару страстей.

Между тѣмъ, городскія власти увидѣвъ, что кровавое усмиреніе борьбы, вызванной продажей индульгенцій, не приводитъ къ желаемымъ результатамъ, а только вызываетъ сильнѣйшее раздраженіе въ народѣ, рѣшились выпустить арестованныхъ во время безпорядковъ лицъ, успѣвъ уже казнить нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Тогда враги Гуса рѣшили перенести споръ на другую почву и съ этой цѣлью представили въ университетъ въ третій разъ 45 Виклефовыхъ положеній, присоединивъ къ нимъ еще пять новыхъ, въ надеждѣ, такимъ образомъ, косвенно осудить и ученіе Гуса.

На этотъ разъ Гусъ рѣшительнѣе, чѣмъ прежде, выступилъ на защиту этихъ положеній. Магистры вновь обвинили его въ ереси и въ отвѣтъ на это обвиненіе Гусъ объявилъ, что готовъ представить свои положенія на обсужденіе магистровъ, но съ тѣмъ, что если они будутъ, на основаніи ясныхъ доказательствъ изъ Св. Писанія, признаны еретическими, то онъ готовъ подвергнуться огненной казни; если же его обвинители не докажутъ своихъ обвиненій, то они должны подвергнуться тому же наказанію. На это противники Гуса не согласились и видя, что со стороны короля поддержки ждать нечего, обратились къ папѣ. Іоаннъ XXIII не останавливавшійся ни предъ чѣмъ, когда дѣло касалось его самого, немедленно издалъ новое отлученіе противъ Гуса, который, какъ его извѣстили, возставалъ противъ посланныхъ имъ продавцовъ индульгенцій и буллы.

Это отлученіе было составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Вѣрующіе должны избѣгать всякаго сношенія съ Гусомъ; если онъ чрезъ двадцать дней не измѣнитъ своего образа дѣйствій, то каждое воскресенье и праздничные дни, когда свѣчи будутъ зажжены, затѣмъ погашены и брошены на землю, во всѣхъ церквахъ должна произноситься анафема Гусу. И послѣ того никто, подъ угрозою такого же отлученія, не долженъ доставлять ему пищу и питье, принимать его подъ свою кровлю, продавать ему что-либо или покупать у него, говорить съ нимъ и вообще входить съ нимъ въ какія либо сношенія. Наконецъ, во всѣхъ деревняхъ и городахъ, гдѣ онъ будетъ находиться, должно быть прекращаемо бо-

гослуженіе и отправленіе церковныхъ таинствъ, которые могутъ быть возобновлены лишь по прошествіи трехъ дней послѣ его отъѣзда.“ Вслѣдъ за этимъ эдиктомъ появился другой, которымъ жители Праги приглашались схватить Гуса и выдать его архіепископу или самимъ осудить его и сжечь, а также разрушить до основанія Виѳлеемскую часовню.

Магистратъ тотчасъ же принялся за исполненіе этого приговора и въ первое же воскресенье явились въ церковь члены магистрата, преимущественно нѣмцы, съ копьями и мечами; но народъ не допустилъ ихъ до Гуса, который спокойно кончилъ свою проповѣдь. Точно также не удалось и разрушеніе часовни, благодаря противодѣйствію народа. Тѣмъ не менѣе, папскій эдиктъ былъ провозглашенъ и приводился въ исполненіе. Король не вмѣшивался въ это дѣло; но Гусъ, видя, что онъ служитъ причиною того, что народъ лишенъ возможности слышать проповѣдь, что новорожденные остаются безъ крещенія и вообще прекращены всякіе церковные обряды, рѣшился во второй разъ удалиться изъ города. Передъ отъѣздомъ, не находя нигдѣ себѣ оправданія, онъ аппелировалъ къ Христу, передъ собраніемъ народа. Въ то время такая аппеляція имѣла смыслъ и служила средствомъ, не преступая уваженія къ церкви, отказывать ей въ повиновеніи. Видя, что дѣла дошли до такого положенія, король тоже просилъ Гуса удалиться, а самъ сдѣлалъ еще попытку примирить партіи; но и эта попытка не привела ни къ чему; однако, послѣдствіемъ упорства, выказаннаго при этомъ случаѣ врагами Гуса, былъ королевскій указъ, которымъ пражскій магистратъ на будущее время долженъ былъ составляться на половину изъ нѣмцевъ и чеховъ, между тѣмъ какъ прежде нѣмцы значительно преобладали въ немъ.

По отъѣздѣ изъ Праги, Гусъ поселился въ замкѣ одного

изъ своихъ приверженцевъ, а по смерти его переѣхалъ въ имѣніе вельможи, любимца короля. Отсюда онъ часто выѣзжалъ въ окрестныя деревни, и подъ открытымъ небомъ, въ полѣ, проповѣдывалъ народу. Эти проповѣди значительно содѣйствовали распространенію его ученія въ Богеміи. Онъ пріѣзжалъ иногда и въ Прагу, но не являлся публично на каѳедрѣ, хотя и не скрывался отъ властей. Онъ велъ дѣятельную переписку съ пражскими друзьями и работалъ надъ нѣкоторыми своими сочиненіями, въ которыхъ подробно изложилъ доказательства истинности своего ученія. (О церкви и пр.).

Разногласіе Гуса съ латинскимъ духовенствомъ обнаруживалось со стороны его преимущественно тѣмъ, что онъ нападалъ на дурную жизнь духовныхъ и ихъ злоупотребленія; враги же его, не касаясь нравственной стороны вопроса, видѣли въ Гусѣ отступника отъ ученія и дисциплины римской церкви.

IV.

На пизскомъ соборѣ не были рѣшены всѣ задачи, ему предстоявшія. Церковная реформа была отсрочена и хотя на мѣсто двухъ папъ былъ избранъ одинъ, но два прежнихъ, Григорій XII и Бенедиктъ XIII, продолжали считать себя папами и не думали отказываться отъ власти. Между тѣмъ потребность въ обновленіи церкви чувствовалась всѣми и потому, когда въ 1412 г. разошелся слухъ о созывѣ новаго собора въ Констанцѣ, то всѣ обрадовались ему. Соборъ созы-

вался по желанію римскаго короля Сигизмунда, брата Вячеслава Богемскаго, уступившаго ему свои права на римскій престолъ, и папы Іоанна XXIII. Король Сигизмундъ, ревностный католикъ, не могъ равнодушно смотрѣть на событія, происходившія въ Богеміи. Поэтому онъ считалъ необходимымъ представить на обсужденіе собора ученія Гуса и Виклефа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ, что ничто не можетъ принудить Гуса явиться на соборъ, если онъ самъ того не захочетъ, и потому вошелъ съ нимъ въ переговоры по этому предмету. Черезъ своихъ довѣренныхъ лицъ Сигизмундъ обѣщалъ Гусу, что онъ будетъ имѣть возможность изложить свое ученіе передъ цѣлымъ соборомъ, которому однако не обязанъ подчиняться, и, кромѣ того, что когда Гусъ захочетъ возвратиться въ Богемію, то Сигизмундъ ручается за его безпрепятственный проѣздъ.

Гусъ охотно согласился, не смотря на предостереженія друзей, убѣждавшихъ его не довѣряться обѣщаніямъ Сигизмунда. Ему хотѣлось отдать отчетъ въ своемъ ученіи, доказать передъ высшими духовными и свѣтскими лицами, что онъ не еретикъ, и снять обвиненіе въ ереси съ своей родной страны. Онъ требовалъ только одного—простора себѣ для объясненій. Когда это ему было обѣщано, онъ, не колеблясь, сталъ собираться въ Констанцъ.

Однако передъ отъѣздомъ онъ счелъ нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры предосторожности. Въ то время въ Прагѣ собирался провинціальный синодъ. Гусъ прибилъ всюду, на на стѣнахъ и воротахъ Праги, у королевскаго замка и архіепископскаго дворца, объявленія о томъ, что онъ готовъ отдать отчетъ синоду въ своемъ ученіи и приглашаетъ желающихъ возражать ему; при этомъ онъ повторилъ прежнее условіе, что тотъ, кто не докажетъ своихъ положеній, долженъ подвергнуться наказанію, налагаемому на еретиковъ,

т. е. огненной смерти. Въ тоже время онъ извѣщалъ, что отправляется на соборъ въ Констанцъ, куда приглашаетъ всѣхъ, имѣющихъ что-либо противъ его ученія. Но Гусъ не былъ допущенъ въ синодъ, несмотря на то, что нѣсколько разъ являлся къ дверямъ залы совѣщаній.

Это было дурнымъ предзнаменованіемъ; но тотъ же архіепископъ, который не разрѣшилъ Гусу принять участіе въ совѣщаніяхъ синода, объявилъ въ присутствіи бароновъ, на офиціальномъ политическомъ собраніи, что онъ признаетъ Гуса невиновнымъ въ ереси, и совѣтуетъ ему ѣхать въ Констанцъ для того только, чтобы какъ можно скорѣе снять съ себя отлученіе. Папскій инквизиторъ въ Богеміи, по просьбѣ Гуса, выдалъ ему свидѣтельство въ его „чисто католическомъ исповѣданіи вѣры“, и въ томъ, что на приглашеніе Гуса публично возражать ему, никто не явился.

Заручившись этими свидѣтельствами Гусъ прсотился съ королемъ, говоря что не отказывается пострадать за свое ученіе, если оно будетъ признано ересью.

Къ Сигизмунду же Гусъ еще разъ написалъ, прося его дать ему свободный пропускъ черезъ всѣ города до Констанца и главное—доставить ему тамъ возможность публично оправдаться и изложить свое ученіе. „Такъ какъ я ничего не проповѣдывалъ тайно“, прибавлялъ Гусъ, „то хотѣлъ бы быть выслушанымъ въ публичномъ засѣданіи, проповѣдывать и дать отвѣтъ всѣмъ, кто меня станетъ обвинять“. И въ этомъ письмѣ Гусъ упомянулъ о своей готовности умереть за правое дѣло. Онъ не скрывалъ отъ себя опасности, на которую шелъ, но допускалъ эту опасность только относительно себя самого; въ торжествѣ же своего дѣла ни теперь, ни послѣ, онъ не сомнѣвался ни минуты.

Между тѣмъ, его противники приложили всѣ старанія чтобъ собрать возможно больше обвиненій противъ него. Они при-

гласили всѣхъ, несогласныхъ съ Гусомъ, изложить свои жалобы и возраженія. Эти заявленія послужили основаніемъ къ обвиненію Гуса на соборѣ. Въ числѣ обвиненій было и то, что онъ возстановлялъ народъ противъ латинскаго духовенства и способствовалъ враждѣ между нѣмцами и чехами въ Прагѣ. Обвинительныя статьи были тайно доставлены Гусу его друзьями. Онъ написалъ на нихъ объясненія еще до своего отъѣзда въ Констанцъ и передалъ друзьямъ, чтобы на случай его смерти, эти объясненія могли служить оправданіемъ ему передъ народомъ и его приверженцами.

Затѣмъ Гусу предстояло еще отыскать средства для поѣздки въ Констанцъ. Не смотря на то, что онъ ѣхалъ туда по приглашенію короля, онъ долженъ былъ сдѣлать переѣздъ на свой счетъ. Многочисленные друзья его, и бѣдные и богатые, доставили ему довольно значительную сумму, которую онъ намѣревался отдать по своемъ возвращеніи въ Прагу. Онъ долженъ былъ ѣхать въ сопровожденіи трехъ чешскихъ рыцарей, которымъ короли Сигизмундъ и Вячеславъ поручили охрану его, какъ во время пути, такъ и въ Констанцѣ.

Соборъ созывался къ ноябрю 1414 г. и Гусъ выѣхалъ 10 октября, не получивъ охраннаго листа, обѣщаннаго королемъ. Долѣе ждать онъ не могъ, потому что опоздалъ бы на соборъ. „Я уѣзжаю“, писалъ онъ въ прощальномъ письмѣ къ чешскимъ друзьямъ „безъ охраннаго листа, въ среду многочисленныхъ и могущественныхъ враговъ, изъ которыхъ злѣйшими оказываются мои соотечественники, какъ вы сами въ томъ удостовѣритесь по окончаніи собора“. Далѣе Гусъ высказывалъ въ этомъ письмѣ тоже предчувствіе страданій и смерти, ожидающихъ его, и просилъ друзей молиться только о томъ, чтобъ Богъ послалъ ему достаточно твердости перенести все предстоящее. Въ заключеніе онъ давалъ короткія

наставленія своимъ друзьямъ, прося ихъ не отказываться отъ истины.

Это письмо можно считать завѣщаніемъ Гуса. Вмѣстѣ съ нимъ онъ написалъ еще другое посланіе къ своему любимому воспитаннику Гавлику, котораго увѣщевалъ не подражать ему въ его слабостяхъ и въ концѣ письма дѣлалъ распоряженія касательно своего имущества, заключавшагося, какъ кажется, въ парѣ платья.

Разставанье Гуса съ друзьями было тяжелое. Одинъ изъ его приверженцевъ сказалъ ему на прощанье: „Едва ли ты вернешься къ намъ, добрый магистръ Янъ; но пусть воздастъ тебѣ, за доброе и вѣрное ученіе, которое ты передалъ намъ, царь, не венгерскій (Сигизмундъ), а небесный!

Гусъ поѣхалъ въ открытомъ экипажѣ; на немъ было священническое одѣяніе; онъ показывался всюду и въ главнѣйшихъ городахъ прибивалъ объявленія о цѣли своей поѣздки, приглашая всѣхъ, кто пожелаетъ уличить его въ ереси, отправиться на соборъ.

Пріемъ, оказанный ему при проѣздѣ черезъ нѣмецкія земли, превзошелъ его ожиданія. Онъ судилъ по пражскимъ нѣмцамъ обо всемъ народѣ; но нигдѣ, въ нѣмецкихъ земляхъ, по которымъ ему случилось проѣзжать, онъ не встрѣтилъ того ожесточенія, какое видѣлъ между земляками; наложенное на него отлученіе нигдѣ не соблюдалось; толпы народа выходили къ нему на встрѣчу, священники приглашали его къ себѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ даже имѣлъ случай публично проповѣдывать. Онъ самъ говорилъ, что не встрѣтилъ на всемъ пути ни одного врага, не смотря на то, что проѣзжавшій передъ нимъ по той же дорогѣ, епископъ, предупреждалъ народъ, что Гуса везутъ въ цѣпяхъ и что его слѣдуетъ избѣгать. Сопровождавшіе Гуса рыцари относились къ нему весьма дружелюбно, особен-

но одинъ изъ нихъ, Хлумъ. Другой его спутникъ, Венцель, отправился изъ Нюрнберга къ королю, находившемуся въ то время на Рейнѣ, за охраннымъ листомъ для Гуса.

По пріѣздѣ въ Констанцъ 3 ноября, Гусъ былъ встрѣченъ толпою народа, проводившею его до квартиры, которую онъ занялъ у одной вдовы, своей горячей сторонницы, названной имъ „сарептской вдовицей“.

V.

Констанцкій соборъ (1414—1418) принадлежитъ къ величайшимъ событіямъ исторіи, какъ по важности предстоявшихъ его рѣшенію задачъ, такъ и по величію обстановки. Онъ былъ не только церковнымъ собраніемъ, но европейскимъ конгрессомъ. Всѣ давно ожидали его и потому въ Констанцъ съѣхалось небывалое до тѣхъ поръ число представителей церкви и государствъ. Если вѣрить извѣстіямъ того времени, то число перебывавшихъ на немъ лицъ доходило до ста тысячъ. Высшіе церковные и свѣтскіе сановники пріѣзжали въ сопровожденіи многочисленной свиты. Кромѣ папы Іоанна, изъ духовныхъ лицъ было еще 5 патріарховъ, 33 кардинала, 47 архіепископовъ, 145 епископовъ, 500 духовныхъ сановниковъ и много простыхъ священниковъ. Кромѣ того тутъ были представители высшихъ школъ, доктора богословія всѣхъ націй, доктора правъ, медицины, магистры и лиценціаты, аптекаря, ювелиры, купцы, сапожники, портные, кузнецы и другіе ремесленники, музыканты. Кромѣ римскаго короля, пріѣхавшаго съ большою свитой, въ Констанцъ прибыли еще двѣ королевы, 39 герцоговъ, 131 графъ, много рыцарей

и пословъ отъ разныхъ націй. Однимъ словомъ тутъ было все, что сколько-нибудь выдавалось въ духовномъ или свѣтскомъ мірѣ.

Передъ это собраніе долженъ былъ предстать Гусъ, окруженный врагами и имѣвшій на своей сторонѣ только одного изъ своихъ провожатыхъ, рыцаря Хлума, и нѣсколькихъ простыхъ людей.

Впрочемъ сначала все шло благополучно. Папа Іоаннъ обѣщалъ рыцарямъ, которымъ была ввѣрена охрана Гуса, что если бы онъ даже убилъ роднаго брата папы, то и тогда могъ бы разсчитывать на безопасное пребываніе въ Констанцѣ. Къ тому же на другой день по прибытіи Гуса, въ Констанцъ пріѣхалъ рыцарь Венцель, который привезъ отъ короля Сигизмунда охранный листъ для Гуса. Это повело къ тому, что папа, намѣревавшійся сначала оставить Гуса подъ отлученіемъ, понялъ всю его безполезность, съ тѣхъ поръ какъ король, выдавъ Гусу охранный листъ, тѣмъ самымъ бралъ его подъ свое покровительство. Поэтому онъ снялъ съ Гуса отлученіе; но такое рѣшеніе папы вызвало неудовольствіе кардиналовъ, по настоянію которыхъ Гусу было передано папское запрещеніе присутствовать при богослуженіи и другихъ церковныхъ обрядахъ. Но Гусъ и безъ того почти совсѣмъ не выходилъ первыя четыре недѣли изъ дому и все это время былъ занятъ приготовленіемъ къ рѣчи, которую надѣялся произнести въ публичномъ собраніи.

Между тѣмъ враги его собрали нужную для веденія процесса сумму и вручили ее архіепископу. Душою процесса были чехи, и притомъ нѣкоторые изъ бывшихъ друзей его. Гусъ зналъ это и писалъ изъ Констанца въ Прагу, что противъ него возстаютъ сильные и многочисленные враги, но онъ надѣется, что тѣмъ славнѣе будетъ его побѣда надъ ними. Всѣ усилія этихъ враговъ на первыхъ

порахъ были направлены къ тому, чтобы Гусъ былъ арестованъ. Съ этой цѣлью они употребляли всевозможныя средства: наклеили на церковныхъ дверяхъ объявленіе, отъ имени Гуса, что онъ будетъ проповѣдывать духовенству и что всякій, кто придетъ на эту проповѣдь, получитъ червонецъ, распускали слухи о томъ, будто онъ хотѣлъ бѣжать изъ Констанца, но былъ пойманъ и найденъ лежащимъ подъ соломой въ телѣгѣ и пр.

Усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ. 28 ноября 1414 г. въ полдень, когда у Гуса сидѣлъ его другъ, рыцарь Хлумъ, въ его квартиру пришли два епископа, въ сопровожденіи констанцкаго бургомистра и одного дворянина. Они пригласили Гуса отъ имени папы и кардиналовъ въ епископскій дворецъ, гдѣ находился папа, который, какъ сказали послы, согласенъ исполнить желаніе Гуса и выслушать его вмѣстѣ съ кардиналами. Хлумъ, сидѣвшій впереди, вѣроятно подозрѣвая что-либо недоброе, всталъ съ своего мѣста и съ горячностію напомнилъ посланнымъ о покровительствѣ, обѣщанномъ Гусу королемъ, и о желаніи его, чтобы до его пріѣзда не было ничего предпринято противъ Гуса. На это архіепископъ тріентскій поспѣшилъ завѣрить, что они пришли съ мирными намѣреніями. Между тѣмъ у квартиры Гуса и сосѣднихъ домовъ были разставлены войска, на случай сопротивленія его. Но Гусъ, все время сидѣвшій за столомъ и какъ будто не замѣченный до тѣхъ поръ архіепископомъ, выступилъ впередъ и сказалъ, что хотя онъ пріѣхалъ въ Констанцъ не для того, чтобъ объясняться только передъ папой и кардиналами, а передъ цѣлымъ соборомъ, но готовъ предстать передъ кардиналовъ и соглашается слѣдовать за посланными.

Выходя изъ дому, Гусъ простился съ квартирной хозяйкой, которая горько заплакала; взволнованный этой сценой,

онъ сѣлъ на лошадь и отправился въ архіепископскій дворецъ въ сопровожденіи Хлума и посланныхъ.

При входѣ его въ залу, гдѣ происходило собраніе кардиналовъ, предсѣдательствующій встрѣтилъ его слѣдующими словами: „о тебѣ говорятъ много страннаго, ты распространилъ ересь въ Богеміи и Моравіи. Мы пригласили тебя, чтобъ самимъ услышать, въ какомъ положеніи дѣло". На это Гусъ отвѣчалъ, что готовъ скорѣе умереть нежели проповѣдывать ересь и напомнилъ, что онъ по своей волѣ пріѣхалъ въ Констанцъ, но готовъ выслушать и покориться убѣжденіямъ собранія, если эти убѣжденія будутъ доказаны. Кардиналы изъявили свое удовольствіе на такой отвѣтъ Гуса и затѣмъ удалились изъ залы, оставивъ его и Хлума среди вооруженныхъ людей.

Выйдя въ другую комнату, они стали совѣщаться какъ поступить съ нимъ и рѣшили, по настоянію чеховъ, враговъ Гуса, не выпускать его изъ своихъ рукъ. Одинъ изъ очевидцевъ расказываетъ, что когда это рѣшеніе было постановлено, то нѣкоторые изъ присутствовавшихъ отъ радости начали плясать. Съ наступленіемъ ночи папскій посланный возвѣстилъ Хлуму, что онъ можетъ удалиться, но что Гусъ долженъ остаться. Хлумъ поспѣшилъ къ папѣ и напомнилъ ему объ обѣщаніи данномъ ему относительно Гуса; но папа сослался на кардиналовъ и сказалъ, что они вынуждаютъ его арестовать Гуса.

Интересы папы требовали добраго согласія его съ кардиналами, которые хотѣли воспользоваться отсутствіемъ короля, чтобы до его пріѣзда покончить съ Гусомъ. Папа надѣялся, что если король и останется сначала недоволенъ арестомъ Гуса, то не захочетъ однако идти противъ кардиналовъ.

Въ ту же ночь Гусъ былъ отведенъ въ домъ одного свя-

щенника, гдѣ и оставался цѣлую недѣлю подъ присмотромъ вооруженной стражи; по прошествіи же этого времени его перевели въ Доминиканскій монастырь на Рейнѣ и засадили въ келью, прилегавшую къ клоакамъ.

Хлумъ бросался всюду чтобъ освободить Гуса; онъ прибилъ къ церковнымъ дверямъ протестъ противъ его ареста и написалъ о случившемся Сигизмунду, уже бывшему въ то время на пути къ Констанцу. Король въ отвѣтъ на это прислалъ приказаніе тотчасъ же освободить Гуса, угрожая въ противномъ случаѣ силою открыть двери его тюрьмы.

По пріѣздѣ своемъ въ Констанцъ, король съ горячностью сталъ требовать освобожденія Гуса, но кардиналы отвѣчали, на его заявленіе, о своемъ правѣ оказывать покровительство подданному, заявленіемъ своихъ правъ судить еретика по законамъ церкви. Такой отвѣтъ взорвалъ Сигизмунда; онъ нѣсколько разъ выходилъ изъ залы совѣщанія, гдѣ происходили переговоры и даже уѣзжалъ изъ Констанца; но это продолжалось не долго. Черезъ недѣлю онъ объявилъ, что въ реформѣ церкви и процессѣ противъ Гуса кардиналы имѣютъ право дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Это рѣшеніе было вызвано угрозой кардиналовъ разъѣхаться если король будетъ оказывать имъ какія-либо препятствія.

Папа назначилъ для веденія процесса трехъ коммиссаровъ, которымъ далъ полную власть употребить всѣ нужныя, по ихъ мнѣнію, мѣры и поручилъ имъ представить собору свои заключенія. Гусъ просилъ позволеніе выбрать себѣ защитника, но не смотря на обѣщаніе коммиссаровъ исполнить его просьбу, въ этомъ ему было отказано.

Такимъ образомъ все предвѣщало Гусу дурной исходъ; единственная его надежда была на то, что ему дадутъ возможность оправдаться публично. Между тѣмъ тюрьма, въ кото-

рой онъ былъ помѣщенъ, и нравственныя волненія, испытанныя имъ въ это время, отозвались на его здоровьѣ; онъ заболѣлъ такъ опасно, что папа послалъ ему своего врача и затѣмъ, по настоянію друзей Гуса, его перевели въ менѣе вредное помѣщеніе.

Кромѣ тезисовъ, взятыхъ изъ отдѣльныхъ сочиненій Гуса и его проповѣдей, гдѣ онъ отрицалъ папство и іерархію, десятину, право собственности духовенства и пр. онъ обвинялся еще въ томъ, что защищалъ ученіе Виклефа, способствовалъ изгнанію нѣмцевъ изъ Праги, возбуждалъ вражду между двумя націями, и наконецъ апеллировалъ къ Христу. Враги его рисовали картину будущихъ золъ въ случаѣ освобожденія и возвращенія его въ Прагу. Къ числу ихъ принадлежалъ, къ величайшему огорченію Гуса, и парижскій канцлеръ Герсонъ, котораго Гусъ глубоко уважалъ и не ожидалъ встрѣтить въ немъ своего врага. Герсонъ составилъ нѣсколько статей противъ Гуса, которому однако онѣ не были предъявлены вмѣстѣ съ другими обвинительными актами.

При чтеніи послѣднихъ Гусъ убѣдился, до какой степени извращены и представлены въ ложномъ видѣ его мысли. Даже письмо, оставленное имъ при отъѣздѣ изъ Праги, переведенное на латинскій языкъ, попало въ число обвинительныхъ документовъ. Какъ бы то ни было, но ему пришлось отвѣчать на нихъ письменно, въ тюрьмѣ, не имѣя подъ рукою необходимыхъ книгъ; только библію доставили ему друзья.

Первое время къ нему никого не пускали, такъ что и посовѣтоваться ему было не съ кѣмъ; къ тому-же онъ былъ еще очень слабъ и медленно оправлялся отъ болѣзни. Тѣмъ не менѣе онъ работалъ неутомимо. Отъ времени до времени его требовали къ частнымъ допросамъ и всякій разъ убѣж-

дали подчиниться приговору двѣнадцати магистровъ. Но для Гуса это значило отказаться отъ всего, такъ какъ онъ пріѣхалъ въ Констанцъ съ единственною цѣлью дать отвѣтъ передъ цѣлымъ соборомъ. Поэтому онъ твердо стоялъ на своемъ. Это сопротивленіе еще болѣе раздражало коммиссаровъ, которые всячески старались сбить его, смѣялись надъ нимъ, высказывали ему обидныя предположенія и пр. На все это Гусъ отвѣчалъ съ своей обычной кротостью. Иногда ему удавалось доказать поддѣльность взводимыхъ на него обвиненій, сличеніемъ нѣкоторыхъ статей съ ихъ оригинальнымъ текстомъ, и сами коммиссары сознавались ему, говоря: „это сдѣлали твои враги"; но когда Гусъ просилъ, на этомъ основаніи, устранить этихъ враговъ отъ свидѣтельства противъ него, то на это коммиссары не согласились.

И тутъ его соотечественники выказывали особенную враждебность; они слѣдили за нимъ, перехватывали его письма къ друзьямъ и представляли ихъ коммиссарамъ. Они настаивали на томъ, чтобы всѣ приверженцы Гуса были осуждены вмѣстѣ съ нимъ.

Гусъ еще сохранялъ надежду, что все поправится лишь только онъ будетъ допущенъ къ публичному отвѣту. Видя однако, что дѣло тянется, а о такомъ допущеніи и рѣчи нѣтъ, онъ, въ присутствіи нотаріусовъ и коммиссаровъ, написалъ протестъ, въ которомъ изложилъ свое желаніе или отвѣчать на вопросы, которые ему будутъ предложены на соборѣ, или проповѣдывать въ его присутствіи. Эту просьбу онъ передалъ патріарху, находившемуся въ числѣ коммиссаровъ, и просилъ представить ее собору. Но опасаясь, что патріархъ не сдѣлаетъ этого, Гусъ обратился къ Сигизмунду, которому еще вѣрилъ. Ему казалось, что если ему удастся говорить передъ соборомъ и королемъ, то слова его подѣйствуютъ на Сигизмунда. Поэтому онъ просилъ друзей убѣдить короля назна-

чить день для выслушанія его, и притомъ указать ему такое мѣсто, съ котораго бы онъ, король, могъ хорошо его слышать. Онъ и не зналъ, да и не допускалъ мысли, что король забылъ о немъ, или, лучше сказать, пожертвовалъ имъ.

Въ это время папа Іоаннъ узнавъ, что противъ него составленъ обвинительный актъ, въ которомъ онъ уличается въ ужасныхъ преступленіяхъ, дѣйствительно имъ совершенныхъ, бѣжалъ тайкомъ изъ Констанца, увезя съ собою своихъ служителей и чиновниковъ. Извѣщенный объ этомъ, Гусъ получилъ новыя надежды на свое освобожденіе; теперь это было не трудно, такъ какъ папская стража, до тѣхъ поръ охранявшая его, разбѣжалась и надзоръ за нимъ значительно ослабѣлъ. Гусъ просилъ Хлума напомнить о немъ Сигизмунду, говорилъ, что ему не даютъ ѣсть, что констанцскій епископъ объявилъ ему свое нежеланіе имѣть съ нимъ какое-либо дѣло и что онъ боится, чтобы папскій маршалъ не увезъ его съ собою.

Но какъ ни старались чешскіе друзья хлопотать за Гуса передъ королемъ, которому теперь представлялся такой удобный случай освободить его, но всѣ усилія ихъ были напрасны. Сигизмундъ предоставилъ епископу констанцскому поступить съ Гусомъ по усмотрѣнію и вслѣдствіе этого Гусъ въ ту же ночь былъ перевезенъ, въ сопровожденіи вооруженнаго конвоя, на кораблѣ, въ епископскій замокъ Готлибенъ. Здѣсь его заперли въ высокую башню; днемъ онъ сидѣлъ закованный за ноги въ цѣпи, а на ночь его приковывали къ стѣнѣ и за руки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ соборъ не признавалъ болѣе бѣглаго папу, то и коммиссія, назначенная Іоанномъ для веденія процесса Гуса, была распущена и на ея мѣсто были избраны новыя лица. Все это вело къ новымъ замедленіямъ процесса.

Хотя Гусу приходилось страдать отъ сырости и тѣсноты различныхъ тюремъ, въ которыхъ онъ находился, но папскіе солдаты, охранявшіе его, обходились съ нимъ очень хорошо и старались на сколько могли облегчить его положеніе. Сначала къ нему не пускали никого, но потомъ нѣкоторымъ изъ друзей его было позволено видѣться съ нимъ. Эти свиданія трогали Гуса до слезъ; однако, какъ ни дорожилъ онъ ими, но самъ предупреждалъ желавшихъ посѣтить его, объ опасности, которой они подвергаются. Единственнымъ его утѣшеніемъ была переписка съ пражскими друзьями. Эти письма передавались сторожами въ кушаньи, которое ему приносили. Гусъ постоянно убѣждалъ своихъ друзей быть осторожными, не только изъ личнаго опасенія за себя, но и за тѣхъ, кто передавалъ ему письма. Онъ даже отказался написать отвѣтъ на выставленныя противъ него обвиненія Герсона, присланныя ему друзьями, боясь навлечь подозрѣніе на своего „вѣрнаго друга", сторожа Роберта, такъ какъ эти статьи Герсона не были ему офиціально предъявлены. Для этого Роберта, о которомъ Гусъ вспоминалъ даже на мѣстѣ казни, онъ написалъ, по его просьбѣ, нѣсколько коротенькихъ статей, въ которыхъ изложилъ свое ученіе. Съ такою же просьбой обратились къ нему еще два сторожа, охранявшіе его, и Гусъ исполнилъ ихъ желаніе.

Но друзья его не всегда бывали такъ осторожны, какъ онъ самъ, и нѣкоторые изъ нихъ давали читать постороннимъ лицамъ письма Гуса, которому приходилось отвѣчать за нихъ передъ судьями.

Нѣкоторые изъ этихъ писемъ, посланныя Гусомъ къ пражской общинѣ, были прочтены въ Виѳлеемской часовнѣ и встрѣчены живѣйшимъ сочувствіемъ. Въ этихъ посланіяхъ Гусъ постоянно выражалъ надежду на торжество своего дѣла, говорилъ, что если ему и не удастся доставить это

торжество истинѣ, то явятся послѣ него другіе люди, которые доведутъ его дѣло до конца. Онъ зналъ изъ св. Писанія, какая участь должна постигнуть человѣка, сопротивляющагося преданіямъ господствовавшей церкви, но изъ него же онъ зналъ, что истина не можетъ погибнуть, а свое дѣло онъ считаетъ за истину. Друзьямъ онъ говорилъ, что не ждетъ для себя ничего хорошаго, просилъ ихъ молиться за него, и разсказывалъ имъ о галлюцинаціяхъ, мучившихъ его въ тюрьмѣ и усилившихся вслѣдствіе мрачныхъ мыслей и физическаго нездоровья.

VI.

Между тѣмъ вѣсть о судьбѣ, постигшей Гуса, произвела сильное впечатлѣніе въ Чехіи и Моравіи. Вельможи послали коллективный протестъ Сигизмунду, просили объ освобожденіи Гуса изъ тюрьмы и дарованіи ему возможности публично отвѣчать на представленныя противъ него обвиненія. Они напоминали королю данное имъ обѣщаніе Гусу о полной его безопасности и объ охранномъ листѣ. Когда жъ они узнали, что Гуса, послѣ бѣгства папы, перевезли въ замокъ Готлибенъ, то 270 бароновъ и высшихъ вельможъ Чехіи, Моравіи и Польши, прислали королю прошеніе за своими печатями. Такой образъ дѣйствія долженъ бы былъ обратить вниманіе короля на поднимавшееся недовольство въ Богеміи, впослѣдствіи разразившееся страшной кровопролитной войной; но несмотря на это, посланія, а также настойчивыя требованія чешскихъ и польскихъ рыцарей, на-

ходившихся въ Констанцѣ, не были уважены подъ предлогомъ, что всякое вмѣшательство короля въ дѣла „отцовъ“ можетъ повести къ расторженію собора. Въ отвѣтъ на ихъ протесты одинъ кардиналъ, отъ лица собора, сказалъ, что охранный листъ для Гуса былъ полученъ уже двѣ недѣли спустя послѣ его арестованія и что такъ какъ Гусъ не явился во-время по требованію папы въ Римъ и пять лѣтъ оставался подъ отлученіемъ, то теперь въ немъ слѣдуетъ видѣть не простого еретика, а архіеретика.

Убѣдясь въ безуспѣшности своихъ попытокъ, приверженцы Гуса просили соборъ освободить его изъ тюрьмы и выдать коммиссарамъ, чтобъ онъ могъ нѣсколько отдохнуть отъ вынесенныхъ страданій и приготовиться къ защитѣ. При этомъ рыцари ручались своимъ словомъ, что Гусъ не сдѣлаетъ ни одного шага безъ позволенія коммиссаровъ; но и на это послѣдовалъ отвѣтъ, что такому человѣку, какъ Гусъ, вѣрить нельзя.

Такое безстыдство убѣдило защитниковъ Гуса, что ему нѣчего ждать отъ этихъ людей. Хлумъ ужъ не обнадеживалъ болѣе своего друга, а убѣждалъ его только не уступать передъ страданіями и твердо стоять за истину.

Однако вмѣшательство чешскихъ рыцарей не осталось совсѣмъ безъ послѣдствій. 5-е іюня 1415 г. было назначено для выслушанія Гуса въ публичномъ засѣданіи собора.

Во францисканскомъ монастырѣ собрались представители высшей свѣтской и духовной власти, въ великолѣпныхъ одеждахъ, при торжественной обстановкѣ. Зала была полна. Магистры толковали между собою о предстоящихъ преніяхъ, кардиналы заранѣе радовались побѣдѣ. Кромѣ двухъ-трехъ друзей, присутствовавшихъ въ залѣ, всѣ остальные были враждебно настроены противъ Гуса.

Передъ этимъ-то пышнымъ собраніемъ предсталъ скромный священникъ при Виѳлеемской часовнѣ. Гусъ былъ блѣденъ, изнуренъ, у него въ то время безпрестанно шла кровь горломъ; однако и лицо его и вся осанка выражали спокойствіе. Еще до его появленія были прочтены показанія свидѣтелей и статьи обвиненія. Тутъ же, до выслушанія Гуса, долженъ былъ быть прочтенъ и заранѣе составленный приговоръ; но одинъ чехъ, стоявшій позади чтеца, увидѣвъ это, поторопился предупредить о томъ Хлума, которому удалось убѣдить короля въ неприличіи такого преждевременнаго рѣшенія. Вслѣдствіе этого чтеніе приговора было отложено до выслушанія Гуса, который тотчасъ же былъ введенъ. Какъ ни тяжело ему было видѣть себя окруженнымъ одними врагами среди такого собранія, однако надежда оправдаться поддерживала его. Но онъ обманулся въ этомъ. Лишь только онъ хотѣлъ отвѣчать на выставленныя противъ него статьи, какъ со всѣхъ сторонъ поднялись крики, шумъ, смѣхъ. Ему не дали говорить, а когда онъ замолчалъ, то ему закричали: „видишь, ты теперь молчишь, это значитъ, что ты признаешь свою ересь". Скоро шумъ въ собраніи дошелъ до того, что нашли необходимымъ закрыть засѣданіе; при раздававшихся крикахъ, покрывавшихъ голоса, невозможно было ничего разслышать. Одинъ очевидецъ этого засѣданія выразился такъ: „это было собраніе не ученыхъ людей, а дикихъ звѣрей". Когда Гуса повели назадъ въ тюрьму, то онъ, благословляя народъ, стоявшій на лѣстницѣ, улыбнулся и сказалъ своимъ друзьямъ: „не бойтесь за меня". Онъ хотѣлъ успокоить ихъ, хотя самъ не былъ спокоенъ. Онъ боялся, что ему не дадутъ больше случая высказаться и что все для него такимъ образомъ пропало. Но 7-го іюня былъ назначенъ ему второй допросъ, и къ радости его на этомъ допросѣ долженъ былъ присутствовать король.

7 іюня было солнечное затмѣніе и весь Констанцъ былъ погруженъ въ мракъ, разошедшійся только послѣ полудня. На этотъ разъ Гусу надлежало отвѣчать: признаетъ ли онъ тѣ положенія Виклефа, которыя осуждены какъ еретическія. Гусъ призналъ нѣкоторыя изъ положеній, съ которыми былъ согласенъ и защищалъ ихъ такъ удачно, что многіе изъ допрашивавшихъ его лицъ сознались, что въ его мысляхъ нѣтъ ничего еретическаго. Когда дѣло дошло до статьи, въ которой Гусъ обвинялся въ апелляціи къ Христу, то поднялся смѣхъ: его осыпали насмѣшками, на которыя Гусъ отвѣчалъ молчаніемъ. Засѣданіе кончилось увѣщаніемъ Гусу со стороны короля и предсѣдательствовавшаго кардинала,—подчиниться приговору собора. Слова короля произвели тяжелое впечатлѣніе на Гуса. Хотя ужъ онъ не надѣялся болѣе на его помощь, но не думалъ, что онъ предастъ его вполнѣ въ руки враговъ.

И это засѣданіе было бурно, хотя присутствіе короля нѣсколько сдерживало шумъ. Гусу пришлось однажды такъ плохо, что онъ не удержалъ своего негодованія и воскликнулъ: „я думалъ, что на соборѣ все идетъ болѣе прилично и порядочно“. Но все-таки онъ остался доволенъ результатомъ этого засѣданія и писалъ своимъ друзьямъ, что Богъ внушилъ ему бодрость и что двѣ обвинительныя статьи противъ него уничтожены послѣ его объясненія. „Всѣ кричали“, прибавляетъ онъ въ своемъ письмѣ, „какъ Іудеи на Христа“. Дѣйствительно если бы приговоръ надъ Гусомъ не былъ постановленъ заранѣе, то послѣ этого засѣданія можно было бы надѣяться на благопріятный для него исходъ. Съ этихъ поръ его желаніе быть выслушаннымъ безъ перерыва и криковъ еще усилилось. Король и кардиналы обѣщали ему еще разъ допустить его къ допросу.

Допросъ этотъ былъ назначенъ на слѣдующій же день.

8-го іюня. На немъ опять присутствовалъ король. Это засѣданіе было значительнѣе двухъ прежнихъ. Обвиненія касались собственныхъ сочиненій Гуса, и преимущественно главнаго изъ нихъ: „О церкви". Шестьдесятъ богослововъ сдѣлали извлеченія изъ его сочиненій, которымъ былъ приданъ совершенно иной смыслъ. Тутъ враги Гуса приготовили ему такую ловушку, которая неминуемо должна была привести его къ гибели. Они взяли одно его положеніе: „Если папа, прелатъ, или епископъ живетъ въ смертномъ грѣхѣ, то онъ перестаетъ быть папой, прелатомъ, или епископомъ". Ловкій кардиналъ д'Альи желая однимъ ударомъ, въ присутствіи короля, сразить Гуса, предложилъ ему слѣдующій вопросъ: „А если король живетъ въ смертномъ грѣхѣ, станешь ты утверждать, что и онъ не долженъ считаться королемъ"? Въ это время Сигизмундъ стоялъ у окна и разговаривалъ съ пфальцграфомъ баварскимъ Лудвигомъ. Какъ только послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ Гуса на вопросъ д'Альи, всѣ стали кричать: „позовите короля!" и когда Сигизмундъ сѣлъ на свое мѣсто, еще разъ заставили Гуса повторить свои слова. Король отвѣчалъ на это, что „никто не живетъ безъ грѣха". Но на Гуса накинулись со всѣхъ сторонъ, и болѣе не дали сказать ни слова.

Въ этомъ засѣданіи противъ Гуса было выставлено все, что только можно было привести въ его обвиненіе; но хотя онъ и не имѣлъ возможности высказаться, однако онъ былъ твердъ, ни минуты не колебался и не смотря на жестокую зубную боль, мучившую его во все время допроса, и на проведенную передъ тѣмъ безсонную ночь, онъ вынесъ это испытаніе до конца.

По окончаніи допроса Гусу были вновь предъявлены убѣжденія кардиналовъ подчиниться приговору собора. Самъ король обратился къ нему съ такимъ увѣщаніемъ. Гусъ

опять отвѣчалъ, что онъ готовъ выслушать поученія и наставленія собора, для чего самъ, по доброй своей волѣ, и пріѣхалъ въ Констанцъ; но исполнить требованія кардиналовъ значитъ признать себя виновнымъ въ томъ, въ чемъ онъ не виноватъ.

Когда его вели опять въ темницу, то рыцарь Хлумъ, при проходѣ его, протянулъ ему руку. Гусъ, не видѣвшій ужъ нѣсколько времени ничего вокругъ себя, кромѣ злобы и вражды, былъ тронутъ этимъ вниманіемъ, „Какъ мнѣ хорошо было", писалъ онъ изъ тюрьмы, „когда рыцарь Хлумъ пожалъ мнѣ руку, мнѣ, отверженному плѣннику, всѣми подозрѣваемому еретику!"

Въ заключеніе засѣданія собора, король произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ, что по его мнѣнію, если Гусъ не отречется отъ того, въ чемъ его обвиняютъ, то онъ долженъ быть сожженъ на кострѣ, что даже если онъ и согласится отречься, то все-таки ему не надо вѣрить, потому что онъ, пожалуй, по возвращеніи своемъ въ Прагу, опять начнетъ проповѣдывать прежнее. Поэтому, въ случаѣ отреченія Гуса, король совѣтовалъ запретить ему проповѣдывать и не отпускать его въ Богемію. Наконецъ, по мнѣнію короля, слѣдовало принять мѣры и противъ сторонниковъ Гуса.

На этомъ рѣшеніи соборъ разошелся. Всѣ были веселы и довольны. Дѣло Гуса было рѣшено.

Однако между приговоромъ и объявленіемъ его Гусу прошло около четырехъ недѣль. Въ это время была получена еще грамата отъ 250 чешскихъ и моравскихъ вельможъ, просившихъ за него. Кардиналы надѣялись уладить дѣло убѣдивъ Гуса отречься отъ своего ученія. Кромѣ того, что такое отреченіе вывело бы ихъ изъ неловкаго положенія, въ какое они становились относительно чешскихъ патріотовъ, оно послужило бы къ прославленію ихъ самихъ и

римской церкви. Поэтому они медлили объявленіемъ приговора Гусу и безпрестанно посылали къ нему разныхъ лицъ, изъ которыхъ одни дѣйствовали на него угрозой, другіе мягкостью, искренно желая спасти его. Гусъ видѣлъ это, но остался твердъ и не согласился ни на какую уступку.

Еще наканунѣ казни къ нему явилась депутація, состоявшая изъ четырехъ высшихъ прелатовъ, посланныхъ по повелѣнію короля. Сигизмундъ многое бы далъ, чтобы дѣло кончилось мирно. Онъ начиналъ понимать, что послѣдствія его могутъ отозваться въ Богеміи весьма неблагопріятно и для него самого. Поэтому онъ приказалъ рыцарю Хлуму, какъ близкому Гусу человѣку, присоединиться къ прелатамъ и убѣдить его. Но и эта попытка не удалась. Тогда рѣшено было скорѣе покончить съ нимъ.

Послѣ третьяго допроса Гусъ каждый день ожидалъ смерти. Хотя онъ давно приготовился къ этой мысли, однако медленность въ исполненіи приговора подала ему нѣкоторыя надежды. „Богъ еще можетъ спасти меня“, писалъ онъ друзьямъ. Но узнавъ, что соборъ осудилъ его сочиненія и опредѣлилъ предать ихъ сожженію, онъ понялъ, что для него все кончено, и съ этой минуты всѣ его заботы были направлены лишь къ тому, чтобы такой приговоръ не подѣйствовалъ дурно на его приверженцевъ и не заставилъ ихъ усомниться въ истинѣ его ученія. Съ этой цѣлью во всѣхъ своихъ письмахъ въ Прагу онъ постоянно говорилъ, что если и долженъ будетъ умереть, то смерть его не должна служить доказательствомъ того, что его ученіе ложно. Онъ прибавлялъ, что теперь, послѣ всего вынесеннаго имъ въ Констанцѣ, онъ еще болѣе убѣдился въ томъ, что оно истинно. И дѣйствительно,— чѣмъ ближе подходилъ конецъ Гуса, тѣмъ онъ становился тверже и спокойнѣе. Онъ какъ будто примирился со всѣмъ и даже пожелалъ исповѣдаться передъ смертью у своего

прежняго друга, сдѣлавшагося злѣйшимъ его врагомъ—Палеча. Это тронуло самого Палеча; онъ расплакался придя къ Гусу, сознался передъ нимъ въ нѣкоторыхъ своихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ него, но не остановился въ своей враждѣ, которую проявилъ и противъ личнаго друга и приверженца Гуса, Іеронима пражскаго, сожженнаго черезъ годъ послѣ Гуса.

Готовясь каждый день къ смерти, Гусъ написалъ послѣднее свое завѣщаніе ко всѣмъ сословіямъ Чехіи отъ короля до крестьянина. Въ прощальномъ письмѣ къ своему любимому ученику онъ просилъ обучить двухъ своихъ племянниковъ ремесламъ, опасаясь, что они не будутъ въ состояніи выполнить, какъ слѣдуетъ, обязанности духовнаго лица.

VII.

Въ послѣдній разъ передъ смертью Гуса былъ созванъ 6 іюля соборъ, на которомъ присутствовалъ король въ полномъ королевскомъ облаченіи, окруженный важнѣйшими духовными и свѣтскими сановниками.

Засѣданіе происходило въ соборной церкви и началось по обыкновенію мессой, которую, окруженный воинами, Гусъ слушалъ у входа въ соборъ, куда какъ признанный еретикъ онъ болѣе не могъ войти. Онъ молился на колѣняхъ въ то время, когда въ соборѣ раздавалась проповѣдь епископа, который провозглашалъ, что ересь и расколъ слѣдуетъ искоренять въ самомъ зародышѣ и, обратившись къ королю, сказалъ: „Богъ далъ тебѣ для совершенія такого святого

дѣла мудрость божественной истины, силу королевскаго величія и истинную справедливость. Поэтому разрушь ересь и уничтожь того закоренѣлаго еретика, который заразилъ столько земель своимъ лжеученіемъ; это святое дѣло предстоитъ тебѣ... и вѣчная хвала будетъ воздаваема тебѣ, за то, что ты уничтожилъ враговъ вѣры".

По окончаніи проповѣди, въ церковь ввели Гуса и поставили его на приготовленный среди храма амвонъ, съ котораго онъ могъ быть всѣмъ видимъ во время церемоніи его разстриженія. Затѣмъ были прочтены слѣдственныя бумаги, во время чтенія которыхъ Гусъ хотѣлъ сказать нѣсколько словъ въ свое оправданіе, но кардиналъ д'Альи остановилъ его. Тогда онъ воскликнулъ: „Прошу васъ выслушайте меня, чтобы по крайней мѣрѣ присутствующіе здѣсь не повѣрили, что я училъ ереси. Потомъ дѣлайте со мной что хотите". Но когда онъ увидѣлъ, что ему не дадутъ говорить, то упалъ опять на колѣна и, поднявъ глаза и руки къ небу, сталъ молиться. По окончаніи чтенія, онъ воскликнулъ: „Прости имъ Господи, Ты знаешь, что они на меня возводятъ ложныя обвиненія!" Слова эти вызвали смѣхъ епископовъ.

Наконецъ началась тяжелая церемонія разстриженія. Сначала Гуса одѣли въ полное священническое облаченіе, дали ему въ руку св. чашу, и еще разъ стали убѣждать его отречься. Но, обратясь къ народу, Гусъ сказалъ со слезами: „Отрекшись отъ истины, я измѣню совѣсти, я солгу передъ Богомъ и тѣми, кого я училъ. Нѣтъ, я не могу сдѣлать этого!" Тогда ему было велѣно сойти съ амвона и съ него стали снимать одна за другой священническія одежды; при этомъ епископы провозглашали грозныя проклятія, установленныя для подобныхъ случаевъ средневѣковою церковью. Когда надо было остричь его, то епископы заспорили о томъ,

слѣдуетъ ли для этого употребить ножницы или бритву. Гусъ, обратясь къ королю, сказалъ: „И въ этомъ поруганіи они еще не могутъ согласиться!“ Наконецъ епископы рѣшили остричь ножницами и, совершивъ этотъ обрядъ, надѣли на Гуса бумажный колпакъ въ аршинъ вышиною, съ изображенными на немъ чертями, когтями раздирающими душу грѣшника. На колпакѣ была надпись: „Eresi Archa“. Такой колпакъ обыкновенно надѣвался на осужденныхъ къ сожженію на кострѣ еретиковъ.

По окончаніи обряда одинъ изъ епископовъ провозгласилъ: „теперь предаемъ твою душу дьяволу!“—„Я предаю ее въ руки милосердаго Бога!“ отвѣчалъ Гусъ. Во все это время онъ старался подкрѣпить себя мыслью о Христѣ, вынесшемъ еще большія страданія за людей.

Затѣмъ тотъ же епископъ обратился къ королю и сказалъ ему: „святой констанцскій синодъ передаетъ Яна Гуса, не имѣющаго болѣе ничего общаго съ церковью, свѣтской власти“. Тогда король поручилъ пфальцграфу Баварскому совершить надъ Гусомъ казнь, а пфальцграфъ отдалъ его въ руки палачей.

Но прежде, чѣмъ повести Гуса на мѣсто казни, его повели на архіепископскій дворъ, гдѣ онъ долженъ былъ присутствовать при сожженіи своихъ сочиненій. Видъ этого зрѣлища вызвалъ у Гуса печальную улыбку. Когда книги сгорѣли, процессія тронулась къ мѣсту казни. Кромѣ вооруженныхъ людей, сопровождавшихъ Гуса, за нимъ шла огромная толпа народа, по словамъ очевидца, до трехъ тысячъ человѣкъ.

Гусъ все время молился и по временамъ вслухъ произносилъ: „Боже, сжалься надо мною!“ Когда же толпѣ приходилось останавливаться въ воротахъ или при какой нибудь задержкѣ, онъ обращался къ народу и убѣждалъ его не вѣ-

рить тому, что онъ училъ ложно. Прійдя къ мѣсту казни, онъ упалъ на колѣни и сказалъ: „Боже, въ руки Твои предаю духъ мой!“ Во время молитвы съ него скатился колпакъ, который тотчасъ же на него надѣлъ палачъ, говоря: „ты сгоришь съ чертями, своими властелинами, которымъ ты служилъ на землѣ“; на эти слова Гусъ только улыбнулся. Наконецъ ему приказали встать; онъ тотчасъ же повиновался и сказалъ: „Ради истины и евангелія я терпѣливо перенесу эту ужасную смерть. Но прости Ты моимъ врагамъ!“ Народъ былъ тронутъ его словами; вообще видъ его произвелъ глубокое впечатлѣніе на толпу. „Мы не знаемъ“, говорили многіе, „что́ онъ проповѣдывалъ и чему прежде училъ, но теперь мы видимъ и слышимъ праведника.“

Еще прежде въ народѣ ходили разные слухи про Гуса. Одни видѣли въ немъ невиннаго страдальца, другіе упрямаго еретика. Эти взгляды обнаружились и теперь на мѣстѣ казни. Въ то время, какъ одни со скорбью смотрѣли на него, другіе радовались его наказанію. Разсказываютъ, что одна старуха подложила нѣсколько полѣньевъ въ костеръ и Гусъ, увидя это, сказалъ: „о святая простота!“ Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что если многіе изъ толпы и пришли съ злорадствомъ присутствовать при смерти еретика, то слова Гуса и его кроткое лицо возбудили къ нему участіе въ нихъ. Кто-то напомнилъ ему, не хочетъ ли онъ передъ смертью исповѣдываться. Гусъ согласился, но священникъ, посланный къ нему пфальцграфомъ, сказалъ, что онъ только въ такомъ случаѣ допуститъ его къ исповѣди, если онъ отречется отъ ереси. Тогда Гусъ отказался отъ исповѣди. Передъ смертью онъ хотѣлъ сказать еще нѣсколько словъ народу, но пфальцграфъ, боясь впечатлѣнія, которое могла произвесть прощальная рѣчь его, не позволилъ ему говорить и велѣлъ палачу приступить скорѣе къ казни. Однако Гусъ успѣлъ проститься

съ своими бывшими тюремщиками, которые, по его словамъ, поступали съ нимъ какъ братья.

Затѣмъ палачъ привязалъ Гуса къ столбу мокрыми веревками; шею ему обернули осмоленною цѣпью, которую прикрѣпили къ столбу. При этомъ Гусъ сказалъ: „Спаситель былъ еще крѣпче пригвожденъ къ кресту за мои грѣхи, какъ же мнѣ, ничтожному, не позволить себя связать этими веревками!“ Онъ стоялъ лицомъ къ востоку, но кто-то изъ бывшихъ вблизи королевскихъ чиновниковъ замѣтилъ, что еретикъ не достоинъ смотрѣть на солнечную сторону, и тогда его повернули къ западу. Наконецъ его обложили до головы соломою и полѣньями. Тутъ еще разъ къ нему подъѣхалъ государственный маршалъ и предложилъ отречься отъ своего ученія, но Гусъ не согласился.

Тогда зажгли костеръ, съ котораго быстро стали подниматься огненные языки; посреди треска горящихъ дровъ и мокрыхъ веревокъ отчетливо раздалось пѣніе Гуса: „Боже мой, помилуй меня, сжалься надо мною!“ Когда онъ повторялъ эти слова въ третій разъ, вѣтеръ нанесъ ему въ лицо пламя и онъ замолкъ. Однако еще нѣкоторое время было видно, что онъ молился, шевеля губами и наклоняя голову. Наконецъ кругомъ сгорѣли дрова и открылась верхняя часть его тѣла, привязанная къ столбу. Тогда палачи повалили обгорѣвшій столбъ съ привязаннымъ къ нему тѣломъ и вновь зажгли огонь. Голову Гуса они раздробили, также какъ и кости; сердце его насадили на палку и держали въ огнѣ до тѣхъ поръ, пока оно не сгорѣло до тла.

Скоро отъ Гуса остался одинъ пепелъ, который бросили въ Рейнъ для того, чтобы на всей землѣ не осталось ни одной пылинки отъ страшнаго еретика. Но друзья Гуса собрали землю съ того мѣста, гдѣ онъ былъ сожженъ, и увезли ее въ Богемію.

Съ возвращеніемъ Хлума въ Прагу, разнеслась молва о мученической смерти любимаго народнаго проповѣдника и все населеніе въ отчаяніи собралось на площади.

„И когда свою чамарку
Распахнувъ передъ толпою
Землю черную онъ *) вынулъ,
Плачъ, подобный бури вою,
Раздался, и съ плачемъ вмѣстѣ
Слился кличъ кровавой мести....“ **)

На этотъ кличъ отозвались гусситы и черезъ четыре года послѣ смерти Гуса начались страшныя кровопролитныя войны, вызванныя насильственными мѣрами, при помощи которыхъ Сигизмундъ хотѣлъ ввести въ Чехіи ученіе господствовавшей католической церкви.

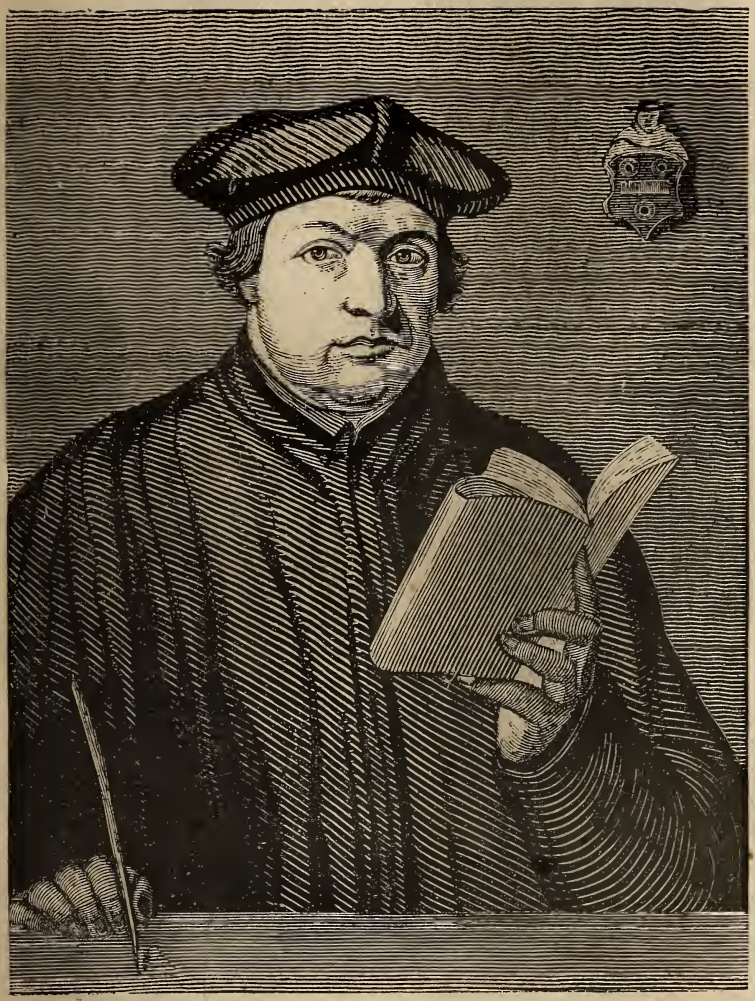
---

*) Янъ Хлумъ.

**) Изъ поэмы «Янъ Гусъ» чешскаго поэта Э. Воцеля.

МАРТИНЪ ЛЮТЕРЪ

1483-1546.



МАРТИНЪ ЛЮТЕРЪ.

1483—1546.

МАРТИНЪ ЛЮТЕРЪ

1483 — 1546.

I.

Среди ужасовъ гусситскихъ войнъ и сопровождавшихъ ихъ жестокостей, идеи Гуса не могли сохраниться во всей своей чистотѣ въ Чехіи; къ нимъ примѣшалось много посторонняго, чуждаго кроткому, гуманному ученію Гуса. Но онѣ не погибли и спустя сто лѣтъ, послѣ его смерти, возродились въ чужой странѣ, при иныхъ условіяхъ.

Лютеръ познакомился съ ученіемъ Гуса уже тогда, когда въ немъ самомъ совершился переворотъ, приведшій его къ тому же отрицанію римской церкви и ея авторитетовъ, къ какому пришелъ Гусъ. Такое совпаденіе его идей съ идеями признаннаго на соборѣ еретика испугало бы всякаго человѣка, менѣе твердаго и рѣшительнаго, нежели Лютеръ, который не побоялся однако признать эти идеи своими и проводить ихъ. Правда, Лютеру пришлось дѣйствовать при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели тѣ, которыя окружали

Гуса, но и онъ рисковалъ многимъ, смѣло защищая свою реформу.

Подобно Гусу, Лютеръ былъ сынъ крестьянина; но родился онъ уже тогда, когда отецъ его, по ремеслу камнетесъ, приписался къ мѣщанскому сословію.

То обстоятельство, что Мартинъ Лютеръ, будучи крестьяниномъ по происхожденію, выросъ въ мѣщанской семьѣ, имѣло большое значеніе.

Своимъ замѣчательнымъ здравымъ смысломъ, прямотою, нераздѣльностью слова съ дѣломъ, мѣткостью выраженій, всѣми этими качествами, свойственными преимущественно простому классу людей, Лютеръ обязанъ былъ своему происхожденію. Съ другой стороны если онъ и гордился впослѣдствіи тѣмъ, что не только самъ, но и отецъ, дѣдъ и прадѣдъ его были истыми крестьянами, тѣмъ не менѣе особенной склонности къ крестьянскому сословію онъ не питалъ. Онъ охотно помогалъ простымъ людямъ, и сдѣлалъ для нихъ многое; но по большей части отношенія его къ нимъ ограничивались религіозною стороною; всѣ же симпатіи принадлежали горожанамъ, на которыхъ онъ и опирался сознательно.

Мартину Лютеру не было и году, когда родители его, переселились изъ Эйслебена въ Мансфельдъ. Отецъ его, Гансъ, былъ человѣкъ энергическій, рѣшительный, съ необычайно трезвымъ взглядомъ на жизнь и людей. Онъ изо всѣхъ силъ работалъ, чтобы добыть средства воспитать дѣтей; его жена дѣятельно помогала ему въ этомъ. Они любили своихъ дѣтей, хотя и воспитывали ихъ по-своему. Лишь только Мартинъ началъ немного понимать,—его засадили за книгу и стали внушать прежде всего страхъ къ Богу и любовь къ труду. Онъ на опытѣ узналъ, какъ трудно бѣдному человѣку пробить самому себѣ дорогу. „Надо было учиться, терпѣть“,

писалъ онъ впослѣдствіи, „надѣяться на Бога, прижаться и молчать“.

При всей ограниченности средствъ, отецъ Лютера хотѣлъ сдѣлать изъ сына нѣчто болѣе, чѣмъ камнетеса, и предназначалъ его къ званію ученаго; но обходился онъ съ нимъ черезчуръ строго. Побои за каждую бездѣлицу, наказанія, выговоры, безпрестанно сыпались на мальчика, который во всю жизнь не могъ забыть, какъ за самую малѣйшую дѣтскую шалость его жестоко наказывали. Послѣ одного истязанія, Мартинъ убѣжалъ изъ дому, и ему стоило много усилій надъ собою, чтобы возвратиться къ отцу и заставить себя вновь полюбить его. Мать также не щадила сына и однажды до крови избила за то, что онъ съѣлъ безъ спросу орѣхъ. Не смотря на это, Лютеръ всегда съ любовью относился къ родителямъ, впослѣдствіи даже оправдывалъ ихъ строгость, признавалъ необходимость полнѣйшей покорности дѣтей волѣ родителей, а равно и учениковъ—наставникамъ, и только не одобрялъ воспитанія, основанаго исключительно на страхѣ. „Нужно рядомъ съ розгой показывать и яблоко“, писалъ онъ, „со строгостью—любовь, чтобы ребенокъ зналъ, что родители его любятъ, а наказываютъ только для того, чтобы сдѣлать изъ него хорошаго человѣка“. Тѣмъ не менѣе на немъ самомъ такая система воспитанія отозвалась чрезвычайно тяжело. Онъ самъ говоритъ, что жестокое обращеніе родителей и суровая жизнь, которую онъ велъ дома, сдѣлали его чрезвычайно робкимъ и побудили впослѣдствіи идти въ монастырь. Родители Лютера относились къ нему такъ сурово не съ дурнымъ намѣреніемъ, но потому, что не понимали характера своего ребенка. Свѣтлыя впечатлѣнія дѣтства Лютера заключались въ томъ, что въ семьѣ его, какъ и въ большинствѣ нѣмецкихъ семействъ того времени, умѣли веселиться и по-

слѣ усердной работы въ теченіе цѣлой недѣли, по праздникамъ собирались вмѣстѣ, пѣли пѣсни и занимались музыкой. Эти вкусы остались у Лютера на всю жизнь. Особенно онъ любилъ музыку, которую считалъ высшимъ изъ искусствъ.

Въ школѣ, куда его помѣстилъ отецъ, ему было не лучше, чѣмъ дома. Учителя обращались съ учениками какъ „тюремные надсмотрщики съ ворами". Въ одно послѣ-обѣда Лютеръ былъ пятнадцать разъ „славно исполосованъ" и постоянно потомъ съ ужасомъ говорилъ объ истязаніяхъ, которымъ подвергался онъ самъ и его товарищи. Въ то время книги и бумага были очень дороги, такъ что ему пришлось еще бороться и съ бѣдностью; чтобы получить грошъ, онъ нерѣдко провожалъ покойниковъ на кладбище.

Образованіе, даваемое въ тогдашнихъ школахъ, было принаровлено къ духовному званію, къ которому и приготовляли учениковъ. Матери, посылавшія туда дѣтей, считали себя спасенными и радовались, что ихъ сыновья будутъ монахами, или священниками, будутъ жить по дворянски и избавятся отъ необходимости работать. Преподаваніе заключалось въ томъ, что ученики заучивали наизусть десять заповѣдей, символъ вѣры, отче нашъ, церковныя молитвы, главные праздники, легенды. Но первоначальное религіозное образованіе дѣти должны были получать дома, въ семьѣ. Отецъ Лютера былъ человѣкъ набожный, исполнялъ предписанія церкви, хотя не преклонялся передъ папой и монахами и вообще смотрѣлъ на религію глазами болѣе просвѣщеннаго человѣка. Нерѣдко онъ высказывалъ свободныя сужденія о дѣлахъ вѣры въ присутствіи сына; эти сужденія глубоко западали въ душу впечатлительнаго мальчика и не мало способствовали тяжелой борьбѣ его съ понятіями, съ другой стороны внушаемыми ему матерью. Маргарита Лютеръ раздѣляла вѣрованія своей эпохи и отличалась замѣчательнымъ

суевѣріемъ, которое она передала и сыну. Онъ самъ говоритъ, что въ дѣтствѣ дрожалъ и блѣднѣлъ при одномъ имени Христа, котораго мать его рисовала ему какъ неумолимаго судью, судящаго людей по числу ихъ добрыхъ дѣлъ. „Я постоянно былъ занятъ мыслью", говоритъ Лютеръ, „сколько мнѣ нужно сдѣлать добрыхъ дѣлъ, чтобы умилостивить Христа, отъ котораго, какъ отъ неумолимаго судьи, многіе, какъ мнѣ говорила мать, убѣгали въ монастырь". Впослѣдствіи Лютеръ освободился отъ такихъ взглядовъ; но никогда не могъ отрѣшиться отъ другихъ предразсудковъ, вложенныхъ въ него воспитаніемъ. Онъ такъ часто слышалъ отъ матери разсказы о нечистой силѣ, о дѣйствительности заклинаній, разсказы, въ которыхъ она сама была дѣйствующимъ лицомъ, что ея вліяніе пересиливало вліяніе отца и Мартинъ проникся ея взглядами.

При скудости образованія не мудрено, что подобныя воззрѣнія, ничѣмъ не разсѣеваемыя, падали тяжкимъ бременемъ на его душу. Двѣнадцати лѣтъ онъ въ первый разъ исповѣдывался и съ этихъ поръ еще сильнѣе сталъ испытывать „страшный гнетъ, налагаемый іерархіей на бѣдную, смущенную совѣсть". Онъ говоритъ, что съ четырнадцати лѣтъ, еще не начавъ жить, онъ уже былъ монахомъ и мучился вопросомъ: „когда же я совершу столько добрыхъ дѣлъ, чтобы Богъ умилостивился ко мнѣ". Эта неотвязная мысль вмѣстѣ съ послѣдствіями родительскаго суроваго воспитанія еще болѣе утверждала его въ рѣшимости идти въ монастырь. И такъ, церковь, школа, воспитаніе,—все вліяло на него въ одномъ направленіи. Къ тому же его природныя качества, сильное воображеніе, горячее сердце, мечтательность—все это побуждало его углубляться въ себя, изслѣдовать малѣйшее движеніе своей души. Необычайно рано его заботитъ отношеніе души къ Богу. Онъ проникается сознаніемъ безпомощ-

ности людей, ихъ грѣховности, потребности освободиться отъ грѣховъ и примирить двойственность понятія о Богѣ, какъ о благомъ создателѣ и строгомъ, неумолимомъ судьѣ. Онъ былъ католикомъ въ самомъ крайнемъ смыслѣ.

Когда ему было 14 лѣтъ, онъ перешелъ въ высшую школу въ Магдебургъ. Здѣсь грамматика, т. е. латинскій языкъ, былъ главнымъ предметомъ преподаванія.

Сентенціи, изложенныя въ латинскихъ стихахъ, выучивались наизусть; ученики привыкали сами писать стихи и упражняться въ диспутахъ; кромѣ того здѣсь они знакомились съ новѣйшими латинскими писателями. Магдебургская школа была замѣчательна тѣмъ, что въ ней преподаваніе велось въ духѣ гуманистовъ, т. е. допускалась большая свобода мысли; съ учениками обращались мягче, человѣчнѣе.

До сихъ поръ Лютеръ жилъ въ маленькихъ городкахъ и потому богатый, цвѣтущій Магдебургъ, резиденція архіепископа, произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Какъ нарочно во время его пребыванія тамъ, онъ былъ свидѣтелемъ церемоніи, глубоко на него подѣйствовавшей. Принцъ Вильгельмъ ангальтскій, по волѣ отца своего постриженный въ монахи, ходилъ по улицамъ Магдебурга босой, въ одеждѣ францисканца и собиралъ милостыню. Изнеможенный постомъ, бдѣніемъ, истязаніями, онъ былъ похожъ скорѣе на смерть. Зрѣлище это произвело на Лютера не отталкивающее впечатлѣніе, а, напротивъ, его ослѣпило величіе католической церкви; онъ возъимѣлъ мысль идти по тому же пути: „я по природѣ,“ говоритъ онъ,“ „былъ такъ настроенъ, что охотно стремился поститься, бдѣть, молиться, творить добрыя дѣла, въ искупленіе грѣховъ моихъ“. Его религіозное настроеніе окрѣпло и въ немъ прежде всего зародилась мысль идти въ Римъ. Но онъ не могъ долѣе оставаться въ Магдебургѣ, такъ какъ родители его не имѣли средствъ содержать его. Они

послали его въ Эйзенахъ, гдѣ у нихъ были родственники, на помощь которыхъ они расчитывали. Расчетъ ихъ впрочемъ не оправдался и Лютеру пришлось опять бѣдствовать и жить подаяніемъ добрыхъ людей.

До сихъ поръ въ Тюрингіи существуетъ у бѣднѣйшихъ студентовъ обычай ходить по улицамъ съ пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ и собирать милостыню. Лютеръ также ходилъ по городу и самъ разсказываетъ, какъ часто ему приходилось выслушивать грубый отказъ у чужихъ дверей и за свои пѣсни не получать и остатковъ сытнаго стола у богатаго дома. Онъ уже начиналъ отчаяваться и думалъ возвратиться къ отцу, когда однажды, отправившись по обыкновенію за милостынею къ одному богатому дому, онъ познакомился съ хозяйкой этого дома г-жею Котта; она пригласила Лютера къ себѣ и узнавъ его ближе, просила его давать уроки ея дѣтямъ. Лютеръ охотно принялъ это предложеніе и съ признательностью вспоминалъ всегда объ этой женщинѣ, въ домѣ которой онъ нашелъ все, чего не видалъ въ своей семьѣ. Благодаря ей, онъ могъ перейти въ эрфуртскій университетъ и впослѣдствіи любилъ разсказывать о „своемъ миломъ городѣ, въ которомъ онъ узналъ много хорошаго.“

II.

Эрфуртъ, самый значительный городъ въ Тюрингіи, былъ переполненъ монастырями и монахами, которые пользовались здѣсь огромнымъ вліяніемъ. Университетъ славился своими профессорами и, относительно, свободнымъ направленіемъ, хотя профессора его, какъ и въ прочихъ университетахъ тогдашняго времени, обязаны были приносить присягу въ томъ, что не будутъ учить ничему, противному католической церкви.

Отцу Лютера очень хотѣлось, чтобы сынъ его изучалъ право. При всей своей глубокой религіозности Гансъ Лютеръ не высоко цѣнилъ богословіе и католическую церковь, а духовное званіе въ тогдашнее время казалось ему путемъ къ испорченности.

Именно въ этомъ и ослушался его, въ первый разъ, сынъ.

Сначала Мартинъ Лютеръ занимался филологіей, греческимъ и латинскимъ языками и коротко познакомился съ классиками, хотя не выказывалъ склонности къ этимъ занятіямъ. Одно время онъ занимался и юриспруденціей, но прослушалъ только курсъ церковнаго права, которымъ тогда начиналось изученіе науки права. Умъ его склонялся совершенно въ другую сторону. По правиламъ католической церкви чтеніе библіи дозволялось только священникамъ и то на латинскомъ языкѣ. Совершенно случайно Лютеръ напалъ на экземпляръ библіи, хранившійся въ университетской библіотекѣ. Онъ зачитался ею и съ тѣхъ поръ любимой его мечтой было имѣть у себя эту книгу и прочесть ее всю. Но ему не хотѣлось тайкомъ читать ту, которая была въ биб-

ліотекѣ, а своей онъ не могъ пріобрѣсть, такъ какъ у него не было на это средствъ. Тѣмъ не менѣе то, что онъ успѣлъ прочесть изъ библіи и евангелія, вызвало въ немъ разныя сомнѣнія, тоску и недовольство собою. Это было переходное время отъ юношескаго къ зрѣлому возрасту; онъ чувствовалъ влеченіе къ чему-то неизвѣстному, искалъ и не находилъ ни въ чемъ удовлетворенія, а всего менѣе въ изученіи юриспруденціи. — Однако въ 1503 г. онъ получилъ степень баккалавра, а черезъ годъ былъ сдѣланъ магистромъ. Но въ то же время неустанное чтеніе твореній отцовъ церкви, преимущественно Августина, потомъ посланій Павла и сочиненій мистиковъ привели его къ ясному сознанію, что его жизненное призваніе не соотвѣтствуетъ желанію отца. Онъ чувствовалъ непреодолимое стремленіе посвятить себя изученію богословія, хотѣлъ поступить въ монашескій орденъ и совсѣмъ отказаться отъ свѣта.

Разсказываютъ, будто послѣднее его желаніе было вызвано внезапной смертью друга, пораженнаго молніей, когда они шли вмѣстѣ. Было ли это такъ, или нѣтъ,—неизвѣстно; но весьма вѣроятно, что это событіе еще болѣе усилило мрачное настроеніе его духа и положило конецъ колебаніямъ.

Началась тяжелая борьба съ отцемъ. Послѣдній привыкъ видѣть сына всегда послушнымъ; теперь, въ первый разъ, этотъ сынъ объявилъ, что не можетъ и не смѣетъ слѣдовать совѣтамъ отца. Насталъ разрывъ, о которомъ Лютеръ никогда не могъ вспомнить безъ волненія. Незадолго передъ тѣмъ умерли отъ чумы его два брата, и старый отецъ уѣхалъ въ отчаяніи, съ мыслью, что у него нѣтъ болѣе сына. Онъ простился съ нимъ въ Эрфуртѣ, какъ съ погибшимъ дѣтищемъ, а Лютеръ поступилъ къ августинамъ съ твердою рѣшимостью строго исполнять правила монашеской жизни и спасти свою душу. Впослѣдствіи онъ признавался отцу, что не по

доброй волѣ пошелъ въ монастырь, а рѣшился постричься въ минуту отчаянія. Онъ разставался съ міромъ съ сожалѣніемъ; но, вступивъ въ монастырь, началъ подвергать себя всевозможнымъ лишеніямъ, умерщвлялъ свою плоть, проводилъ цѣлыя ночи въ молитвѣ и покаяніи, не принималъ пищи по цѣлымъ днямъ, выполнялъ всѣ тѣ самоистязанія, которыми такъ богаты были средніе вѣка, однимъ словомъ былъ католическимъ монахомъ въ полномъ значеніи слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ усвоилъ себѣ и мрачную, упорную, монашескую нетерпимость и не допускалъ никакихъ иныхъ воззрѣній на жизнь.

Рядомъ съ этимъ аскетическимъ настроеніемъ въ немъ совершался процессъ внутренняго развитія: онъ умерщвлялъ свою плоть, но съ неменьшимъ рвеніемъ и учился. Тотчасъ по вступленіи въ монастырь онъ спросилъ себѣ библію и весь погрузился въ чтеніе ея. За это на него сердились монахи; они разсуждали такъ: „монахъ учится,—онъ будетъ управлять нами". И, дѣйствительно, Лютеръ производилъ уже тогда впечатлѣніе человѣка высшаго, нежели другіе, а нѣсколько лѣтъ спустя о немъ писалъ одинъ ученый изъ Виттенберга: „монахъ съ глубокими глазами и чудными фантазіями собьетъ всѣхъ съ пути, создастъ новое ученіе и преобразуетъ всю римскую церковь."

Развитіе, совершавшееся въ Лютерѣ, касалось жизненнаго вопроса всей древней церкви, имѣвшаго, особенно въ то время, существенное для нея значеніе. Чувство всеобщей человѣческой грѣховности, невозможность спастись отъ проклятія наслѣдственнаго грѣха тѣми средствами, которыя предлагала католическая церковь, гнело Лютера всей своею тяжестью. Онъ не находилъ разрѣшенія своихъ сомнѣній въ догматѣ, предписываемомъ католическою церковью, потому что съ одной стороны не могъ примириться съ ветхозавѣт-

нымъ Богомъ мести и гнѣва, а съ другой — умъ его отталкивало господствовавшее тогда ученіе объ искупленіи грѣховъ одними внѣшними дѣлами. Освободиться отъ грѣховъ посредствомъ фарисейскаго внѣшняго благочестія, выполненія внѣшнихъ обязанностей, пунктуальнаго соблюденія предписаній церкви, казалось ему дѣломъ недостойнымъ. Тяжелыя истязанія, которыя онъ налагалъ на себя, не способствовали его успокоенію. Онъ сталъ анализировать каждую свою мысль и начиналъ уже отчаяваться въ самомъ себѣ. Хотя онъ могъ указать, на какой страницѣ библіи находится данное изреченіе, но не вполнѣ понималъ ее. Неужели Бога, которому онъ служитъ, можно умилостивить только постоянною исповѣдью съ предписанными для того формами, не говорившими ничего чувству? Ему казалось, что нѣтъ истиннаго примиренія путемъ одного исполненія предписанныхъ дѣйствій и совершенія добрыхъ дѣлъ. Онъ исповѣдывался въ каждомъ своемъ грѣхѣ, но и послѣ исповѣди терзанія совѣсти и страхъ не покидали его. Духовникъ налагалъ на него эпитемію, которую онъ соблюдалъ въ точности, но не получалъ облегченія. Какъ узнать, пріятны ли Богу и достаточны ли тѣ дѣйствія, которыя онъ исполнялъ съ такимъ рвеніемъ?

Въ концѣ перваго года пребыванія его въ монастырѣ, когда онъ уже постригся подъ именемъ Августина, туда пріѣхалъ генеральный викарій августинскаго ордена Штауницъ. Онъ замѣтилъ Лютера и, узнавъ объ его страсти къ изученію св. писанія, велѣлъ пріору не такъ строго съ нимъ обходиться и оставлять ему время для занятій. Онъ сблизился съ Лютеромъ, поддерживалъ его въ изученіи библіи, хотя не понималъ сначала сомнѣній, мучившихъ его. Однажды, когда Лютеръ, уже будучи священникомъ, жаловался ему на то, что ученіе о предопредѣленіи пугаетъ его и онъ счи-

таетъ себя непредназначеннымъ къ спасенію, Штаупицъ понялъ его наконецъ, сталъ говорить ему о Богѣ "милосердномъ", пославшемъ своего Сына для искупленія людей и этимъ явившемъ свою благодать; что за это люди должны вѣрить и любить Бога, что только то покаяніе истинно, которое приносится съ любовью къ Богу; "что любовь эта и внутреннее возрожденіе не есть слѣдствіе принятія св. тайнъ, какъ учитъ церковь, но должны предшествовать ему". Это ученіе положило основаніе новому отношенію Лютера къ Богу. Возрожденіе внутреннее сдѣлалось для него первымъ главнымъ дѣломъ. Онъ сказалъ себѣ, что каждый человѣкъ можетъ придти къ примиренію посредствомъ покаянія, что самъ онъ, какъ и всякій другой, можетъ отдѣльно обращаться къ Богу, исповѣдываться Ему во всѣхъ своихъ страданіяхъ, сомнѣніяхъ. Онъ вѣрилъ, что Богъ принимаетъ неустанно участіе въ каждомъ человѣкѣ, заботится о немъ и предписываетъ ему вѣрить, что его грѣхи будутъ ему прощены. Онъ ужъ начиналъ думать, что тѣ учатъ ложно, которые придаютъ такъ много значенія церковному покаянію и внѣшнимъ дѣламъ. Тѣмъ не менѣе его религіозное стремленіе было такъ искренно и, съ другой стороны, вліяніе воспитанія и ученія схоластиковъ было такъ сильно, что онъ продолжалъ выполнять усердно всѣ предписанія церкви и до того строго относился къ своимъ священническимъ обязанностямъ, что иногда по нѣскольку дней не рѣшался причаститься, все сомнѣваясь въ достаточной чистотѣ своей.

Въ тотъ день, когда Лютеръ, въ 1507 году, въ первый разъ служилъ литургію, отецъ его согласился примириться съ нимъ и пріѣхалъ на торжество. Но примиреніе это было не полное Уѣзжая по окончаніи общей трапезы, отецъ сказалъ: „я долженъ быть здѣсь, долженъ пить и ѣсть,—но хотѣлъ бы быть далеко отсюда". Слова эти оставили горькій слѣдъ въ душѣ

Лютера; они еще усилили его сомнѣнія и хотя онъ тогда не сознавалъ справедливости ихъ, однако потомъ писалъ отцу: „я не понималъ тебя, а презиралъ какъ человѣка; но слово твое проникло до глубины души моей, какъ будто самъ Богъ говорилъ твоими устами.“

Въ монастырѣ, впрочемъ, не могли развиться его высокія дарованія; сила знанія, даръ слова, исходящаго изъ глубокаго убѣжденія, неотразимое вліяніе его личности на другихъ людей, — все это требовало болѣе открытаго поля дѣятельности, которое и представилось ему вскорѣ, въ 1508 году, когда, по рекомендаціи Штауфица, его пригласили на кафедру діалектики во вновь учрежденномъ университетѣ въ Виттенбергѣ.

III.

Въ Эрфуртѣ Лютеръ жилъ совершеннымъ монахомъ, отказавшимся отъ свѣта и непризнающимъ иного для себя призванія, кромѣ служенія Богу и заботъ о чистотѣ своей совѣсти. Внѣшность его отвѣчала такому настроенію. Онъ былъ средняго роста и до того истощенъ молитвами и постомъ, что можно было сосчитать кости на его исхудавшемъ тѣлѣ. При вступленіи на новое поприще онъ съ величайшимъ трудомъ превозмогъ робость, вынесенную имъ еще изъ родительскаго дома. Въ монастырѣ онъ пріобрѣлъ не только запасъ фактическихъ знаній, но и болѣе свободный взглядъ на религіозныя отношенія. Христіанство ему представлялось уже не пустою внѣшностью, а живымъ источни-

комъ утѣшенія, благодаря ученію объ оправданіи черезъ вѣру, которое онъ себѣ усвоилъ.

По пріѣздѣ въ Виттенбергъ онъ поселился въ августинскомъ монастырѣ и началъ читать свои лекціи объ аристотелевой діалектикѣ и физикѣ безплатно, какъ и большинство профессоровъ того времени; только впослѣдствіи курфирстъ саксонскій самъ назначилъ ему 200 гульденовъ въ годъ. Эти лекціи отвлекали его отъ занятій св. писаніемъ и онъ читалъ ихъ не охотно. Только на слѣдующій годъ, получивъ степень доктора богословія, онъ приступилъ къ объясненію св. писанія. Скоро затѣмъ Штауницъ, желая выдвинуть его впередъ, предложилъ ему проповѣдывать народу. Лютеръ страшно испугался. „Вы убиваете меня,“ сказалъ онъ ему, „я не проживу и трехъ мѣсяцевъ“. Но Штауницъ настоялъ на своемъ и требовалъ, чтобъ Лютеръ повиновался ему, какъ своему начальнику. Кромѣ того Лютеръ назначенъ былъ лекторомъ въ монастырѣ, такъ что ему положительно не оставалось времени предаваться нравственнымъ самоистязаніямъ. Онъ едва поспѣвалъ исполнять возложенныя на него обязанности. Эту цѣль, между прочимъ, имѣлъ въ виду Штауницъ, не перестававшій выказывать ему серьезное расположеніе. Нерѣдко Лютеръ не находилъ времени прочесть всѣ молитвы, которыя привыкъ читать ежедневно еще въ монастырѣ и, мучаясь жестоко, исправлялъ свою ошибку тѣмъ, что по субботамъ съ утра запирался въ кельѣ и прочитывалъ всѣ молитвы, пропущенныя за недѣлю. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ учиться и слѣдствіемъ этого было то, что лекціи его стали посѣщаться не только студентами, но и профессорами. Проповѣди свои онъ читалъ на народномъ языкѣ и народъ охотно слушалъ его. Онъ обладалъ звучнымъ голосомъ и говорилъ свободно. Проповѣди его, не отличаясь особенными достоинствами по формѣ, производили

впечатлѣніе потому, что слова его выходили изъ глубокаго убѣжденія. Они не были повтореніемъ чужихъ мыслей; сейчасъ было видно, что онъ произносилъ не фразы и что все, что онъ говорилъ, имѣло для него самого громадное значеніе, было имъ самимъ продумано и прочувствовано. На немъ отразился этотъ первый шагъ къ общественной дѣятельности. Онъ освободился отъ монашеской узкости взгляда и, оставаясь монахомъ, по образу жизни, былъ имъ не въ прежнемъ смыслѣ.

Въ 1510 году Лютеръ задумалъ осуществить свою юношескую мечту и побывать въ Римѣ, гдѣ онъ надѣялся найти „полное успокоеніе и утѣшеніе своей совѣсти". Путешествіе это составило эпоху въ его жизни. Въ первый разъ монахъ, жившій до тѣхъ поръ въ маленькихъ городкахъ, очутился на просторѣ; онъ посѣтилъ большую часть Германіи, Баваріи, Австріи, Италіи. Путешешествіе совершалось, конечно, пѣшкомъ; на дорогу ему было дано 10 гульденовъ, такъ какъ онъ отправлялся по порученію Штаупица, давшаго ему письма къ нѣкоторымъ духовнымъ лицамъ въ Римѣ. По дорогѣ онъ останавливался въ монастыряхъ, проповѣдывалъ тамъ и даже участвовалъ въ диспутахъ. Перейдя итальянскую границу онъ еще чаще сталъ встрѣчать монастыри, въ которыхъ монахи позволяли себѣ различнаго рода злоупотребленія; роскошь нѣкоторыхъ монастырей поразила Лютера.

Послѣ продолжительнаго пути онъ увидѣлъ наконецъ святой городъ и упавъ на колѣни воскликнулъ: „привѣтствую тебя, священный Римъ, трижды священный, благодаря крови мучениковъ, здѣсь пролитой". Съ слѣдующаго же дня онъ началъ посѣщать церкви и катакомбы и „вѣрилъ всему, что тамъ выдумано". Онъ на колѣняхъ взошелъ по священной лѣстницѣ собора св. Петра, для полученія отпущенія грѣ-

*

ховъ. По случаю порученій, возложенныхъ на него Штаупицомъ, онъ увидѣлся со многими кардиналами и другими духовными лицами и не могъ не замѣтить общей испорченности римскаго духовенства. Прекрасныя, плавныя, но пустыя по содержанію рѣчи, внѣшній лоскъ и обходительность, прикрывавшія внутреннюю пустоту, испорченность нравовъ, лицемѣріе, хитрость и свѣтскость духовенства—все это явилось передъ нимъ совершенно ясно. Вмѣсто утѣшенія, которое онъ надѣялся найти у ученыхъ и благочестивыхъ людей, онъ увидѣлъ полное равнодушіе съ ихъ стороны къ вопросамъ религіи. Когда онъ однажды читалъ мессу, то его молитву прерывали шутки, отпускаемыя другими монахами. Но тѣмъ не менѣе онъ возвратился изъ Рима вѣрнымъ сыномъ церкви, хотя и съ ненавистью къ ея служителямъ.

Возвратясь изъ Рима, Лютеръ сталъ заниматься изученіемъ греческаго и еврейскаго языковъ, видя въ этомъ средство къ лучшему пониманію св. писанія. Въ 1512 г. онъ былъ сдѣланъ докторомъ богословія, получилъ право толковать библію и сталъ излагать студентамъ свое новое ученіе о благодати, оправдывающей человѣка силою вѣры, но усвоиваемой имъ только при содѣйствіи собственныхъ подвиговъ благочестія.

Въ это время и въ образѣ жизни Лютера произошла перемѣна: робость его исчезла, въ немъ стало проявляться сознаніе собственнаго достоинства. Онъ отрѣшился отъ своей келейной жизни и по приказанію курфирста принялъ участіе въ спорѣ противъ кёльнскихъ богослововъ, напавшихъ, въ то время, на ученаго, извѣстнаго своимъ знаніемъ еврейской литературы, Рейхлина. Въ своихъ письмахъ, въ которыхъ онъ высказывался за Рейхлина, Лютеръ еще благоговѣлъ передъ папой, но уже въ нихъ проглядывало нерасположеніе къ богословамъ. Эта первая защита сознанной

истины открыла передъ нимъ цѣлый рядъ преній и борьбы съ богословами различныхъ партій. „Въ дѣлахъ вѣры нужно доказывать, а не предполагать,“ писалъ онъ, и дѣйствительно самъ держался такой системы. Онъ любилъ эти пренія и они были въ высшей степени полезны для него. “Не препирайся Лютеръ,“ говоритъ біографъ его, Юргенсъ, „онъ никогда бы не сдѣлался реформатомъ, а съ врожденною робостью заглохъ бы въ виттенбергскомъ университетѣ, предаваясь въ уединеніи своимъ любимымъ занятіямъ“.

Извѣстность Лютера росла и онъ самъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы умножить число послѣдователей Евангелія. Этой извѣстности не мало содѣйствовали и его проповѣди. „Народу надо проповѣдывать такъ,“ говорилъ онъ, „чтобы всякій могъ пересказать содержаніе проповѣди.“

Въ 1516 г. Штаупицъ, уѣзжая въ Голландію, назначилъ Лютера временнымъ викаріемъ августинскаго ордена и началъ вмѣстѣ съ нимъ осмотръ монастырей. Когда они были въ Гриммѣ, Штаупицъ получилъ извѣстіе, что главный продавецъ индульгенцій, уполномоченный папы, ученый богословъ Тецель, пріѣхалъ въ пограничный городъ Ютербокъ. Извѣстіе это поразило всѣхъ и особенно Лютера. Онъ рѣшился тотчасъ же возвысить голосъ противъ этого вопіющаго злоупотребленія, не только терпимаго, но и покровительствуемаго духовенствомъ и свѣтскими властями Германіи.

IV.

Въ то время церковь управлялась на свѣтскій ладъ и то, что представлялось религіозностью, было лишь соблюденіемъ внѣшней законности, отправленіемъ обязанностей, въ которыхъ ни сердцемъ, ни совѣстью не участвовали.

Ученіе объ индульгенціяхъ было крайнимъ злоупотребленіемъ тогдашней церкви. Съ 15-го вѣка, обыкновеніе собирать этимъ путемъ для папъ деньги приняло такіе размѣры, что тѣ самые люди, которые сожгли Гуса, стали требовать на соборѣ въ Констанцѣ и Базелѣ отмѣны сбора говоря, что мѣна грѣховъ на звонкую монету отвратительна. Но зло продолжалось и хотя избранный на соборѣ въ Констанцѣ папа Мартинъ V и обязался уничтожить торговлю индульгенціями, но самъ болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ пользовался этимъ правомъ. Онъ отдалъ на откупъ, съ уплатой четвертой части на построеніе собора св. Петра, продажу индульгенцій нѣмецкимъ князьямъ, которые, подъ формою такъ называемыхъ масляныхъ писемъ, за деньги разрѣшали ѣсть въ посту масло и яйца.

Отдѣльныя лица и проповѣдники возставали противъ такого систематическаго раззоренія нѣмецкаго народа, но самъ онъ былъ совершенно къ этому равнодушенъ и даже доволенъ тѣмъ, что за извѣстную сумму получалъ право грѣшить и не заботиться о своемъ спасеніи. Продавцы индульгенцій обыкновенно объявляли, что бѣднымъ людямъ отпуски, ради Бога, даются даромъ. Это привлекало народъ, а разъ придя съ мыслью пріобрѣсть себѣ такой отпускъ и узнавъ, что даромъ его получить нельзя, всякій соглашался платить лишь бы не уй-

ти не получивъ желаемаго. Однако даже духовные нѣмецкіе князья начинали жаловаться на то, что нѣмецкія деньги переправляются за Альпы въ такомъ громадномъ количествѣ, что никто не въ состояніи былъ бы вынести ихъ массу. Понятно, что и между свѣтскими властелинами были такіе, которые съ негодованіемъ смотрѣли на извлеченіе изъ ихъ государствъ денегъ, предназначаемыхъ для неизвѣстныхъ цѣлей. Но не эти внѣшнія причины дѣйствовали на Лютера. Его убѣжденію были противны внутреннія пружины этой торговли.

Вступая въ открытую вражду съ Тецелемъ онъ зналъ, что затрогиваетъ интересы и убѣжденія своего государя; курфирстъ Фридрихъ вовсе не былъ противъ торговли индульгенціями и самъ широко пользовался правомъ продажи масляныхъ писемъ. Онъ не велѣлъ пускать Тецеля въ свои владѣнія лишь потому, что Тецель дѣлалъ подрывъ его торговлѣ, а вовсе не изъ какихъ либо другихъ цѣлей. Съ другой стороны Лютеръ не могъ расчитывать и на народъ, который цѣлыми толпами приходилъ къ Тецелю и потомъ на исповѣди прямо объявлялъ Лютеру, что и впередъ будетъ предаваться всѣмъ тѣмъ порокамъ, прощеніе которыхъ ему обезпечено отпускными граматами. Лютеръ сталъ доказывать въ своихъ проповѣдяхъ, что отпущеніе грѣховъ дается только людямъ раскаявшимся и постоянно живущимъ согласно заповѣдямъ божіимъ; что лучше давать деньги нищимъ, нежели платить за отпускъ; но, видя, что всѣ его проповѣди пропадаютъ даромъ, онъ обратился къ окружнымъ епархіальнымъ начальникамъ, прося ихъ заступиться за народъ и объявилъ, что самъ онъ готовъ обличить Тецеля передъ цѣлою церковью. Только одинъ изъ епископовъ отвѣчалъ на это обращеніе Лютера, и то совѣтуя ему не браться за такое дѣло; остальные же не обратили вниманія на его увѣщанія.

Видя, что ничто не дѣйствуетъ, Лютеръ рѣшился идти смѣло одинъ и въ день праздника всѣхъ святыхъ прибилъ на дверяхъ дворцовой церкви въ Виттенбергѣ 95 тезисовъ противъ ученія Тецеля. Въ этихъ тезисахъ онъ развилъ свои понятія объ истинномъ покаяніи, благодати, оправданіи черезъ вѣру и пр. Хотя это было первое его прямое нападеніе на римскую церковь, но въ немъ не проглядывало ни малѣйшей враждебности къ папѣ; Лютеръ даже признавалъ за папой право отпусковъ, но въ смыслѣ отпущенія эпитемьи, т. е. наказаній за грѣхи, а не самыхъ грѣховъ. Прибивая свои тезисы, онъ не думалъ излагать новый догматъ, а только хотѣлъ, не найдя въ св. писаніи указаній на продажу отпусковъ, возбудить богословское преніе по этому вопросу и затѣмъ подвергнуть все рѣшенію церкви. Онъ въ то время еще не сознавалъ значенія своего поступка, и самъ впослѣдствіи говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Я былъ одинъ и неосторожностью вовлеченъ въ это дѣло; я не только уступалъ папѣ во многомъ, но даже чистосердечно обожалъ его. Ибо кто былъ я тогда? Ничтожный монахъ, походившій скорѣе на трупъ, чѣмъ на живое существо.“ Тезисы его произвели впечатлѣніе между населеніемъ. Народъ читалъ ихъ и, возвратясь домой, сообщалъ по селамъ и городамъ, такъ что черезъ двѣ недѣли они разошлись по всей Германіи. Лютеръ не разсчитывалъ на это и самъ былъ пораженъ такимъ исходомъ. Распространеніе въ народѣ его тезисовъ ему не понравилось. Появилось множество письменныхъ возраженій; одни высказывались за Лютера, другіе защищали Тецеля. Хотя никто не рѣшался защищать продажу индульгенцій въ томъ видѣ, въ какомъ она совершалась, но, съ другой стороны, ученіе Лютера о дѣйствіи благодати и безполезности добрыхъ дѣлъ вызвало горячія порицанія. Отовсюду раздались голоса противъ ерети-

ка, какъ называли Лютера. Но за то молодое поколѣніе открыто стало на его сторону. Студенты въ Виттенбергѣ сожгли 800 экземпляровъ тезисовъ Тецеля, написанныхъ въ отвѣтъ на тезисы Лютера. Курфирстъ Фридрихъ, неожиданно для Лютера, сталъ оказывать ему явное покровительство и когда получено было изъ Рима приказаніе Лютеру туда ѣхать, то согласился на просьбу его—отказать ему въ свободномъ пропускѣ черезъ свои владѣнія и поставить его этимъ въ невозможность исполнить предписаніе папы.

Коммиссія въ Римѣ, которой надлежало разобрать жалобу, поданную на Лютера, настаивала на отлученіи его отъ церкви. Но папа Левъ X отклонилъ это предложеніе. Покровитель ученыхъ и художниковъ, онъ оставался совершенно равнодушенъ ко всякимъ богословскимъ препирательствамъ. Онъ съ княжескимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на споры маленькихъ людей и не предчувствовалъ, что изъ этого спора вспыхнетъ пожаръ, который коснется и его вѣнца. Онъ хотѣлъ обдѣлать дѣло миролюбиво.

Въ это время въ Аугсбургѣ собирался сеймъ, на которомъ папскій посланный долженъ былъ, между прочимъ, заявить требованіе о новой суммѣ денегъ на предстоящую войну съ турками. Поэтому, посланному въ Аугсбургъ папскому кардиналу—легату Кайэтану было поручено переговорить сначала съ Лютеромъ и попытаться убѣдить его не настаивать на своемъ и прекратить споръ; если же онъ откажется это исполнить, то овладѣть имъ и привести въ Римъ. Кардиналу Кайэтану казалось слишкомъ много и то, что онъ, гордый князь церкви, долженъ вступить въ пренія съ простымъ августинскимъ монахомъ. Къ великой его злобѣ государственные чины на аугсбургскомъ сеймѣ отказали папѣ, въ первый разъ, въ деньгахъ на войну съ турками и потому онъ, еще болѣе раздраженный этою неудачею, такъ

принялъ Лютера, что съ первыхъ же словъ послѣдній увидѣлъ передъ собою человѣка предубѣжденнаго и рѣшился твердо стоять на своемъ. Разговоръ между ними не привелъ ни къ чему и кончился тѣмъ, что оба разстались съ убѣжденіемъ въ своей правотѣ. Но Лютеръ вышелъ отъ Кайэтана совершенно другимъ человѣкомъ; въ письмѣ къ нему, онъ съ полной сознательностью въ первый разъ высказываетъ девизъ протестанскаго ученія: благодать, какъ главный источникъ спасенія. Не считая себя болѣе въ безопасности, онъ ночью уѣхалъ изъ Аугсбурга назадъ въ Виттенбергъ.

Папа, все еще не желая сдѣлать рѣшительнаго шага, послалъ уладить дѣло саксонскаго уроженца Мильтица, который долженъ былъ передать Фридриху Мудрому, курфирсту саксонскому, священную золотую розу. Такой подарокъ папа дѣлалъ обыкновенно къ новому году самому вліятельному изъ князей и потому въ поднесеніи его именно курфирсту саксонскому, покровительствовавшему Лютеру, нельзя было не видѣть желанія папы задобрить Фридриха Мудраго.

Между тѣмъ Лютеръ, послѣ неудачной аугсбургской конференціи, написалъ оправдательное письмо папѣ, и когда увидѣлъ, что оно остается безъ послѣдствій, то просилъ его созвать соборъ. До сихъ поръ было неслыханнымъ дѣломъ, чтобы простой монахъ дѣйствовалъ такъ рѣшительно.

Мильтицъ, тотчасъ по пріѣздѣ, имѣлъ съ Лютеромъ совѣщаніе, во время котораго дѣйствовалъ чрезвычайно ловко. Онъ выразилъ свое удивленіе тому, что встрѣтилъ въ Лютерѣ не стараго богослова, а молодого человѣка, на сторонѣ котораго приходится по три защитника на одного папскаго, что и онъ самъ готовъ стать на сторону Лютера и проч. Къ этому онъ прибавилъ, что тѣмъ не менѣе онъ, Лютеръ, причинилъ много заботъ святому отцу и обязанъ загла-

дить это. Лютеръ все еще смотрѣлъ на авторитетъ папы глазами обыкновеннаго монаха. Онъ поддался увѣщаніямъ Мильтица и, такимъ образомъ, состоялся формальный договоръ между папой и Лютеромъ, который поспѣшилъ извѣстить курфирста саксонскаго, что „сдѣлка заключена на слѣдующихъ двухъ усвовіяхъ: 1) обѣимъ сторонамъ запрещается проповѣдывать, писать и дѣйствовать по этому дѣлу; 2) Мильтицъ передаетъ папѣ содержаніе всего дѣла и папа поручаетъ ученому епископу разсмотрѣть спорные вопросы.“ Если будетъ признано“, прибавляетъ Лютеръ, „что я распространяю заблужденіе, то я обѣщаю и долженъ взять мои слова назадъ и не ослаблять силу святой римской церкви.“

Слѣдовательно Лютеръ, какъ и Гусъ, соглашался отказаться отъ своего ученія только въ такомъ случаѣ, если ему докажутъ, что онъ заблуждается.

Но въ томъ же году Лютеръ былъ принужденъ отказаться отъ своего слова, вслѣдствіе появившагося сочиненія богослова Экка, направленнаго противъ него. Назначенъ былъ въ Лейпцигѣ диспутъ, на который явились и друзья Лютера, Меланхтонъ и Карльштадтъ. Эккъ былъ извѣстенъ за искуснаго діалектика и человѣка, изучившаго философію, богословіе, исторію и право церкви. Въ послѣднихъ знаніяхъ онъ далеко превосходилъ Лютера и на этомъ пунктѣ былъ опаснымъ для него соперникомъ. Два дня продолжался диспутъ, не приведшій противниковъ къ соглашенію. Когда Эккъ возбудилъ вопросъ о папской власти, Лютеръ сталъ утверждать, что одновременное возникновеніе съ христіанскою церковью власти папы еще требуетъ доказательства. Эккъ же возражалъ, что начало этой власти слѣдуетъ искать одновременно съ учрежденіемъ латинской церкви и что все, что внѣ этой церкви—проклято. На это Лютеръ спросилъ,

неужели вся греческая церковь и ея отцы тоже прокляты. Эккъ сослался на соборы, на которыхъ, какъ напримѣръ въ Констанцѣ, было признано папское первенство, и прибавилъ: неужели онъ, Лютеръ, не признаетъ правильнымъ приговоръ надъ Гусомъ.

Отвѣчать на такой вопросъ было крайне опасно, потому что на гусситское движеніе въ Саксоніи смотрѣли весьма недружелюбно. Лютеръ подумалъ нѣсколько времени и сказалъ, что по его мнѣнію соборъ осудилъ многія положенія Гуса, которыя были вполнѣ согласны съ христіанствомъ и Евангеліемъ. Отвѣтъ этотъ вызвалъ сильное волненіе и Эккъ воскликнулъ: „въ такомъ случаѣ, вы, достопочтенный отецъ, для меня тоже, что язычникъ и мытарь“.

Еще будучи въ эрфуртскомъ монастырѣ Лютеръ, прочитавъ о Гусѣ, съ ужасомъ подумалъ, что онъ съ „сожженнымъ еретикомъ“ во многомъ согласенъ. Онъ оттолкнулъ тогда отъ себя книгу и ему казалось, что при одной мысли о правотѣ „страшнаго сожженнаго“ должны „почернѣть стѣны и потускнѣть солнце“. Теперь онъ самъ публично передъ всѣми въ томъ сознался. Такимъ образомъ споръ изъ-за словъ привелъ его къ полному отпаденію отъ римской церкви, высшихъ властей которой онъ болѣе не признавалъ. Для него этотъ споръ имѣлъ еще то значеніе, что уяснилъ ему, какъ далеко онъ разошелся съ католической церковью, тогда какъ онъ еще думалъ, что крѣпко держится ея.

Послѣ лейпцигскаго диспута, на которомъ былъ задѣтъ вопросъ о самомъ возникновеніи папской власти и высказано то, чего еще никогда не высказывалось передъ лицемъ всего народа, Лютеръ не хотѣлъ болѣе отступать, хотя бы его ждала судьба Гуса. Впрочемъ всѣ лучшіе умы націи, равно и молодежь, относившаяся прежде равнодушно къ церковному спору, сильно заинтересовались имъ и съ этихъ поръ

лучшій ея ораторъ Ульрихъ фонъ Гуттенъ открыто перешелъ на сторону Лютера. Еще раньше примкнулъ къ нему Филиппъ Меланхтонъ, молодой ученый, дружба котораго имѣла большое значеніе для Лютера.

Убѣдившись на диспутѣ, какъ важно знаніе церковнаго права и исторіи, Лютеръ сталъ изучать ихъ. Ему все еще тяжело было оторваться отъ старой церкви, но мало по малу онъ становился на точку зрѣнія Гуса и, удивляясь своему съ нимъ согласію, писалъ въ 1520 г.: „всѣ мы гусситы, сами того не зная; отъ удивленія я не знаю, что и думать объ этомъ.“ Въ томъ же году, въ заключительной рѣчи, приложенной къ описанію его похожденій въ Аугсбургѣ, онъ уже прямо защищалъ ученіе Гуса и оспаривалъ первенство папы, которому тогда же отправилъ посланіе, написанное уже не въ прежнемъ духѣ. Посланіе это оканчивалось слѣдующими словами: „отъ меня не жди отреченія. Слово Божіе не можетъ быть связано“. Въ отвѣтъ на это папа прислалъ Лютеру буллу проклятія, а Лютеръ обратился къ народу и издалъ „окружное посланіе къ дворянству нѣмецкой націи“.

Не смотря на жалобы Лютера, что когда онъ проповѣдуетъ, то въ церкви остается не болѣе 10--12 человѣкъ, да и тѣ зѣваютъ и дремлютъ, или разговариваютъ о своихъ дѣлахъ и оживляются только тогда, когда онъ начинаетъ говорить о чудесахъ; не смотря на то, что народъ стремился къ Тецелю за индульгенціями,—онъ любилъ Лютера и видѣлъ въ немъ защитника своего противъ высшаго латинскаго духовенства, отъ злоупотребленій котораго ему всего болѣе приходилось терпѣть. Дворянство же, за рѣдкими исключеніями, было совершенно къ нему равнодушно и пристало къ нему лишь послѣ посланія Лютера къ дворянству нѣмецкой націи. Въ этомъ посланіи Лютеръ отрицаетъ свѣт-

скую власть папы, которую подчиняетъ императору, защищаетъ власть послѣдняго, нѣмецкихъ свѣтскихъ князей, низшее духовенство и права всѣхъ сословій. Свѣтскую власть императора Лютеръ ставитъ такъ высоко, что подчиняетъ ей не только общественную жизнь подданныхъ, но и частную. Во всемъ же, что касается христіанскихъ отношеній, онъ не признаетъ иной власти, кромѣ Христа. Онъ одобряетъ дворянство за его отказъ на аугсбургскомъ сеймѣ заплатить папѣ требуемую сумму и поручаетъ свою защиту и защиту Германіи нѣмецкому рыцарству. Посланіе это установило связь между Лютеромъ и нѣмецкой аристократіей и привлекло къ нему низшее дворянство.

Сначала, получивъ буллу, Лютеръ думалъ бѣжать въ Богемію, но со всѣхъ сторонъ къ нему являлось столько предложеній и услугъ отъ дворянъ и рыцарей, что онъ рѣшился остаться. Къ тому же многіе князья отказались обнародовать буллу, не видя для того никакихъ основаній.

Курфирстъ саксонскій открыто отказался признать буллу. Виттенбергскій университетъ сталъ также за Лютера, который, не будучи человѣкомъ, разсчитывающимъ на возбужденіе въ народѣ страстей, не захотѣлъ однако отступать ни передъ чѣмъ, что могло обезсилить его противниковъ. Поэтому онъ рѣшился сжечь буллу въ присутствіи магистровъ, студентовъ и гражданъ Виттенберга. Дѣло его уже сдѣлалось общимъ, государственнымъ дѣломъ.

10 декабря торжественное шествіе отправилось къ городскимъ воротамъ; народъ и студенты сложили костеръ и вмѣстѣ съ Лютеромъ смотрѣли, какъ булла горѣла при крикахъ приверженцевъ Лютера и нѣмомъ удивленіи римскихъ посланныхъ.

Римъ истощилъ всѣ свои средства убѣжденія противъ простого монаха. Ему оставалось только одно: открытая сила.

V.

Вся будущая судьба Германіи зависѣла въ эту эпоху отъ вновь избраннаго императора Карла V. Противники папы надѣялись, что новый императоръ будетъ управлять германской имперіею съ согласія князей и курфирстовъ, призоветъ въ совѣтъ дворянство, станетъ во главѣ націи въ дѣлѣ введенія реформы и положитъ конецъ римской власти въ Германіи. Въ такомъ случаѣ они обѣщали ему любовь народа.

Положеніе Германіи было весьма шатко; у нея не было прочной формы правленія, ни финансовой системы, ни высшаго судилища. Между сословіями также не было единодушія. Ко всему этому присоединилось религіозное движеніе, возбужденное Лютеромъ и проникшее въ сознаніе народа.

Въ октябрѣ 1520 года, Карлъ V поѣхалъ въ Аахенъ для коронованія своего германскимъ императоромъ, а въ декабрѣ того же года онъ собралъ сеймъ въ Вормсѣ, куда былъ призванъ и Лютеръ, отъ котораго императоръ надѣялся добиться отреченія и этимъ угодить папѣ, не раздражая его противниковъ.

Карлъ V выросъ въ Испаніи, странѣ ультра-католической и смотрѣлъ на императорское достоинство, какъ на могучій рычагъ власти, которую онъ понималъ въ средневѣковомъ духѣ, въ тѣсной связи съ церковнымъ единствомъ. Но не смотря на это, его отношенія къ Риму не были дружественны. Римскіе папы были болѣе свѣтскими, нежели духовными князьями. Теперь, когда всѣ надежды папы Льва X обратились къ помощи свѣтскихъ государей, онъ начиналъ

опасаться, что Карлъ V при всей своей преданности католицизму, изъ политическихъ цѣлей, станетъ дѣйствовать противъ Рима. Поэтому въ Римѣ интриговали противъ его избранія императоромъ. Это узнали въ Испаніи, и посредникъ императора въ Германіи писалъ ему: „В. В. должны ѣхать въ Германію и показать расположеніе нѣкоему Мартину Лютеру, пользующемуся покровительствомъ саксонскаго курфирста и своими проповѣдями вредящему римскому двору".

Вновь избранный императоръ, воспитанный въ духѣ строгаго формализма, не могъ себѣ представить, чтобы вопросы религіи могли проникать все существо человѣка. Онъ думалъ, что съ Лютеромъ можно играть какъ съ маріонеткой, то выдвигая ее, то пряча, или что все дѣло можно уладить при помощи какой-нибудь тысячи талеровъ. Къ тому же положеніе его, какъ бургундскаго и габсбургскаго владѣтельнаго принца, короля Испаніи и нѣмецкаго императора, уже само по себѣ представляло не мало затрудненій. Онъ не понялъ надеждъ, которыя на него возлагали въ Германіи, и не только не зналъ нѣмецкаго языка, но и не старался ознакомиться съ стремленіями и ожиданіями націи. Съ другой стороны Карлъ V нуждался въ папѣ, отъ котораго онъ ожидалъ исполненія своей просьбы — возстановить въ Испаніи инквизицію; ограниченіе этого судилища, сдѣланное папою въ 1520 году по просьбѣ кортесовъ, грозило уменьшеніемъ власти короля, который обѣщалъ папѣ, въ замѣнъ возстановленія инквизиціи, подавить Лютера и его ересь. Это подоспѣло весьма кстати для папы, нуждавшагося въ то время въ помощи свѣтскихъ государей. Поэтому онъ поспѣшилъ исполнить желаніе короля, а король привелъ немедленно въ исполненіе въ своихъ владѣніяхъ изданную противъ Лютера папскую буллу. Но папа не удовольствовался этимъ и требовалъ, чтобы булла его имѣла силу императорскаго эдикта.

Въ Германіи императоръ не могъ ничего сдѣлать безъ согласія имперскихъ чиновъ; онъ созвалъ ихъ, прочелъ имъ буллу и эдиктъ, предписывавшій строгое исполненіе ея. Это возбудило горячіе споры, кончившіеся приглашеніемъ Лютера дать отвѣтъ на сеймѣ въ Вормсѣ. „Мы опредѣлили", сказано было въ императорскомъ указѣ, „мы и чины священной римской церкви, принять отъ тебя объясненіе на счетъ твоихъ книгъ и ученія, которое ты проповѣдуешь."

Всѣ сословія были согласны съ Лютеромъ въ сопротивленіи свѣтской власти римской церкви, но надѣялись, что онъ отступится отъ своихъ послѣднихъ сочиненій, въ которыхъ затрогивалъ догматы ея. Съ этой цѣлью они пробовали уговорить его держаться въ границалъ оппозиціи свѣтскому господству римской церкви. Самъ духовникъ императора взялся переговорить съ Лютеромъ, но Лютеръ отклонилъ всѣ, дѣлаемыя ему въ такомъ смыслѣ, предложенія и рѣшился ѣхать въ Вормсъ даже если бы ему не выдали охраннаго листа. Онъ сознавалъ всю опасность такого поступка; участь Гуса представлялась ему возможною и для него, но онъ съ радостью готовъ былъ умереть за свои убѣжденія. „Ожидайте отъ меня всего", писалъ онъ Спалатину, ведшему съ нимъ переговоры именемъ короля, „но только не побѣга и не отреченія. Я не убѣгу и не отрекусь отъ своего ученія, которое буду признавать до послѣдняго дня, хотя и увѣренъ, что собаки не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не покончатъ со мною."

Онъ отправился въ сопровожденіи своего друга Амсдорфа и дѣльнаго юриста Шурфа. Ови ѣхали въ покрытой полотномъ повозкѣ, которою снабдилъ его виттенбергскій магистратъ. Лютеръ былъ одѣтъ въ августинскую рясу.

Вездѣ по дорогѣ онъ видѣлъ прибитые декреты, осуждавшіе его сочиненія; но на предложеніе герольда, сдѣлан-

ное ему въ Веймарѣ, не продолжать далѣе пути онъ отвѣчалъ, что будетъ повиноваться императорскому повелѣнію. По дорогѣ онъ останавливался въ Готѣ, Эйзенахѣ и Эрфуртѣ и проповѣдывалъ народу, стекавшемуся къ нему цѣлыми толпами. На послѣдней станціи передъ Вормсомъ, курфирстъ саксонскій, черезъ своего посланнаго, совѣтовалъ Лютеру возвратиться назадъ, такъ какъ его легко можетъ постигнуть участь Гуса. „Гусъ былъ сожженъ", отвѣчалъ Лютеръ, „но истина не погибла съ нимъ; я пойду впередъ, хотя бы въ меня цѣлилось столько дьяволовъ, сколько черепицъ на кровляхъ". При въѣздѣ въ Вормсъ все населеніе сбѣжалось смотрѣть на него. Онъ зналъ, что народъ считаетъ его дѣло своимъ и молится за него; это еще болѣе поддерживало его рѣшеніе. Дѣйствительно, около этого времени была сочинена особенная молитва, которую народъ читалъ, когда Лютеръ отправлялся на сеймъ. Молитва эта кончалась словами: „Лютеръ бѣденъ и немощенъ! Боже! напутствуй его!"—При видѣ такого участія населенія, Лютеръ еще тверже рѣшился лучше умереть, нежели бѣжать, или отказаться отъ своихъ словъ. Онъ въѣхалъ въ Вормсъ, предшествуемый герольдомъ, одѣтымъ въ мантію съ императорскимъ гербомъ, и на другой же день пришелъ въ собраніе имперскихъ чиновъ, на которомъ присутствовали самъ императоръ и курфирсты. На этомъ сеймѣ дворянство и даже враги Лютера представили императору жалобы на церковныя злоупотребленія, между которыми приводились и притѣсненія народа поборами.

Пышная обстановка собранія сначала какъ-будто ослѣпила Лютера: онъ началъ говорить нетвердымъ голосомъ, едва слышно, такъ что присутствовавшіе начинали думать, что онъ испугался. Только къ концу перваго допроса онъ овладѣлъ собою и сталъ говорить своей обыкновенной, твердой, крестьянски-непринужденной рѣчью.

Мало по малу ободряясь, онъ въ концѣ рѣчи прямо объявилъ, что не отречется ни отъ одного изъ своихъ мнѣній, не признаетъ ни непогрѣшимости папы, ни непогрѣшимости соборовъ, если текстомъ св. писанія ему не докажутъ, что онъ заблуждается.

Онъ кончилъ свою знаменитую рѣчь слѣдующими словами: „отъ меня хотятъ прямаго отвѣта и я дамъ такой, въ которомъ не будетъ ни сучка, ни задоринки. Такъ какъ я убѣжденъ приведенными мною текстами и совѣсть моя во власти Слова Божія, то я не могу и не хочу отречься, ибо не хорошо поступать противъ совѣсти. На этомъ стою и иначе не могу; да поможетъ мнѣ Богъ. Аминь.“

Присутствовавшіе испанцы не могли понять, какъ монахъ, говорящій такъ просто, могъ надѣлать столько шуму въ Германіи, а Карлъ V сказалъ: „меня, по крайней мѣрѣ, этотъ монахъ не сдѣлаетъ еретикомъ.“

Нѣмецкіе князья были довольны Лютеромъ и совѣтовали ему ѣхать скорѣе обратно въ Виттенбергъ; они не были увѣрены въ его безопасности, такъ какъ онъ, не смотря на убѣжденія друзей не говорить ничего о соборахъ и несправедливой казни Гуса, продолжалъ стоять на своемъ. Къ тому-же союзъ, заключенный, въ это время, между Карломъ V и папою, въ которомъ они положили имѣть общихъ друзей и общихъ враговъ, грозилъ дѣйствительной опасностью Лютеру.

По закрытіи собора, императоръ сообщилъ германскимъ князьямъ готовый эдиктъ противъ лютеровой ереси, составленный заранѣе, еще прежде созванія собора въ Вормсѣ и безъ согласія имперскихъ чиновъ. Этимъ эдиктомъ Лютеръ со всѣми своими послѣдователями отлучался отъ римской церкви, сочиненія его приговорены къ сожженію и учреждена цензура для воспрепятствованія на будущее время подобныхъ сочиненій. Эдиктъ этотъ распространялся всюду, и

епископы запрещали разрѣшать грѣхи тѣмъ, которые раздѣляли мнѣнія Лютера. Самому ему предоставлено было выѣхать свободно, но по прошествіи 20 дней послѣ отъѣзда, всѣмъ, подъ строгимъ наказаніемъ, запрещалось давать ему убѣжище, пищу, питье и вообще, словомъ или дѣломъ, открыто или тайно, оказывать ему помощь, содѣйствіе или укрывательство. Каждый, кому извѣстно было, гдѣ онъ находится, долженъ былъ задержать и выдать его. Поэтому князья были правы, опасаясь за его безопасность, и Фридрихъ Мудрый велѣлъ преданнымъ людямъ силою захватить Лютера и увезти въ вѣрное убѣжище. Такъ и случилось. Утомленный дорогою Лютеръ, на пути изъ Вормса, заснулъ въ тюрингенскомъ лѣсу. Посланные Фридриха окружили его и отвезли въ замокъ Вартбургъ. Замѣчательно, что курфирстъ не хотѣлъ знать мѣста, куда увезли Лютера, чтобы въ случаѣ нужды имѣть право поклясться въ томъ, что не знаетъ, гдѣ онъ находится.

VI.

Въ Вартбургѣ Лютеръ жилъ подъ именемъ юнкера Георга. Онъ воспользовался своимъ уединеніемъ, чтобъ осуществить давнишнее свое намѣреніе—перевести библію съ латинскаго на нѣмецкій языкъ и тѣмъ сдѣлать ее доступною и для народа. Переводя псалмы, онъ вздумалъ переложить ихъ для пѣнія во время божественной службы. Такъ возникла духовная нѣмецкая пѣснь.

Первое время своего пребыванія въ Вартбургѣ онъ не выходилъ изъ замка, но мало по малу сталъ выѣзжать и разъ даже доѣхалъ до Виттенберга, разсчитывая на то, что отросшія борода и волосы сдѣлали его неузнаваемымъ. Эта удача придала ему рѣшимость; тѣсное заключеніе, въ которое сначала не доходило ничего изъ остальнаго міра, и трудности, встрѣчаемыя имъ при переводѣ библіи, преодолѣть которыя онъ былъ не въ состояніи безъ помощи нѣкоторыхъ друзей своихъ и ученыхъ, жившихъ въ Виттенбергѣ, заставляли его подумывать о своемъ освобожденіи; однако онъ не рѣшался еще покинуть Вартбурга и переѣхать въ Виттенбергъ. Но когда до него дошли слухи о волненіяхъ, тамъ возникшихъ онъ не могъ болѣе оставаться и 4 марта 1522 года явился въ Виттенбергъ.

Изъ возбужденнаго имъ самимъ движенія выдѣлилась школа реформаторовъ, во главѣ которой стоялъ другъ Лютера, Карльштатъ. Въ то время, какъ Лютеръ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду спасеніе души человѣка, Карльштадтъ стремился къ доставленію людямъ счастія на землѣ. Его школа шла дальше ученія Лютера, программа котораго казалась приверженцамъ Карльштата недостаточно точною, а средства къ исполненію нерѣшительными. По ихъ мнѣнію слѣдовало, во что бы то ни стало, разорвать съ преданіями и со всѣмъ, на что нѣтъ въ св. писаніи положительныхъ указаній. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежали и вопросы о безбрачіи духовенства, объ уничтоженіи монашества, иконахъ, богослуженіи, постѣ и другихъ церковныхъ обрядахъ. Хотя Лютеръ и соглашался во всѣхъ этихъ вопросахъ съ новыми реформаторами, но онъ хотѣлъ соблюсти внѣшній порядокъ и производить реформы постепенно. Поэтому, пріѣхавъ въ Виттенбергъ, не смотря на предостереженіе курфирста саксонскаго, онъ объявилъ, что будетъ проповѣдывать про-

тивъ безпорядковъ, совершенныхъ въ его отсутствіе. Нападая на насильственныя дѣйствія Карльштадта и его друзей, Лютеръ не отрицалъ необходимости реформъ, но противился всякому насильственному навязыванію ихъ. „Мы должны любить, "говорилъ онъ,„ и дѣйствовать другъ на друга любовью. Можно и осла научить пѣнію, но царствіе Божіе не въ словахъ и рѣчахъ, а въ силѣ и въ дѣлѣ. Всякій изъ насъ долженъ дѣлать то, что считаетъ своимъ правомъ, но при этомъ онъ обязанъ сообразоваться съ тѣмъ, что нужно и полезно для ближнихъ. Вѣра должна быть принимаема свободно."

Такая проповѣдь не осталась безъ послѣдствій. Какъ сильно, уже въ то время, было вліяніе Лютера, видно изъ того, напримѣръ, что лишь только его взгляды на монашескіе обѣты сдѣлались извѣстны, монастыри мужскіе и женскіе стали быстро пустѣть. Монахини, по выходѣ изъ монастыря, отправлялись прямо къ нему и поручали себя его покровительству. Если сами реформаты и не отказались отъ своихъ взглядовъ, то число приверженцевъ ихъ уменьшилось. Почти всѣ обряды совершались по-прежнему, служеніе происходило на латинскомъ языкѣ, какъ и прежде. Самъ Лютеръ жилъ въ монастырѣ и носилъ августинскую рясу, придерживаясь старыхъ обычаевъ. Дѣйствовалъ онъ такъ не изъ равнодушія, а изъ желанія, чтобы преобразованіе шло мирнымъ, но, какъ ему казалось, болѣе вѣрнымъ путемъ. Только въ 1524 году, когда всѣ монахи оставили августинскій монастырь въ Виттенбергѣ, онъ, сдавъ монастырь курфирсту, надѣлъ свѣтское платье пастора. Имущество монастырей Лютеръ совѣтовалъ обратить на школы, церкви, больницы, богадѣльни. Въ томъ же году, съ согласія курфирста, онъ приступилъ къ измѣненію богослуженія въ Виттенбергѣ. Въ другихъ городахъ эти измѣненія сопровождались безпорядками, посреди которыхъ разразилась крестьянская война.

VII.

Возстаніе крестьянъ давно уже готовилось и не разъ проявлялось отдѣльными вспышками. Причины, вызывавшія это движеніе, постоянно усложнялись. Ни одно изъ злоупотребленій со стороны землевладѣльцевъ, духовенства и дворянства, отъ которыхъ приходилось сильно терпѣть крестьянамъ, не было отмѣнено и отдѣльныя возстанія не вели къ мѣрамъ болѣе мягкимъ; напротивъ, они пробуждали въ сильныхъ міра сего желаніе крѣпче затянуть поводья. На крестьянъ смотрѣли, какъ на вьючныхъ животныхъ и держали ихъ въ невѣжествѣ, служившемъ опорою деспотизму владѣльцевъ. Они нигдѣ не пользовались правами, равными съ богатыми и знатными людьми, а между тѣмъ несли на себѣ всю тягость налоговъ. Эти налоги увеличились съ открытіемъ Новаго Свѣта, соприкосновеніе съ которымъ создало новые источники доходовъ, а вмѣстѣ съ ними наслажденій и массу потребностей, удовлетвореніе которыхъ падало на однихъ крестьянъ. Но какъ ни велико было невѣжество простыхъ людей, однако громадные налоги, дурной судъ, плохое хозяйство и ко всему этому новое ученіе, проповѣдывавшее евангельское равенство и свободу, пробудили въ нихъ сознаніе своихъ правъ. Къ тому-же множество странствующихъ проповѣдниковъ, переходя съ мѣста на мѣсто, разъясняли народу его положеніе и доказывали несовмѣстность такого положенія съ ученіемъ Евангелія.

Въ 1524 г. возстаніе началось съ верхняго Рейна, вдоль швейцарской границы, по ту сторону которой жилъ свободный, независимый народъ, и мало по малу распространилось

на южную, среднюю и западную Германію, Эльзасъ, вдоль Неккара и Майна. Такъ какъ въ то время князья не имѣли свободныхъ войскъ, бо́льшая часть которыхъ была отправлена въ Италію, гдѣ императоръ велъ войну съ королемъ Францискомъ I, то первые восемь мѣсяцевъ крестьяне безусловно господствовали и, пользуясь своею многочисленностью, распространяли возстаніе все дальше и дальше; такимъ образомъ оно разошлось отъ самаго берега Рейна до Австріи и Тироля, отъ Констанцкаго озера до Франконіи и Тюрингіи. Въ немъ приняли участіе люди различныхъ сословій, приставшихъ къ движенію по самымъ разнообразнымъ причинамъ. Понятно, что при этомъ не могло быть между ними согласія, ни въ цѣли, ни въ средствахъ; въ войскѣ также не было единства и потому понимавшія дѣло лица заранѣе видѣли невозможность побѣды при такихъ условіяхъ. Каждая партія имѣла свою программу. Болѣе умѣренная состояла изъ 12 статей, въ которыхъ верхнешвабскіе крестьяне изложили свои требованія. Эти статьи они отослали Лютеру, прося его разсмотрѣть и утвердить ихъ, надѣясь такимъ образомъ заручиться его авторитетомъ съ религіозной стороны. Политическую силу они надѣялись пріобрѣсть въ лицѣ Фридриха Мудраго. Но король умеръ вскорѣ, оплакиваемый своимъ народомъ, противъ котораго онъ не хотѣлъ дѣйствовать враждебно и даже отказался присоединиться къ князьямъ, вооружившимся для усмиренія крестьянъ; онъ полагалъ предоставить все дѣло Богу. Лютеръ молчалъ и хотя, по видимому, сначала былъ на сторонѣ крестьянъ, но не принималъ прямаго участія въ ихъ дѣлѣ, а ограничился частными убѣжденіями землевладѣльцевъ и князей сдѣлать нѣкоторыя уступки крестьянамъ. Когда же во главѣ возстанія сталъ Ѳома Мюнцеръ, бывшій прежде горячимъ сторонникомъ Лютера, но видѣвшій его непослѣдователь-

ность въ проведеніи реформъ и расходившійся съ нимъ во взглядахъ на средства преобразованія, и оно приняло болѣе рѣшительный, крайній характеръ, при чемъ коснулось въ своей программѣ нѣкоторыхъ частей ученія Лютера, то онъ вышелъ изъ своего сторонняго положенія. Мюнцеръ проповѣдывалъ народу не о вѣрѣ, какъ Лютеръ, а о практическомъ примѣненіи христіанскихъ добродѣтелей. Онъ хотѣлъ полнаго разрыва съ католической церковью и для этого считалъ полезнымъ всякія средства, могущія привести къ утвержденію новаго порядка, т. е. полной свободы для всѣхъ людей подъ управленіемъ одного Бога.

Лютеръ самъ признавалъ Мюнцера за серьезнаго и достойнаго уваженія человѣка; но такъ какъ Мюнцеръ напалъ на его личность и ученіе, упрекалъ его въ лести сильнымъ людямъ и въ намѣреніи предоставить власть, отнятую у папы, свѣтскимъ государямъ, а самому сдѣлаться новымъ папою, то Лютеръ возненавидѣлъ его, сталъ требовать отъ свѣтской власти его изгнанія и истребленія всѣхъ его сочиненій. Въ то время Лютеръ ужъ не терпѣлъ противорѣчія себѣ и привыкъ считать себя непогрѣшимымъ. Къ тому-же все, что имѣло характеръ насилія, возмущало его, какъ противодѣйствіе заповѣди Божіей. Онъ считалъ преступнымъ соединять духовное и свѣтское дѣло въ одно, и видѣлъ въ революціи злѣйшаго врага своего ученія; ему казалось, что въ случаѣ успѣха ея все, — проповѣдь, воспитаніе, погибло. Поэтому онъ началъ убѣждать крестьянъ отказаться отъ рѣшительныхъ дѣйствій; самъ ѣздилъ въ возставшія мѣстности, проповѣдывалъ съ обычнымъ своимъ страстнымъ, увлекательнымъ краснорѣчіемъ; но съ болью долженъ былъ убѣдиться, что его обаяніе, на этотъ разъ, оказалось недѣйствительнымъ. Ни авторитетъ его личности, ни доводы, которые онъ приводилъ крестьянамъ, не могли пересилить недовѣрія

къ проповѣдуемому имъ христіанскому началу рабства. Это усилило его озлобленіе и онъ открыто и рѣзко возсталъ на крестьянъ въ своемъ сочиненіи противъ „разбойничающихъ и убивающихъ крестьянъ". Въ своемъ гнѣвѣ онъ зашелъ такъ далеко, что сталъ возбуждать властей къ усмиренію крестьянъ всѣми средствами и совѣтовалъ „колоть, бить и душить" ихъ безъ сожалѣнія. Онъ доказывалъ, что крестьяне должны нести повинности, потому что иначе сдѣлаются своевольны и пр. Властямъ, и безъ того не расположеннымъ къ милованію, поддержка такого человѣка, какъ Лютеръ, пришлась очень по душѣ. Но друзья его пришли въ ужасъ отъ такихъ рѣчей, курфирстъ Фридрихъ проклялъ ихъ и былъ глубоко огорченъ его отношеніемъ къ возставшимъ.

Если бы Лютеръ присоединился къ народному движенію, то за нимъ пошли бы и тѣ нерѣшительные люди, которые колебались между дворянствомъ и крестьянами. Такимъ образомъ онъ доставилъ бы побѣду реформаціи и въ политическомъ отношеніи. Но при всей своей геніальности Лютеръ не понялъ движенія и запутался въ собственныхъ противорѣчіяхъ.

Нападая на крестьянъ, во имя повиновенія власти, и утѣшая ихъ тѣмъ, что души ихъ водворятся со святыми, онъ исходилъ изъ того начала, что только вѣра и совѣсть неотъемлемо принадлежатъ христіанину, а всякое другое насиліе слѣдуетъ переносить терпѣливо. „Если бунтовщику крестьянину", говоритъ онъ, „законно отсѣкать голову, то и возмутителя графа и даже владѣтельнаго князя слѣдуетъ наказывать за смуты". Но, развязывая съ безпощадною логикою руки князьямъ и дворянамъ противъ крестьянъ, онъ сначала не щадилъ и первыхъ. Въ обращенной къ нимъ обличительной рѣчи, онъ указалъ на нихъ, какъ на глав-

ныхъ виновниковъ бѣдствія, призналъ требованія крестьянъ умѣренными и укорялъ дворянъ за ихъ жестокость въ отношеніи къ нимъ; за то впослѣдствіи, нападая на власть духовныхъ князей, какъ неимѣющую основанія въ библіи, онъ ничего не говорилъ противъ свѣтской княжеской власти; напротивъ, объявилъ, что попытка уничтожить крѣпостное право противорѣчитъ Евангелію, потому что такимъ образомъ „всякій отнимаетъ у своего господина тѣло, которое ему принадлежитъ".

Съ этихъ поръ Лютеръ потерялъ довѣріе современниковъ и особенно простого народа, который сначала горячо стоялъ за него. Бывшій впродолженіе восьми лѣтъ народнымъ любимцемъ, героемъ, онъ внезапно сдѣлался самымъ непопулярнымъ человѣкомъ, измѣнникомъ въ глазахъ проклинавшихъ его крестьянъ.

Римскій дворъ торжествовалъ, видя ослабленіе своего врага.

VIII.

Среди этихъ опасностей, каждый день ожидая себѣ смерти отъ возбужденныхъ противъ него крестьянъ, Лютеръ женился на бывшей монахинѣ, Екатеринѣ Бора. Она происходила изъ небогатой дворянской семьи и, по выходѣ изъ монастыря, жила въ домѣ виттенбергскаго бургомистра. Лютеръ старался ее пристроить куда-нибудь или отыскать ей жениха, какъ онъ дѣлалъ это для многихъ изъ бывшихъ монахинь. Но она рѣшительно сказала ему, что выйдетъ за-

мужъ только за его друга Амсдорфа или за него самого. Онъ былъ удивленъ такимъ признаніемъ, и не долго думая рѣшился вступить съ нею въ бракъ.

Во время пребыванія Лютера въ Вартбургѣ многіе изъ друзей его, и въ томъ числѣ Меланхтонъ, женились. Самъ Лютеръ хотѣлъ жениться наканунѣ смерти, чтобы своимъ примѣромъ утвердить истину своего ученія; но впослѣдствіи измѣнилъ намѣреніе и старался склонять къ браку курфирста и своихъ знакомыхъ. Онъ сталъ смотрѣть на бракъ, какъ на такое состояніе, внѣ котораго не возможно спастись. Воспитаніе дѣтей въ его глазахъ было величайшею, первою обязанностью семьи. „Хотя бы ты", говорилъ онъ въ проповѣдяхъ, „не ходилъ въ церковь и не слушалъ проповѣди, но, занимаясь воспитаніемъ дѣтей, ты удовлетворяешь тому, что отъ тебя требуется". Рѣшенію его вступить въ бракъ не мало способствовало и то, что отецъ его, съ которымъ онъ не видѣлся со времени своего поступленія въ священники, не переставалъ умолять его жениться. Послѣ признанія Екатерины, она стала дорога Лютеру. „Я не влюбленъ въ нее", писалъ онъ друзьямъ, „но мы годимся другъ для друга". Въ одну недѣлю устроилась свадьба, на которой присутствовали и родители Лютера. Это было послѣднее ихъ свиданіе. Отецъ его умеръ черезъ три мѣсяца, а годъ спустя и мать.

Въ бракѣ Лютеръ нашелъ успокоеніе отъ общественныхъ неудачъ. Онъ любилъ свою жену, которую называлъ виттенбергскимъ свѣтильникомъ. У нихъ было шестеро дѣтей, первоначальнымъ воспитаніемъ которыхъ онъ занимался самъ.

Жена его была уже не первой молодости, но очень хороша собой. Въ складѣ ея ума и манерахъ было что-то мужское, гармонировавшее съ умомъ и манерами Лютера. Она интересовалась всѣмъ, что онъ дѣлалъ, принимала

участіе въ его занятіяхъ и стремленіяхъ и сама побуждала его къ дѣятельности.

Они жили открыто; кромѣ постоянныхъ его посѣтителей, студентовъ и ученыхъ, жившихъ въ монастырѣ, но пользовавшихся его столомъ, къ нему собиралось много постороннихъ заѣзжихъ гостей, желавшихъ видѣть его. Для того, чтобы содержать такой домъ, нужны были средства, а Лютеръ все еще оставался по прежнему простымъ пасторомъ и профессоромъ. Какъ проповѣдникъ, онъ не получалъ ничего, а какъ профессоръ,—около 300 гульденовъ въ годъ. Правда, ему помогали князья и богатые люди, какъ деньгами, такъ платьемъ и провизіей, но не столько, чтобы на это можно было жить такъ, какъ онъ жилъ. Этимъ онъ обязанъ былъ своей женѣ, изъ простой монахини сдѣлавшейся отличной хозяйкой. Къ тому же онъ любилъ развлеченія, считалъ ихъ необходимыми въ жизни и признавалъ законнымъ пользоваться всѣми благами ея. „Чистому все чисто", говаривалъ онъ. За столомъ его подавалось вино, располагавшее его къ задушевности.

Лучшимъ другомъ его, въ это время, былъ Меланхтонъ. Лютеръ особенно любилъ бесѣдовать съ нимъ, хотя эти бесѣды нерѣдко превращались въ споръ, такъ какъ они расходились во многомъ. Меланхтонъ вѣрилъ въ астрологію, которую Лютеръ отрицалъ и, на оборотъ, Лютеръ вѣрилъ, на основаніи библейскихъ пророчествъ, въ скорое окончаніе міра. Это давало поводъ къ нескончаемымъ спорамъ. Однажды Меланхтонъ вычиталъ изъ звѣздъ, что императоръ Карлъ V долженъ умереть въ 1584 г.; Лютеръ опровергалъ это говоря, что міръ до тѣхъ поръ не простоитъ, потому что съ пораженіемъ турокъ, съ которыми въ то время была война, исполнится пророчество Даніила.

Скоро послѣ брака Лютеръ началъ жаловаться друзьямъ на

тоску, овладѣвавшую имъ по-временамъ и доводившую его до отчаянія. Онъ приписывалъ это тому, что нечистая сила опять его смущаетъ. Онъ не утратилъ вѣрованія въ существованіе дьявола, съ которымъ боролся не только внутренно, но и явно. По мнѣнію его дьяволъ вмѣшивается во все; онъ измѣняетъ ходъ природы, причиняетъ болѣзни и несчастія; но всего болѣе мутитъ души людей, вселяя въ нихъ сомнѣнія, дурныя мысли и уныніе. Лютеръ разсказывалъ, что самъ видѣлъ дьявола въ видѣ свиньи, или блуждающихъ огней, что въ Вартбургѣ ему чудилось, что дьяволъ грызетъ орѣхи и бросаетъ скорлупу на его постель. Вліянію дьявола онъ приписывалъ всякое противодѣйствіе распространенію Евангелія и говорилъ, что всѣ благія дѣянія государи совершаютъ по внушенію ангела, а злыя—дьявола. Иногда по ночамъ онъ вскакивалъ въ ужасѣ, видя передъ собою дьявола, для отраженія котораго употреблялъ дѣтское средство: онъ поворачивался къ нему спиною, которую выставлялъ изъ-подъ одѣяла. Этотъ жестъ былъ въ то время въ употребленіи какъ между князьями, такъ и между крестьянами и выражалъ крайнюю степень презрѣнія. Всѣ эти видѣнія были въ связи съ физическимъ состояніемъ Лютера, который, будучи вообще здороваго сложенія, особенно первые годы своей брачной жизни былъ подверженъ головокруженіямъ и обморокамъ, пугавшимъ его самого.

Кромѣ того всякая проповѣдь на новую тему повергала его въ борьбу съ самимъ собою. Борьба эта продолжалась не рѣдко цѣлые дни и тогда онъ становился не способнымъ думать и дѣйствовать, находился подъ впечатлѣніемъ постояннаго страха.

До какой степени убѣжденіе его въ существованіи дьявола было сильно, видно изъ того, что, войдя однажды къ Меланхтону, который лежалъ больной, онъ въ ужасѣ вос-

кликнулъ: „Боже мой! какъ дьяволъ его отдѣлалъ“ и, обратясь спиною къ присутствовавшимъ, сталъ молиться. „Ну теперь“, сказалъ онъ, черезъ нѣсколько времени, „меня долженъ поддержать Господь Богъ, потому что я напомнилъ ему всѣ обѣщанія, заключающіяся въ молитвахъ, взятыхъ мною изъ св. писанія, и онъ долженъ меня услышать, если хочетъ, чтобъ я вѣрилъ его обѣщаніямъ“. Затѣмъ онъ взялъ Меланхтона за руку и сказалъ ему: „успокойся, ты не умрешь“.

Подобное отношеніе къ Богу вытекало изъ воззрѣній Лютера на него, какъ на господина и отца, къ которому можно обращаться во всѣхъ своихъ нуждахъ и затрудненіяхъ. Онъ привыкъ, въ минуты отчаянія, высказывать Богу свои тревоги, просилъ просвѣтить его умъ, и жаловался ему на безпрестанно возникавшія въ немъ сомнѣнія; успокоившись, онъ бросался на колѣни и жарко благодарилъ Бога. Въ такія минуты все наполняло душу его любовью къ Богу, котораго заботы о людяхъ онъ видѣлъ въ самыхъ мелочахъ. Онъ удивлялся, напримѣръ, какъ много дерева Богъ доставляетъ людямъ. „Нельзя вычислить, сколько Богу нужно для прокормленія однѣхъ безполезныхъ птицъ, стоющихъ ему въ одинъ годъ столько, сколько французскій король получаетъ доходу“. „Богъ разумѣетъ всѣ ремесла: въ портняжномъ онъ изготовляетъ оленю одежду, которая не изнашивается и въ сто лѣтъ; какъ сапожникъ, онъ даетъ ему башмаки, а какъ солнце онъ исполняетъ обязанности повара“. „Богъ могъ бы сдѣлаться очень богатымъ, когда бы онъ удержалъ солнце, заперъ воздухъ, пригрозилъ папѣ, императору, епископамъ и докторамъ смертью, если они ему не доставятъ немедленно 100,000 гульденовъ. Если онъ этого не дѣлаетъ, то какіе же мы неблагодарные“! Нерѣдко онъ серьезно разсуждалъ, откуда Богъ беретъ средства для про-

питанія такого количества людей. Даже куча навоза вызывала его на размышленія. „Богу нужно столько же очищать, сколько создавать; если бы онъ этого не дѣлалъ, то люди давно бы изгадили весь міръ“. „И если Богъ чаще наказываетъ боящагося его нежели невѣрующаго въ него, то въ этомъ онъ поступаетъ какъ хорошій хозяинъ, который чаще сѣчетъ сына, нежели слугу; за то сыну потихоньку собираетъ цѣлое сокровище въ наслѣдство, а слугу не рѣдко выгоняетъ вонъ“. Онъ никакъ не могъ объяснить себѣ, почему Богъ такъ гнѣвается на Іудеевъ. „Уже 1500 лѣтъ усердно молятъ они его, какъ это видно изъ ихъ молитвенниковъ, а онъ ни единымъ словечкомъ не показываетъ имъ, что замѣчаетъ это. Еслибъ я могъ молиться, какъ они молятся, то я бы за это отдалъ на 200 флориновъ книгъ. Должно быть это неописанный гнѣвъ. Ахъ, Боже, лучше накажи чумой, но не храни такъ долго молчанія“!

Лютеръ молился безпрестанно и всегда носилъ съ собою псалтырь, а св. писаніе до того было ему знакомо, что онъ смотрѣлъ на главнѣйшихъ, дѣйствующихъ лицъ его, какъ на своихъ друзей и даже образно представлялъ ихъ себѣ. Когда его спросили, что за личность была апостолъ Павелъ, онъ отвѣчалъ: „онъ былъ не взрачный, тощій человѣчекъ, какъ Филиппъ Меланхтонъ“. Дѣву Марію онъ описывалъ такъ: „она была прекрасная дѣвушка, и должно быть имѣла чудный голосъ“. Спасителя представлялъ себѣ всего чаще ребенкомъ и говорилъ: „не въ славѣ на облакахъ, не исполнителемъ закона нужно представлять себѣ его, такое представленіе для человѣка слишкомъ высоко и страшно, а бѣднымъ страдальцемъ, живущимъ среди грѣшниковъ и умирающимъ за нихъ“.

IX.

Въ 1525 г. умеръ курфирстъ Фридрихъ и вмѣсто него вступилъ на престолъ Іоаннъ, искренній послѣдователь ученія Лютера и слѣпо вѣрившій его совѣтамъ. Самъ Лютеръ спокойно жилъ въ это время въ Виттенбергѣ и былъ занятъ изданіемъ служебника, въ которомъ богослуженіе и проповѣди были распредѣлены по днямъ недѣли. Изданіе это было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что со времени отмѣны латинской мессы съ различныхъ сторонъ стали поступать жалобы на то, что всякій установляетъ у себя произвольное богослуженіе.

Кромѣ того Лютеръ велъ обширную переписку, такъ какъ къ нему очень часто обращались за совѣтами. Какъ въ письмахъ, такъ и въ проповѣдяхъ, онъ постоянно касался самыхъ обыденныхъ вопросовъ, нравовъ, развлеченій, сердечныхъ привязанностей. Священникамъ давалъ наставленія какъ проповѣдывать народу, хозяевамъ—какъ обращаться съ слугами, родителямъ—какъ воспитывать дѣтей, и чему и какъ учить ихъ. Вообще онъ придавалъ большое значеніе семьѣ, отъ недостатковъ которой, по его мнѣнію, зависѣло и болѣзненное состояніе тогдашней церкви. Поэтому онъ считалъ необходимымъ улучшить воспитаніе въ семьѣ и школѣ, и съ этой цѣлью издалъ инструкцію для школъ, которыя считалъ необходимымъ сдѣлать обязательными какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Онъ самъ составилъ планъ такой школы и способовъ преподаванія въ ней, при чемъ ввелъ новый методъ, который употребляется и теперь. Кромѣ этого онъ написалъ букварь и катихизисъ, по кото-

рому до сихъ поръ обучаются нѣмцы; наконецъ сдѣлавъ библію народной книгой, переведенной прекраснымъ нѣмецкимъ языкомъ, онъ далъ возможность каждому человѣку самому знакомиться съ св. писаніемъ. Точно также онъ заботился о преобразованіи университетовъ, о повсемѣстномъ учрежденіи библіотекъ, и убѣждалъ князей оказывать пособіе школамъ и заботиться о воспитаніи юношества. Конечно, въ педагогическихъ воззрѣніяхъ Лютера было не мало темныхъ сторонъ; но во многомъ онъ опередилъ свой вѣкъ. Нельзя не признать за нимъ и той заслуги, что онъ, вмѣстѣ съ Меланхтономъ, лично образовалъ многихъ хорошихъ преподавателей для высшихъ и нисшихъ школъ, которые продолжали его дѣло, завершившееся созданіемъ народной школы.

Въ 1527 г. Лютеръ предложилъ курфирсту сдѣлать церковный осмотръ въ его владѣніяхъ. Курфирстъ согласился и поручилъ этотъ осмотръ Лютеру, Меланхтону и нѣкоторымъ другимъ. Съ этихъ поръ спокойствіе Лютера исчезло терзанія совѣсти возобновились, сомнѣнія въ собственномъ ученіи стали безпрестанно представляться ему и не прекращались до самой смерти. То, что онъ увидѣлъ, глубоко поразило его. Народъ и проповѣдники были одинаково невѣжественны; всюду онъ видѣлъ страшную нищету духовенства. Это заставило его вникнуть въ причины такого печальнаго положенія дѣлъ, и у него возникло сомнѣніе въ пригодности для народа его ученія. Послѣ осмотра онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ и совершенно измѣнилъ свои взгляды на народъ и проповѣдниковъ. Эта перемѣна обнаружилась въ написанныхъ имъ, тотчасъ по возвращеніи въ Виттенбергъ, двухъ катихизисахъ, большомъ и маломъ.

Въ первомъ изъ нихъ онъ предписывалъ проповѣдникамъ учить народъ постоянно въ однихъ и тѣхъ же словахъ, ограничиваясь объясненіемъ „Отче нашъ“, десяти заповѣдей и

символа вѣры. Но не полагаясь на знаніе самихъ учителей, онъ преподавалъ имъ вопросы и отвѣты, которые они должны заучить наизусть и предлагать безъ всякой перемѣны, слово въ слово, какъ они стоятъ въ катехизисѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ установилъ и посты для народа.

Изъ этого видно, какъ Лютеръ далеко отступилъ отъ своего первоначальнаго ученія. Онъ не считалъ болѣе возможнымъ оставлять народу какую-либо свободу въ религіозномъ отношеніи и предписывалъ ему извѣстныя молитвы и изреченія на каждый случай жизни. Такимъ образомъ онъ совершенно устранилъ прежде проповѣдываемый законъ христіанской терпимости и свободы. „Кто не хочетъ учиться", говорилъ онъ, теперь „того оставлять безъ причастія, дѣтей его не крестить, отказывать ему въ пропитаніи и даже изгонять изъ родины". Вмѣстѣ съ тѣмъ Лютеръ обратился къ курфирсту съ просьбой—отдать отобранныя отъ монастырей имущества, на содержаніе проповѣдниковъ, которымъ, особенно въ селахъ, народъ, на основаніи его ученія о томъ, что всѣ крещеные и причащающіеся христіане, — священники, отказывалъ въ содержаніи. Теперь Лютеръ полагалъ нужнымъ предоставить правительству утвержденіе выбранныхъ общиной проповѣдниковъ, власть которыхъ должна быть, по его мнѣнію, значительно усилена. „Должно чаще приглашать народъ къ покаянію, ужасая его страхомъ суда божьяго", говорилъ онъ, „и не пускаться въ глубокомысленныя сужденія о достоинствѣ добрыхъ дѣлъ." Отношеніе народа къ его ученію и проповѣдникамъ привело Лютера въ такое отчаяніе, что онъ писалъ: „Еслибъ я зналъ въ началѣ своей проповѣди, что народъ отплатитъ мнѣ такою неблагодарностью, то десятью конями не привлекли бы меня на каѳедру."

Въ это время съ особенною силою возобновились его галлюцинаціи. Дьяволъ представлялся ему обличителемъ его

*

ученія, упрекалъ его въ упраздненіи монастырей. „Что если Богу не угодно твое ученіе, говорилъ онъ“, разсказываетъ Лютеръ, „и ты понесешь вину осужденія столькихъ тысячъ душъ?“ „Потерявши Евангеліе“, продолжаетъ Лютеръ, „я долженъ былъ сражаться съ нимъ оружіемъ закона; онъ загналъ меня въ уголъ, такъ что мнѣ некуда было дѣваться“. Мученія эти истомляли его и наводили на мысль о скорой смерти.

X.

Тяжелое нравственное состояніе Лютера еще усилилось, когда появилось сочиненіе швейцарскаго реформатора Цвингли „Отвѣтъ на книгу Лютера о таинствахъ“. Сочиненіе это было написано весьма умѣреннымъ тономъ. Цвингли всегда съ уваженіемъ относился къ Лютеру, заслуги и геніальную силу котораго признавалъ и въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, касавшихся ученія Лютера, никогда не затрогивалъ личности своего противника. Лютеръ дѣйствовалъ иначе. Сначала онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на Цвингли; на все, совершавшееся въ Швейцаріи онъ смотрѣлъ какъ на отблескъ своего ученія. Дѣйствія Цвингли онъ приписывалъ его тщеславію, о немъ самомъ отзывался съ насмѣшкой, называлъ его болтуномъ, предсказывалъ ему позорный конецъ и радовался его неудачамъ. Но видя, что многіе южногерманскіе города усвоили себѣ ученіе Цвингли, Лютеръ пришелъ въ ярость и написалъ сочиненіе, въ которомъ, въ

чрезвычайно грубой формѣ, опровергалъ ученіе Цвингли о таинствѣ причащенія. Отвѣтъ Цвингли на книгу Лютера объ этомъ вопросѣ совпалъ съ самымъ тяжелымъ для Лютера временемъ. Онъ горько жаловался друзьямъ на то, что не только дьяволъ, но и братья на него нападаютъ. Онъ сталъ безпрестанно оправдываться передъ друзьями и повторять имъ, что убѣжденъ въ истинѣ своего ученія, со слезами говорилъ о возникшихъ сектахъ, и сталъ часто прибѣгать къ исповѣди.

Приверженцы реформаціи видѣли, какъ вредно для общаго дѣла несогласіе между Лютеромъ и Цвингли. Они просили Цвингли не отвѣчать на бранное письмо, написанное ему Лютеромъ и отправили къ Лютеру уполномоченнаго съ просьбой, для общаго дѣла, прекратить раздоръ. Но Лютеръ такъ грубо принялъ посланнаго, что не смотря на всѣ старанія, онъ не могъ ничего добиться. „Кто нибудь изъ насъ слуга дьявола", говорилъ Лютеръ, „а что можетъ быть общаго между Христомъ и сатаною?"

Въ 1529 г. на шпейерскомъ сеймѣ католики соединились для противодѣйствія протестантамъ, воспользовались несогласіями ихъ и осудили цвингліанцевъ и другихъ сектаторовъ на изгнаніе и уничтоженіе. Лютеръ не только не присоединился къ протесту своихъ единомышленниковъ противъ такого приговора, но совѣтовалъ курфирсту предать швейцарцевъ и южногерманцевъ мести католиковъ; а когда Филиппъ, ландграфъ гессенскій, предложилъ евангелическимъ князьямъ и городамъ протестовать противъ рѣшенія шпейерскаго сейма, то Лютеръ сталъ совѣтовать курфирсту и другимъ князьямъ, находившимся подъ его вліяніемъ, поставить швейцарцамъ условіемъ вступленія ихъ во вновь образовавшійся союзъ протестантовъ, чтобы они отказались отъ своего ученія. Тогда ландграфъ видя неминуемую опасность, грозящую протестантской партіи, рѣшился сдѣлать послѣд-

нюю попытку и пригласилъ въ свой замокъ Марбургъ главныхъ представителей обѣихъ сторонъ. Лютеръ не сразу согласился на предложеніе ландграфа. Онъ какъ будто боялся чего-то и только заручившись пропускнымъ листомъ ландграфа, явился наконецъ въ Марбургъ, въ сопровожденіи друзей своихъ. Онъ пріѣхалъ въ богатомъ платьѣ, подаренномъ ему нарочно для этого случая курфирстомъ, гордый и надменный. Здѣсь онъ въ первый и единственный разъ видѣлся съ Цвингли. Послѣ того, какъ каждая сторона изложила главнѣйшіе догматы своей вѣры, въ которыхъ онѣ были согласны, постановлены были правила, какъ дѣйствовать противъ римской церкви и различныхъ сектъ, одинаково враждебныхъ обоимъ ученіямъ. Но когда дѣло дошло до статьи, касавшейся таинства причащенія, то Лютеръ отказался подписать ее. Цвингли старался убѣдить его собственными же его словами, но на всѣ доводы Цвингли Лютеръ упорно отказывался. Переговоры продолжались три дня и когда, наконецъ, Цвингли просилъ Лютера указать самому средства примиренія, то Лютеръ объявилъ, что единственное средство видитъ въ томъ, чтобы швейцарцы отказались отъ своего ученія. Конечно, это требованіе не было исполнено, но тѣмъ не менѣе переговоры въ Марбургѣ привели къ тому, что обѣ стороны обязались не писать другъ противъ друга и подписали тѣ статьи, въ которыхъ были согласны. Такъ возникли 15 марбургскихъ статей, положившихъ начало евангелическому союзу.

Лютеръ возвратился недовольный въ Виттенбергъ. Онъ самъ говорилъ, что во время переговоровъ онъ жался какъ червь въ пыли и что сатана его такъ сильно мучилъ, что онъ думалъ не пережить этого времени.

XI.

Консервативный образъ дѣйствій Лютера со времени его возвращенія изъ Вартбурга, возбудилъ въ папистахъ мысль о возможности примиренія съ нимъ. Переговоры въ Марбургѣ, въ которыхъ ненависть Лютера къ послѣдователямъ Цвингли такъ явно обнаружилась, еще болѣе подтвердили эту мысль. Императоръ, со времени вормскаго сейма, не имѣлъ времени заняться религіозными дѣлами Германіи. Требованія объ уничтоженіи злоупотребленій церкви, заявленныя германскими князьями еще на вормскомъ сеймѣ, до сихъ поръ не были удовлетворены. Теперь, черезъ 9 лѣтъ, онъ рѣшился возвратиться въ Германію и установить порядокъ въ церковныхъ дѣлахъ. Онъ обѣщалъ папѣ возвратить заблудшихся на путь истины или, если это не удастся, отомстить за оскорбленіе, нанесенное церкви. Но прежде всего между нимъ и папою было рѣшено начать мѣрами кротости и, не раздражая протестантовъ, стараться привлечь ихъ на свою сторону. Обстоятельства Германіи казались императору благопріятными для такой попытки и въ 1530 г. онъ, тотчасъ по пріѣздѣ туда, созвалъ сеймъ въ Аугсбургѣ.

Курфирстъ саксонскій первый пріѣхалъ въ Аугсбургъ, оставивъ Лютера въ Кобургѣ, на границѣ Саксоніи. Подъ предлогомъ, что Лютеръ еще находится подъ приговоромъ отлученія, онъ не взялъ его на сеймъ и, такимъ образомъ, отстранилъ его отъ прямаго участія въ переговорахъ, для которыхъ Лютеръ съ его грубымъ, откровеннымъ языкомъ, казался ему опаснымъ. Вмѣсто Лютера поѣхалъ Меланхтонъ, который поспѣшилъ отдѣлить свое дѣло отъ дѣла швейцар-

цевъ и верхнегерманцевъ, въ надеждѣ соединиться съ католиками. Какъ представитель протестантской стороны, Меланхтонъ изложилъ сейму марбургскія статьи, обработанныя имъ и извѣстныя подъ именемъ аугсбургскаго исповѣданія. Въ нихъ онъ старался доказать католикамъ, что лютеране держатся въ сущности римскаго вѣроученія и всячески сглаживалъ разногласіе между ихъ воззрѣніями. Узнавъ объ этомъ, Лютеръ пришелъ въ негодованіе. Онъ написалъ курфирсту письмо, въ которомъ убѣждалъ его оставаться непоколебимымъ, а Меланхтону послалъ цѣлый рядъ писемъ, укоряя его за уступчивость и въ то же время утѣшая и ободряя на борьбу съ католиками. „Вы затѣяли чудное дѣло," пишетъ онъ, „примирить Лютера съ папою, но папа не хочетъ, а Лютеръ не проситъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ посланіе къ духовнымъ, собравшимся на аугсбургскій сеймъ. Какъ письмо, такъ и посланіе проникнуты сознаніемъ правоты своего дѣла. Въ этихъ письмахъ онъ тотъ же сильный борецъ, которымъ былъ при началѣ своей дѣятельности. Онъ старался всячески ободрить Меланхтона и объявилъ, что каково бы ни было рѣшеніе сейма, онъ считаетъ свое дѣло независимымъ отъ него. Своимъ смѣлымъ отношеніемъ къ сейму, онъ спасъ протестантство. Ободряющіе, вдохновенные совѣты его воодушевили евангелическихъ князей.

Состояніе души самого Лютера въ это время выразилось въ сочиненной имъ въ Кобургѣ духовной пѣснѣ: Eine feste Burg ist unser Gott (Богъ наша крѣпость), по поводу которой одинъ іезуитъ сказалъ: пѣсни Лютера погубили больше душъ, нежели его книги и проповѣди.

Здѣсь же, въ Кобургѣ, Лютеръ перевелъ для юношества басни Езопа. Хотя богословскія воззрѣнія его и не согласовались со свѣтской наукой, но онъ всегда стоялъ за преподаваніе этихъ наукъ юношеству, самъ любилъ искуства, поэ-

зію, театръ и хотя не посѣщалъ его, но совѣтовалъ внушать къ нему вкусъ дѣтямъ.

Изъ Кобурга Лютеръ возвратился обновленнымъ. Прежде онъ проповѣдывалъ, что единственное право христіанина есть безусловная покорность даже клятвопреступной власти, крестъ, страданіе. Теперь, послѣ рѣшенія аугсбургскаго сейма, постановившаго отмѣну нововведеній протестантовъ и ихъ исповѣданія, Лютеръ въ „предостереженіе любезнымъ нѣмцамъ" говорилъ, что перемѣнилъ мнѣніе о правѣ защиты; онъ одобрилъ намѣреніе курфирста пригласить евангелическихъ князей въ Шмалькальденъ для совѣщанія объ образованіи союза противъ католиковъ. Дѣйствуя такъ, Лютеръ уступалъ обстоятельствамъ и былъ увлеченъ предстоящей опасностью. Но такое настроеніе продолжалось недолго; онъ былъ ужъ не тѣмъ человѣкомъ; къ тому же такой образъ дѣйствія противорѣчилъ всему существу его. Поэтому прежнія убѣжденія скоро возвратились, и Лютеръ снова сталъ нетерпимымъ проповѣдникомъ и покорнымъ христіаниномъ. Когда императоръ, устрашенный шмалькальденскимъ союзомъ, обѣщалъ свободу дѣйствій приверженцамъ аугсбургскаго исповѣданія, не распространяя, однако, этой свободы на тѣхъ, кто въ данную минуту еще не принадлежалъ къ нему, то князья потребовали, чтобы всѣ желающіе присоединиться къ нимъ, пользовались всѣми правами, имъ самимъ предоставленными и только на этомъ условіи соглашались примириться съ императоромъ и помочь ему въ новой войнѣ съ турками. Лютеръ высказался противъ такихъ условій и склонилъ къ своему мнѣнію курфирста, а черезъ него и другихъ князей. Онъ опять сталъ говорить имъ о томъ, что они не смѣютъ противиться императору и отказывать ему въ содѣйствіи противъ турокъ, что они должны терпѣть, молиться и все предоставить Богу. „Если", говорилъ онъ, „императоръ даруетъ

и другимъ протестантамъ тѣ же права, то это будетъ милость его; если же онъ захочетъ ихъ уничтожить, то онъ можетъ такъ поступить по праву". Такія рѣчи Лютера, пользовавшагося громаднымъ вліяніемъ на князей, вступившихъ въ шмалькальденскій союзъ, не могли не ослабить союза. А между тѣмъ удобное, для энергическихъ дѣйствій, время было потеряно и императору не трудно было разрушить союзъ.

Правда, Лютеръ былъ сговорчивѣе въ новыхъ попыткахъ примиренія его съ швейцарцами, возобновившимися въ это время, онъ соглашался сдѣлать уступки, призналъ за ними свободу думать по своему и отдалъ справедливость Цвингли, уже въ то время умершему. Но онъ дѣйствовалъ такъ потому, что послѣ аугсбургскаго сейма его сторона одержала верхъ; противники были уничтожены, у нихъ не было болѣе Цвингли, они не были болѣе страшны. Гораздо страшнѣе ему казались другія, возникшія изъ его ученія, секты, въ борьбѣ съ которыми прошли остальные годы его жизни.

XII.

Уже давно Лютеръ чувствовалъ усталость отъ свѣта и думалъ, что ему пора удалиться отъ него. Физическія страданія умножились; кромѣ каменной болѣзни, отъ которой онъ давно страдалъ, въ послѣднее время головокруженія усилились до того, что его приносили въ церковь на носилкахъ. Все это не могло не вліять на его расположеніе духа. Онъ желалъ умереть и просилъ народъ не молиться о выздоровленіи его. Но всего сильнѣе заботило его отношеніе людей къ его ученію и будущность этого ученія. Задачу своей жизни Лютеръ видѣлъ въ замѣнѣ авторитета духовенства авторитетомъ библіи и утвержденіе догмата объ оправданіи черезъ вѣру. Сдѣлавъ библію доступною для всѣхъ, онъ облегчилъ свободное изслѣдованіе св. писанія и этимъ низвергнулъ авторитетъ латинскаго духовенства, которое теперь не могло уже болѣе ссылаться на св. писаніе въ оправданіе своихъ злоупотребленій. Въ этомъ и заключается сила переворота, произведеннаго Лютеромъ. Но самъ онъ не могъ видѣть послѣдствій своей реформы. Напротивъ, онъ видѣлъ, что папство съ каждымъ годомъ становится все могущественнѣе. Ему горько было сознавать, что этимъ оно обязано ему же, той силѣ и глубинѣ отношеній къ религіи, которыя онъ сообщилъ людямъ своимъ ученіемъ. Только католики были счастливѣе своихъ противниковъ, потому что между ними было болѣе единодушія. Уже засѣдалъ тріентскій соборъ, которому предстояло укрѣпить догматы и дисциплину католической церкви. Религіозныя страсти съ обѣихъ сторонъ были раздражены, императоръ только выжидалъ

удобную минуту, чтобы напасть на протестантовъ. Все это видѣлъ Лютеръ и указывалъ своимъ ближнимъ, говоря: „при моей жизни, Богъ дастъ, ничего не случится, Германія будетъ пользоваться миромъ; но когда я умру, то молитесь, ваши молитвы будутъ крайне нужны, нашимъ дѣтямъ придется взять въ руки копье. Тріентскій соборъ грозенъ и готовитъ намъ бѣду.“

Еще тяжелѣе для него было сознаніе, что его близкіе готовы отпасть отъ его ученія и держатся его только пока онъ самъ живъ. Онъ разошелся даже съ Меланхтономъ, который, въ каждомъ новомъ изданіи аугсбургскаго исповѣданія, обязательнаго для протестантской церкви, измѣнялъ не только форму, но и сущность ученія о свободѣ воли и причащеніи. Подъ конецъ жизни Лютеръ опять завелъ полемику съ швейцарцами по поводу причащенія, согласно съ ученіемъ Цвингли, къ которому, какъ замѣчалъ Лютеръ, былъ склоненъ и Меланхтонъ. Въ послѣдней проповѣди, которую онъ произнесъ въ Виттенбергѣ передъ отъѣздомъ въ Эйслебенъ, гдѣ и умеръ, онъ съ особенной силою возставалъ противъ „проклятаго разума“ во всемъ, что касается религіи, разума, на который опирались его противники.

Какъ будто всего этого было недостаточно: возникла еще новая секта, законоборцевъ, исходившая уже прямо изъ ученія Лютера, объ оправданіи черезъ вѣру безъ добрыхъ дѣлъ. Приверженцы ея доказывали, что всѣ людскіе грѣхи отпущены, что не слѣдуетъ поэтому ни каяться, ни наказывать за нихъ, и что законъ не существуетъ. Въ борьбѣ съ этой сектой Лютеръ провелъ остальное время до самой смерти, оставивъ папскую церковь въ сторонѣ. Онъ доживалъ свой вѣкъ въ убѣжденіи, что скоро настанетъ страшный судъ, и что проповѣдь его была „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“. Возраставшая съ каждымъ годомъ роскошь, лег-

кое отношеніе къ жизни, были невыносимы ему и не будучи въ силахъ долѣе терпѣть этого, онъ внезапно уѣхалъ изъ Виттенберга. Съ трудомъ уговорилъ его курфирстъ вернуться; но Лютеръ воспользовался приглашеніемъ графовъ Мансфельдъ пріѣхать въ Эйслебенъ для посредничества между ними. Онъ отправился туда больной, въ сопровожденіи своихъ трехъ сыновей, уладилъ дѣло, по которому былъ вызванъ и уже думалъ возвратиться домой, когда его постигла смерть.

Лютеръ умеръ 18-го февраля 1546 года, 62-хъ лѣтъ отъ роду. Тѣло его перевезено въ Виттенбергъ и тамъ похоронено въ той самой церкви, къ дверямъ которой онъ прибилъ свои первые тезисы, послужившіе началомъ всей его реформаторской дѣятельности.

УЛЬРИХЪ ЦВИНГЛИ

1484-1531.

УЛЬРИХЪ ЦВИНГЛИ.

1484—1531.

УЛЬРИХЪ ЦВИНГЛИ.

1484 — 1531.

I.

Въ началѣ 16-го столѣтія испорченность германской имперіи коснулась и сосѣдней страны, Швейцаріи. Этому не мало содѣйствовалъ распространенный между швейцарской молодежью обычай—наниматься въ иностранную военную службу, отвлекавшую ее отъ мирныхъ занятій земледѣліемъ и торговлей. Такъ какъ первый путь добыванія денегъ былъ легче и представлялъ болѣе выгодъ, то множество швейцарцевъ стремилось за границу и постепенно отвыкало отъ родины. Опасность такого положенія дѣлъ была очевидна и сознавалась швейцарскими правительствами; но помочь злу они были не въ состояніи. Тѣмъ менѣе можно было ожидать помощи отъ католической церкви, которая сама находилась въ крайне плачевномъ положеніи. Швейцарское духовенство было невѣжественно; на одномъ собраніи декановъ, изъ присутствовавшихъ въ большомъ числѣ духовныхъ, только трое

выказали знакомство съ библіей; остальные же сами сознались, что никогда не читали ея. Проповѣди по большей части были пустой болтовней безъ всякаго содержанія.

Однако и въ Швейцаріи существовалъ небольшой кружокъ людей, проникнутыхъ тѣмъ же духовнымъ стремленіемъ, которое волновало въ то время Германію. Это стремленіе поддерживалось студентами, возвращавшимися на родину изъ виттенбергскаго университета. Они образовывали центры, въ которыхъ сосредоточивалось новое ученіе, принявшее въ Швейцаріи совершенно иной характеръ, нежели въ Германіи, благодаря человѣку, ставшему во главѣ начинавшагося движенія,—Ульриху Цвингли.

Гильдрейхъ или Ульрихъ Цвингли родился 1-го января 1484 г. (слѣдовательно только полтора мѣсяца позже Лютера) среди горъ, въ общинѣ Вильдгаузъ въ Тоггенбургѣ. Отецъ его былъ амтманомъ общины. Несмотря на то, что семейство его было очень многочисленно (у него было восемь сыновей и двѣ дочери), дѣти его росли въ довольствѣ и пользовались уваженіемъ деревенскихъ жителей, какъ дѣти перваго крестьянина въ селѣ.

По тогдашнему обычаю — посвящать одного изъ сыновей въ духовное званіе, Ульрихъ былъ предназначенъ къ нему отцомъ. Приготовить его къ этому званію взялся дядя его, бывшій первымъ священникомъ, выбраннымъ самими жителями общины Вильдгауза и пользовавшійся репутаціей человѣка ученаго. Воспитаніе Ульриха дядя взялъ на себя; но обученіе поручилъ учителю, котораго, однако, молодой Цвингли, благодаря своимъ способностямъ, очень скоро превзошелъ познаніями. По этому 10-ти лѣтъ онъ былъ отправленъ въ Базель, славившійся въ то время преподаваніемъ классическихъ наукъ. Цвингли отличался тутъ успѣхами въ латинской грамматикѣ, музыкѣ и діалекти-

кѣ, но всего болѣе въ диспутахъ, въ которыхъ онъ одерживалъ верхъ надъ старшими учениками. Учитель его, пораженный такими блестящими дарованіями, совѣтовалъ ему оставить школу и просить отца дать ему болѣе соотвѣтствующее его способностямъ образованіе. Вслѣдствіе этого Цвингли помѣстили въ бернскую классическую школу, гдѣ учителемъ былъ богословъ Виттенбахъ, открыто преподававшій, что все тогдашнее ученіе объ отпущеніи грѣховъ есть обманъ и что одинъ Христосъ своею кровью заплатилъ выкупъ за грѣхи человѣчества.

Во время пребыванія Цвингли въ Бернѣ, доминиканскіе монахи, пораженные его прекраснымъ голосомъ, заманили его въ свой монастырь, а потомъ хотѣли привлечь и въ свой орденъ. Цвингли поддался убѣжденіямъ ихъ и переселился къ нимъ; но лишь только объ этомъ узнали отецъ и дядя его, они тотчасъ вызвали его назадъ и послали въ вѣнскій университетъ (ему было тогда 15 лѣтъ). Здѣсь главное вниманіе обращалось на изученіе древняго міра и отечественной исторіи. Но Цвингли преимущественно занимался философіей и изящными искусствами; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ обнаруживать замѣчательный талантъ въ диспутахъ. Изучая философію, Цвинги не довольствовался отвлеченными опредѣленіями и идеями. Онъ не успокоивался до тѣхъ поръ, пока вполнѣ не уяснялъ себѣ смыслъ и примѣненіе къ жизни извѣстнаго философскаго ученія. Найдя этотъ внутренній смыслъ, онъ усвоивалъ себѣ его, считалъ истиной и защищалъ передъ другими. Впрочемъ въ то время онъ не стремился къ дѣятельности ученаго, а хотѣлъ быть проповѣдникомъ въ своей общинѣ. Эта задача казалась ему самою высокою.

Характеристическою чертою юности Цвингли было стремленіе его къ чистой истинѣ. По его словамъ, какъ только

онъ началъ вникать въ общественныя отношенія, его озарила мысль, что не только всѣ пороки, но и всѣ бѣдствія человѣчества происходятъ главнымъ образомъ изъ одного источника—лжи.

Изъ Вѣны Цвингли возвратился на родину; любовь къ наукамъ такъ овладѣла имъ, что онъ не могъ посвятить себя исключительно практической дѣятельности и скоро переѣхалъ опять въ Базель, гдѣ занялъ мѣсто учителя латинскаго языка въ школѣ св. Мартина. Въ тоже время онъ весь погрузился въ философію и, убѣдившись въ безполезности схоластики, сталъ изучать однако ея пріемы для того, чтобы въ борьбѣ съ нею пользоваться ея же оружіемъ. Свободное время Цвингли посвящалъ музыкѣ, которую также какъ и Лютеръ, очень любилъ и къ которой имѣлъ способности. Онъ игралъ на нѣсколькихъ инструментахъ и былъ извѣстенъ, какъ превосходный игрокъ на лютнѣ.

По видимому въ это время онъ не думалъ о вступленіи въ духовное званіе и не торопился посвященіемъ въ него.

Въ 1506 г. онъ былъ сдѣланъ магистромъ философіи, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ въ школѣ св. Мартина; но скоро, подъ вліяніемъ своего бывшаго учителя Виттенбаха, рѣшился посвятить себя окончательно изученію богословія.

Исключительно ученая дѣятельность не была по характеру Цвингли; ему нужно было живое дѣло, онъ хотѣлъ быть полезнымъ своему народу. Съ этой цѣлью онъ согласился сдѣлаться священникомъ въ Гларусѣ, жители котораго сами выбрали его на эту должность. Поставленный въ духовное званіе епископомъ констанцкимъ, онъ отправился въ Гларусъ. Тутъ прежде вступленія въ должность ему пришлось выплатить болѣе 100 гульденовъ папскому любимцу Гёлдли, назначенному папою на это мѣсто.

Проповѣдуя и отправляя мессу, Цвингли продолжалъ заниматься изученіемъ классическихъ писателей и богословія, не теряя изъ виду примѣненія своихъ знаній къ практической жизни. Поэтому хотя Цвингли слылъ за отличнаго латиниста, но въ своихъ рѣчахъ онъ не придерживался формъ классиковъ, а заботился прежде всего о томъ, чтобы народъ понималъ его.

Въ Гларусѣ въ первый разъ онъ взялся за изученіе греческаго языка и все свое вниманіе обратилъ на греческій новый завѣтъ. Такимъ путемъ онъ пришелъ къ тому же сомнѣнію, которое волновало Лютера въ Эрфуртѣ. Тогда Цвингли рѣшился изучить законъ божій по тексту св. писанія. Провѣряя древнѣйшихъ и новѣйшихъ христіанскихъ мыслителей, онъ самъ пришелъ къ мнѣнію, отрицавшему правила западной церкви.

Внутреннее отпаденіе Цвингли отъ старой церкви отражалось въ проповѣдяхъ его; но до открытаго разрыва съ нею еще дѣло не доходило. Напротивъ, онъ два раза сопровождалъ, въ качествѣ полковаго священника, своихъ соотечественниковъ въ итальянскій походъ противъ французовъ и не только не возмущался тѣмъ, что швейцарцы за деньги шли сражаться въ иностранномъ войскѣ, но одобрялъ ихъ за то, что они помогаютъ папѣ и сражаются за св. церковь. Онъ съ восторгомъ описываетъ, въ письмѣ къ другу, храбрость и искусство швейцарцевъ и радуется наградѣ, полученной ими отъ папы.

Итальянскія войны возвысили значеніе швейцарскаго союза. Папа, императоръ, французскій король всячески старались привлечь швейцарцевъ на свою сторону. Но уже послѣ втораго похода, въ 1515 г., когда одна часть блестящаго войска, снаряженнаго швейцарцами на иностранныя деньги, соблазнившись подкупомъ французовъ, перешла на

ихъ сторону, а другая была на голову разбита при Мариньяно, восторгъ Цвингли миновалъ. Проповѣди его обратились на эту печальную сторону дѣла и съ тѣхъ поръ главною темою ихъ служила нравственная испорченность, порождаемая подарками чужестранныхъ государей, наймами и подкупами, къ которымъ швейцарская молодежь склонялась весьма охотно. Не смотря на это, проповѣди Цвингли привлекли къ нему вниманіе римскаго двора и папа назначилъ ему ежегодный пенсіонъ въ 50 гульденовъ.

Возвратясь, по окончаніи войны, въ Гларусъ, Цвингли подъ впечатлѣніемъ новыхъ идей, внушенныхъ ему тѣмъ, что онъ видѣлъ во время своего пребыванія въ лагеряхъ, написалъ первое свое сочиненіе въ стихахъ, подъ заглавіемъ „Лабиринтъ". Сочиненіе это не отличалось ни по вымыслу, ни по выполненію, ни по языку. Достоинство его заключалось въ той смѣлости, съ которою онъ взглянулъ злу прямо въ глаза. Это была сказка: Союзъ, увлекаемый кошками, гибнетъ, несмотря на то, что его охраняютъ вѣрныя собаки; онъ теряетъ свою независимость, которая не можетъ существовать тамъ, гдѣ существуютъ наймы и подкупы.

Скоро послѣ перваго сочиненія, появилось второе: „басня о быкѣ и другихъ звѣряхъ". Оно также не представляетъ никакихъ литературныхъ достоинствъ, но замѣчательно по яркой картинѣ тогдашнихъ отношеній Швейцаріи къ другимъ государствамъ и вѣрности сужденій Цвингли объ общественныхъ и политическихъ событіяхъ.

Въ Гларусѣ, не смотря на многочисленныя занятія по своей должности, онъ находилъ еще время давать частные уроки дѣтямъ богатыхъ семействъ, не столько изъ денежныхъ выгодъ, сколько изъ желанія развить въ нихъ любовь къ наукамъ. Скоро впрочемъ онъ принужденъ былъ не только оставить эти занятія, но и совсѣмъ переселиться въ другое мѣ-

сто изъ Гларуса, гдѣ французская партія была такъ сильна, что наиболѣе вліятельные жители общины перешли на ея сторону. Они образовали союзъ изъ знатныхъ фамилій. Союзъ этотъ грозилъ свободѣ общины и Цвингли возсталъ противъ него. Онъ сталъ проповѣдывать противъ пенсій и наемной службы, но долженъ былъ уступить, потому что и простой народъ, видя, что съ окончаніемъ войны прекратились его доходы, внималъ охотнѣе вербовщикамъ новыхъ войскъ, нежели проповѣдямъ Цвингли. Однако когда онъ объявилъ о своемъ желаніи удалиться изъ общины, то прихожане стали просить его не покидать ихъ, обѣщали выстроить ему новый домъ и проч. Но онъ не склонился на эти просьбы и принялъ мѣсто священника въ Эйнзидельнѣ, назначивъ себѣ намѣстника въ Гларусѣ и сохранивъ за собою право получать въ теченіе двухъ лѣтъ доходы съ общины. Онъ согласился на такую уступку по просьбѣ прихожанъ, видѣвшихъ въ этомъ залогъ того, что по прошествіи двухъ лѣтъ онъ опять къ нимъ возвратится. Въ то время у общинъ было въ обычаѣ отпускать иногда своего священника въ другое мѣсто. И, дѣйствительно, Цвингли уѣхалъ съ намѣреніемъ вернуться въ Гларусъ; но обстоятельства сложились для него такъ, что онъ не исполнилъ своего желанія.

II.

Цвингли оставилъ Гларусъ 33-хъ лѣтъ. Онъ пользовался уваженіемъ въ этомъ городѣ и промѣнялъ свое положеніе на несравненно менѣе выгодное. Онъ перешелъ викаріемъ въ аббатство Эйнзидельнъ, гдѣ ему назначено было жалованья 20 гульденовъ въ годъ, общій монастырскій столъ и доходы съ исповѣди, приношеній и похоронъ. Изъ того, что Цвингли принялъ такія скромныя условія, можно заключить, что онъ имѣлъ въ виду какія либо особенныя свои цѣли: онъ желалъ пожить нѣкоторое время въ уединеніи, заняться науками и такимъ образомъ приготовить себя къ будущей дѣятельности, все значеніе которой, въ то время, онъ еще не вполнѣ уяснилъ себѣ.

Аббатство Эйнзидельнъ управлялось человѣкомъ свободномыслящимъ, который, не будучи самъ ученымъ, любилъ науку и оказывалъ содѣйствіе людямъ, занимающимся ею. Чудотворная икона, находившаяся тогда, и теперь еще остающаяся, въ аббатствѣ Эйнзидельнъ, привлекала и въ то время толпы богомольцевъ, искавшихъ у нея исцѣленія отъ болѣзней и грѣховъ. Это дало Цвингли случай въ первый разъ толковать Евангеліе и высказать свой новый образъ мыслей. Онъ говорилъ, что избавиться отъ грѣховъ можно не богомоліемъ, не прикосновеніемъ къ иконамъ и выполненіемъ различныхъ внѣшнихъ обрядовъ, а исправленіемъ внутреннимъ, истиннымъ покаяніемъ и нравственнымъ улучшеніемъ.

Такъ проповѣдывалъ Цвингли въ то время, когда ученіе Лютера было извѣстно въ Швейцаріи только весьма огра-

ниченному меньшинству. Поэтому онъ былъ правъ, когда писалъ впослѣдствіи, что началъ проповѣдывать Евангеліе еще въ то время, когда даже имя Лютера было неизвѣстно швейцарскому народу.

Проповѣди Цвингли производили необычайное дѣйствіе. Свободномыслящіе люди узнали въ немъ своего даровитаго представителя; они вошли съ нимъ въ сношенія и всячески старались поддержать его. Съ другой стороны папскій легатъ старался лестью и обѣщаніями привлечь Цвингли къ интересамъ римскій куріи. Цвингли стоялъ еще на сторонѣ католической церкви и сначала не возставалъ открыто противъ злоупотребленій ея. Онъ старался убѣдить кардиналовъ и епископовъ въ необходимости уничтожить эти злоупотребленія и предупреждалъ, что если сами высшія власти не уничтожатъ ихъ, то они все-таки исчезнутъ, только не мирнымъ путемъ, а путемъ насилія и безпорядковъ.

Старанія его были напрасны. Тѣ люди, которые могли что либо сдѣлать для церкви, не желали этого; другіе же не сознавали зла. Хотя въ Швейцаріи никто не рѣшался защищать продажу индульгенцій, никто не сочувствовалъ ей, но всѣ мирились съ нею и она продолжала существовать.

По своей обязанности Цвингли часто приходилось бывать въ Цюрихѣ, со многими изъ жителей котораго онъ вошелъ въ сношенія и познакомился такимъ образомъ съ внутреннимъ состояніемъ города. Состояніе это было таково, что послѣ одной изъ своихъ поѣздокъ туда Цвингли писалъ: „я увидалъ здѣсь такую постыдную жизнь, что молю Бога избавить меня отъ несчастія быть когда либо священникомъ въ этомъ городѣ“.

Цюрихъ преимущественно передъ другими швейцарскими городами былъ посѣщаемъ посланниками иностранныхъ государей, которые смотрѣли на швейцарцевъ не только какъ

на войско, прославившееся своими побѣдами, но и какъ на людей, сознающихъ свою силу и не дозволяющихъ, чтобы что либо совершалось безъ ихъ согласія. Поэтому папа и итальянскіе государи платили главнѣйшимъ швейцарскимъ фамиліямъ ежегодныя пенсіи, на которыя эти фамиліи смотрѣли, какъ на постоянный источникъ дохода и включали ихъ въ свой бюджетъ. Средніе классы хотя и раздѣляли вообще подобные взгляды, но между ними были люди, смотрѣвшіе на это дѣло иначе.

Въ 1518 г. умеръ священникъ цюрихскаго собора. Преемника ему должны были назначить каноники Слава Цвингли, какъ проповѣдника была уже такъ распространена, что въ числѣ лицъ, предложенныхъ ими былъ Цвингли, на сторонѣ котораго было большинство избирателей. Противники же указывали главнымъ образомъ на то, что онъ занимается музыкой, что, по ихъ мнѣнію, неприлично духовному лицу, а также на прошлую жизнь его, которая не отличалась, по ихъ словамъ, чистотою. Упрекъ этотъ былъ основанъ на томъ, что Цвингли, какъ впослѣдствіи и Лютеръ, не признавалъ необходимымъ заглушать въ себѣ человѣческія страсти и умерщвлять свою плоть и жилъ согласно этому убѣжденію.

Въ отвѣтъ на обвиненія противниковъ, переданныя ему однимъ изъ пріятелей, состоявшимъ въ числѣ избиравшихъ канониковъ, Цвингли написалъ письмо, въ которомъ, признаваясь, что до переѣзда своего въ Эйнзидельнъ онъ не придерживался монашескихъ правилъ жизни, говорилъ, что пріѣхалъ туда съ твердымъ намѣреніемъ измѣнить прежній образъ жизни, но увидѣлъ такъ мало поддержки и примѣровъ въ окружающемъ, что не могъ строго выполнить своего желанія. Онъ прибавлялъ, что почти непрерывныя, днемъ и ночью, занятія до такой степени поглощаютъ его, что онъ надѣется на всегда избавиться отъ мірскихъ соблазновъ.

11-го декабря 1518 происходили выборы; изъ двадцати четырехъ голосовъ семнадцать высказались за Цвингли, который и былъ избранъ. Онъ тотчасъ же переѣхалъ въ Цюрихъ, поселился въ монастырскомъ зданіи и 1-го января 1519 г. уже проповѣдывалъ въ соборѣ. Первые четыре года онъ толковалъ Евангеліе и не касался ученія римской церкви, а также общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Но когда онъ увидѣлъ, что злоупотребленія церкви совершаются открыто, то сталъ настойчиво указывать на нихъ.

Говорилъ онъ какъ природный ораторъ, твердо придерживаясь оборотовъ народнаго языка, и проповѣдывалъ съ необыкновеннымъ жаромъ. Однажды, когда онъ говорилъ о духовныхъ обѣтахъ, онъ такъ живо изобразилъ отвѣтственность, которую налагаютъ на себя люди, вступающіе въ духовное званіе, что многіе, готовившіеся къ нему, тотчасъ послѣ проповѣди отказались отъ своего намѣренія.

III.

Когда Цвингли переѣхалъ въ Цюрихъ, ему было 35 лѣтъ. Онъ былъ болѣе, нежели средняго роста, обладалъ красивой внѣшностью и имѣлъ здоровый видъ; у него былъ очень сильный и пріятный голосъ и положительный ораторскій талантъ. Въ частной жизни онъ отличался спокойствіемъ и веселостью, не смотря на характеръ страстный и горячій. Изучивъ людей въ военныхъ лагеряхъ и въ мирныхъ селахъ, онъ увидѣлъ, что необходимо подавлять свои страсти и порывы; поэтому сталъ работать надъ собою, бороться съ страстя-

ми и при сильной волѣ достигъ полнаго самообладанія. Онъ любилъ простоту и умѣренность во всемъ, былъ сообщителенъ, не отказывался отъ удовольствій, посѣщалъ знакомыхъ и особенно охотно ходилъ къ крестьянамъ, которыхъ ободрялъ своей веселостью. Онъ любилъ, чтобъ и къ нему обращались и никогда не отказывалъ въ услугѣ, если могъ ее оказать.

По характеру, происхожденію и ходу развитія Цвингли представляетъ совершенную противуположность Лютеру. Оба они были крестьянскими дѣтьми, но родители Лютера были бѣдны и при всемъ желаніи сдѣлать изъ своего талантливаго сына что-нибудь дѣльное, не могли достигнуть этого безъ посторонней помощи. Родители Цвингли были достаточные, вліятельные въ своемъ селѣ люди; сынъ ихъ съ дѣтскихъ лѣтъ проникается независимымъ, республиканскимъ духомъ родины, между тѣмъ какъ Лютеръ проводитъ безрадостную юность, долженъ „прижиматься и молчать". Цвингли весело вступилъ въ жизнь; ему не предстояло выдержать той страшной борьбы, которая потрясла нравственное существо Лютера. Онъ не предавался съ такой неограниченною ревностью обѣтамъ монашества и ему не нужно было переносить тѣхъ болѣзненныхъ усилій, которыя вынесъ Лютеръ прежде, чѣмъ оторвался отъ прежней жизни. Лютеръ воспитывался на мистикахъ и отцахъ церкви; Цвингли изучалъ гуманистовъ и древнихъ. Какъ республиканецъ, онъ отвергалъ Лютерово ученіе о безусловной покорности властямъ и задачу своей жизни полагалъ въ томъ, чтобъ преобразовать въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи республику и возвратить швейцарскому союзу его первоначальное значеніе. Онъ имѣлъ въ виду прежде всего не религіозное ученіе, а улучшеніе самой жизни. Во всемъ, за что онъ ни принимался, онъ опирался на разумъ и старался прежде

всего согласоваться съ истиной. Но разумъ не исключалъ въ немъ вѣры.

При переѣздѣ Цвингли въ Цюрихъ, туда проникла Лютерова проповѣдь; Цвингли ревностно принялся за распространеніе ея, писалъ противъ опалы, которой римскій дворъ подвергнулъ Лютера и одобрялъ послѣдняго за сопротивленіе буллѣ. Скоро и ему самому пришлось принять болѣе непосредственное участіе въ той борьбѣ, которую велъ Лютеръ.

Въ Цюрихъ пріѣхалъ продавецъ индульгенцій, Самсонъ. Въ это время въ большомъ совѣтѣ было нѣсколько лицъ, расположенныхъ къ Цвингли и видѣвшихъ въ немъ не агитатора, а проповѣдника, который близко принимаетъ къ сердцу интересы родины. Они всячески старались поддержать его стремленія и когда на первомъ собраніи городскаго совѣта Цвингли сталъ настаивать на изгнаніи Самсона, то не только совѣтъ согласился съ нимъ, но епископъ констанцкій одобрилъ это рѣшеніе и написалъ Цвингли письмо, въ которомъ благодарилъ его за то, что онъ „отогналъ волка отъ паствы". Причину такого отношенія епископа слѣдуетъ искать въ томъ, что папа, озабоченный войною, которая предстояла ему тогда съ французами, старался смотрѣть сквозь пальцы на дѣла Швейцаріи и заботился только о томъ, чтобъ удержать ее на своей сторонѣ.

Въ слѣдующемъ году вліяніе Цвингли выразилось еще сильнѣе тѣмъ, что совѣтъ, убѣжденный его проповѣдями, предписалъ другимъ проповѣдникамъ строго держаться св. писанія. Рѣшеніе это значительно облегчило ходъ реформы въ Швейцаріи. Такъ какъ вормскій эдиктъ не имѣлъ здѣсь дѣйствія, а представители папской власти молчали изъ личныхъ видовъ, то ученіе Цвингли не встрѣтило препятствій и стало вкореняться въ умахъ слушателей. Такимъ образомъ въ Швейцаріи реформа пошла не тѣмъ путемъ, какъ въ Гер-

маніи: Цвингли, не касаясь основныхъ началъ христіанства, началъ съ уничтоженія отжившихъ постановленій римской церкви, между тѣмъ какъ Лютеръ обращалъ все свое вниманіе на основы религіознаго ученія.

Въ 1521 г. опять въ Швейцарію пріѣхали вербовщики войска для готовившейся войны между папою и Франциском I. Хотя Цвингли не удалось убѣдить цюрихцевъ не вступать въ папскія войска, но за то Франциску I Цюрихъ оказалъ дѣйствительное сопротивленіе и первый изъ всѣхъ швейцарскихъ городовъ отказался отъ принятія французскихъ пенсій.

По этому случаю Цвингли въ первый разъ открыто высказалъ горькія истины противъ Рима и папы. Онъ говорилъ, что кардиналъ Зиттенъ, вербовавшій для папы войска, не даромъ носитъ красный плащъ и красную шапку; стоитъ потрясти ихъ и оттуда посыпятся червонцы; но стоитъ развернуть ихъ, чтобъ увидѣть, что они обагрены кровью.

Такая смѣлость Цвингли ободрила его враговъ. Политическіе и религіозные его противники начали указывать на него, какъ на швейцарскаго Лютера, и возстановлять противъ него общину и народъ. Въ это время и папскій легатъ, видя, что Цвингли проповѣдуетъ противъ папской службы, счелъ удобнымъ представить доказательства того, что онъ самъ до сихъ поръ получаетъ пенсію отъ папы.

Цвингли былъ призванъ къ отвѣту въ этомъ обвиненіи передъ цюрихскій совѣтъ. Онъ сознался, что еще въ Гларусѣ, а потомъ въ Эйнзидельнѣ, и даже первое время въ Цюрихѣ, получалъ отъ папы пенсію, но что онъ смотрѣлъ на нее какъ на пособіе духовнаго отца нуждающемуся сыну. Онъ сказалъ, что еще въ 1517 г. онъ отказывался отъ пенсіи, но ему продолжали выдавать ее, не смотря на то, что онъ объявилъ папскому легату свое твердое намѣреніе не

молчать о томъ, что считаетъ истиной, хотя бы эта истина и не нравилась папѣ; однако ему продолжали выдавать по 100 гульденовъ въ годъ, и это длилось до 1520 г., когда онъ положительно отказался принять ихъ. Цвингли сослался на свидѣтелей въ справедливости своихъ словъ; одинъ изъ нихъ прислалъ совѣту письмо, въ которомъ говорилъ, что папа дѣлалъ еще болѣе выгодныя предложенія Цвингли, предлагалъ ему доходы съ собора въ Базелѣ или Хурѣ, но Цвингли не принялъ этихъ предложеній. Тогда папскій легатъ сталъ убѣдительно упрашивать Цвингли не отказываться отъ пенсіи, предлагаемой ему безъ всякихъ за это обязательствъ, и только послѣ продолжительныхъ просьбъ Цвингли согласился, хотя такъ терзался этимъ, что нѣсколько разъ намѣревался отказаться отъ своего мѣста въ Цюрихѣ, гдѣ ему невозможно было жить безъ посторонней помощи.

Совѣтъ не только оправдалъ Цвингли, но помогъ ему выйти изъ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствъ, назначивъ его каноникомъ, съ званіемъ котораго сопряжено было цюрихское гражданство и ежегодная добавочная сумма въ 70 гульденовъ.

Такимъ образомъ дѣло уладилось и Цвингли могъ, не стѣсняясь никакими внѣшними ограниченіями, открыто вступить на поприще реформатора.

IV.

Цвингли началъ проповѣдывать о христіанской свободѣ и противъ произвольныхъ постановленій римской церкви. Въ то время проповѣди его имѣли уже такое вліяніе, что въ томъ же году приверженцы его отказались уплатить обычный выкупъ за право не соблюдать поста. Узнавъ объ этомъ констанцкій епископъ пожаловался совѣту. Онъ прислалъ посланнаго, требовавшаго именемъ епископа, чтобъ цюрихцы не осмѣливались касаться постановленій церкви. Совѣтъ отвѣчалъ на требованіе епископа письмомъ, въ которомъ глухо говорилось, что „церковные обряды не будутъ нарушаемы безъ важной причины". Письмо это было составлено Цвингли. Епископъ отвѣчалъ на него грознымъ посланіемъ, объявилъ своихъ противниковъ врагами церкви и требовалъ уничтоженія нововведеній, осуждаемыхъ папою и императоромъ.

Но Цвингли не остановился. Онъ даже написалъ самому констанцкому епископу посланіе по вопросу о безбрачіи духовенства указывая на вредъ, происходящій отъ этого для цѣлой общины.

Это посланіе было покрыто большимъ числомъ подписей лицъ, раздѣлявшихъ взгляды Цвингли и просившихъ епископа содѣйствовать отмѣнѣ безбрачія духовенства.

Епископъ не обратилъ вниманія на это посланіе и настаивалъ на своемъ; но папа Адріанъ VI велѣлъ сдѣлать еще попытку уговорить Цвингли отказаться отъ своихъ словъ. На этотъ разъ Цвингли самъ воспротивился всякаго рода сдѣлкамъ и обратился къ цюрихскому совѣту съ прось-

бой устроить публичный диспутъ, на которомъ онъ могъ бы разъяснить свои взгляды противникамъ. При этомъ онъ объявилъ, что будетъ говорить только опираясь на слова св. писанія, и что каждый можетъ возражать ему съ кафедры, кто будетъ имѣть что-либо сказать противъ слова Божія. Предварительно онъ изложилъ свое ученіе въ 68 тезисахъ, въ которыхъ ясно выразилось существенное различіе его воззрѣній отъ воззрѣній Лютера. Различіе это состояло въ томъ, что Лютеръ старался сохранить тѣ постановленія западной церкви и все то, что прямо, по его мнѣнію, не противорѣчило св. писанію. Цвингли же стремился уничтожить все, что нельзя было положительно оправдать св. писаніемъ, Лютеръ хотѣлъ только согласить ученіе свое съ Евангеліемъ, между тѣмъ какъ Цвингли считалъ необходимымъ совершенно преобразовать латинскую церковь.

Диспутъ, назначенный на 23 января 1523 г., открылся короткой рѣчью Цвингли, заключившаго ее слѣдующими словами: „Во имя Бога я стою на этомъ". Намѣстникъ епископа сталъ возражать на тезисы Цвингли, указывалъ на постановленія соборовъ, прелатовъ и проч.; но когда его просили подтвердить свои возраженія словами св. писанія, то онъ замолчалъ. Кромѣ него никто не явился возражать Цвингли и черезъ недѣлю цюрихскій совѣтъ постановилъ рѣшеніе, въ которомъ говорилось, что такъ какъ никто не могъ доказать Цвингли, что онъ заблуждается, то совѣтъ разрѣшаетъ ему и другимъ проповѣдникамъ по прежнему толковать Евангеліе.

Такимъ образомъ Цюрихъ отложился отъ констанцкаго епископства. Тогда Цвингли рѣшился приступить къ новому преобразованію—ввѣрить управленіе церковными дѣлами не католической іерархіи, какъ это до сихъ поръ было, а христіанской общинѣ.

Идя въ своихъ стремленіяхъ далѣе Лютера, Цвингли не менѣе его остерегался касаться свѣтскихъ постановленій. Хотя онъ и не такъ сильно, какъ Лютеръ, поддерживалъ идею свѣтской власти, тѣмъ не менѣе онъ воспротивился нѣкоторымъ изъ своихъ послѣдователей, требовавшимъ, чтобы совѣтъ устранился отъ управленія дѣлами общины и предоставилъ послѣдней полную самостоятельность. Недовольные такою осторожностью Цвингли отдѣлились отъ него и рѣшились сами произвести реформу, безъ его помощи. Но при первыхъ ихъ дѣйствіяхъ противъ нихъ возстали всѣ, боявшіеся нарушенія общественнаго порядка и перешли на сторону Цвингли. Возставшіе были подавлены и Цвингли, сохранивъ постановленія города и государства неприкосновенными, приступилъ къ реформѣ церкви, имѣя на своей сторонѣ большинство гражданъ. Онъ началъ съ того, что замѣнилъ латинскій языкъ въ молитвахъ нѣмецкимъ, предоставилъ монахамъ и монахинямъ, желавшимъ оставить монастырь, свободный изъ нихъ выходъ, а оставшимся въ монастыряхъ назначилъ содержаніе; доходы съ духовныхъ учрежденій и монастырей обратилъ на семинаріи, пріюты, богадѣльни и духовенству дозволилъ вступать въ бракъ. Оставалось только отмѣнить иконы и мессу, когда въ январѣ слѣдующаго года въ Цюрихъ явились посланные отъ двѣнадцати швейцарскихъ городовъ. Они пріѣхали съ тѣмъ, чтобы воспротивиться реформѣ и убѣдить цюрихскій совѣтъ отказаться отъ нея. Цюрихъ не согласился на это, но отложилъ окончательную отмѣну иконъ и мессы до слѣдующаго года.

V.

Всѣ реформы производились въ Швейцаріи крайне осторожно и постепенно. Прежде, чѣмъ вводить преобразованія въ какой-либо мѣстности, Цвингли подготовлялъ къ нимъ жителей путемъ проповѣди.

По его настоянію было рѣшено оставить лицъ духовнаго званія, придерживающихся старой вѣры, доживать въ мирѣ на своихъ мѣстахъ и не дѣйствовать противъ нихъ силою и принужденіемъ. Но главное постановленіе совѣта заключалось въ томъ, чтобы на будущее время всѣ духовныя дѣла рѣшались совѣтомъ, значеніе котораго такимъ образомъ чрезвычайно усилилось. Теперь онъ могъ рѣшиться на важную мѣру—отмѣну иностранныхъ пенсій. Послѣ проповѣди Цвингли на эту тему, 20 декабря, все городское духовенство присягнуло въ томъ, что отнынѣ не будетъ принимать болѣе денегъ отъ чужеземныхъ государей.

Понимая, что упроченіе этой реформы въ значительной степени зависитъ отъ воспитанія молодого подростающаго поколѣнія, которое Цвингли имѣлъ постоянно передъ глазами въ школѣ, состоявшей при цюрихскомъ соборѣ и находившейся подъ его вѣдѣніемъ, онъ еще въ 1523 г. написалъ сочиненіе: „Нѣкоторыя правила о воспитаніи дворянскихъ юношей“. Первая часть сочиненія касается религіознаго образованія, вторая—научнаго и общественнаго. Цвингли въ этихъ двухъ книгахъ подробно излагаетъ правила, касающіяся самыхъ мелкихъ подробностей жизни, напримѣръ, когда нужно молчать и говорить, какъ владѣть собою, соблюдать умѣренность въ пищѣ и питьѣ, какъ одѣваться, обращаться съ

*

женщинами, деньгами и имуществомъ, какъ упражняться въ военномъ дѣлѣ. Третья часть излагаетъ обязанности относительно другихъ людей и правила общежитія. Цвингли совѣтуетъ молодымъ людямъ не уклоняться отъ общественныхъ удовольствій и публичныхъ церемоній, въ родѣ свадебныхъ и и другихъ потому что, говоритъ онъ, лучше дѣлать открыто то, на что мы рѣшаемся, нежели потихоньку; тотъ же кто не стыдится быть неприличнымъ при другихъ — человѣкъ погибшій.

Цвингли писалъ эти правила, имѣя въ виду одного изъ учениковъ школы, Герольда Мейера, юношу, подававшаго надежды и потому обратившаго на себя вниманіе Цвингли. Онъ познакомился съ матерью Герольда, женщиною одинаковыхъ съ Цвингли лѣтъ, слѣдовательно около сорока, Анною Рейнгардтъ и женился на ней. Цвингли познакомился съ Анной еще до разрѣшенія лицамъ духовнаго званія вступать въ бракъ; но такъ какъ онъ по убѣжденію считалъ дозволительнымъ то, что могъ оправдать передъ Богомъ и людьми и зналъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что открытый бракъ его возстановилъ бы противъ него общественное мнѣніе, то онъ женился на ней тайнымъ, хотя и законнымъ бракомъ. Подобные случаи были не рѣдки между духовными того времени. Объ этомъ бракѣ Цвингли знали только немногіе друзья его, не прощавшіе ему того, что жена его хотя и дочь трактирщика, но по первому мужу своему принадлежала къ знатному и богатому швейцарскому семейству. „Если-бы жена твоя была бѣдна и не знатнаго происхожденія,“ писалъ одинъ изъ его приверженцевъ, „то это можно было бы объяснить христіанской любовью и смиреніемъ. Большая разница, посвятить ли жизнь тому, чтобы нести свой крестъ и подражать Христу, или жениться на богатой, красивой женщинѣ и наслаждаться жизнью“. Въ то же время появи-

лась сатира, направленная противъ Цвингли, который, тѣмъ не менѣе, только тогда публично обвѣнчался въ церкви съ своею женою, когда послѣдователи его уже были подготовлены къ мысли о возможности брака духовныхъ лицъ. Но и послѣ церковнаго вѣнчанія жена Цвингли оставалась въ своемъ домѣ, не желая разстаться съ дѣтьми, которыхъ у нея было отъ перваго брака трое, и переселилась къ Цвингли уже тогда, когда дѣти ея получили наслѣдство отца и такимъ образомъ были обезпечены.

Подробности семейной жизни Цвингли мало извѣстны, такъ какъ самъ онъ не высказывался передъ друзьями; можно предполагать, что онъ былъ счастливъ потому, что онъ всячески содѣйствовалъ браку своихъ друзей и часто говорилъ о спасительной силѣ брака. Только нападки враговъ принудили его открыть нѣсколько свою семейную жизнь.

Еще въ 1522 г. онъ оставилъ свои обязанности священника и сохранилъ за собою только право проповѣдывать; поэтому и доходы его значительно уменьшились. Какъ каноникъ онъ получалъ очень немного, и потому сохранялъ 70 гульденовъ ежегодной прибавки, данной ему совѣтомъ. „Я совершенно доволенъ моимъ положеніемъ,“ пишетъ онъ скоро послѣ вступленія своего въ бракъ, „только мнѣ жаль, что увеличившіеся расходы на содержаніе дома не позволяютъ мнѣ много удѣлять бѣднымъ. Непримиримые противники принуждаютъ меня, противъ моей воли, говорить о себѣ. Они твердятъ, что жена моя богата; а между тѣмъ все ея имущество, кромѣ платья и бездѣлушекъ заключается въ 400 гульденахъ, да ея вдовьяго ежегоднаго содержанія въ 30 гульденовъ. Изъ нихъ я не пользуюсь ни однимъ грошомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она вышла за меня замужъ, она не носитъ шелковыхъ платьевъ и колецъ; она одѣвается

такъ, какъ одѣваются всѣ жены простыхъ ремесленниковъ. Ей подъ сорокъ лѣтъ, но она кажется совершеннымъ ребенкомъ; поэтому я и взялъ ее".

Отъ этого брака у Цвингли было четверо дѣтей, два сына и двѣ дочери. Какъ видно изъ писемъ его къ женѣ, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и съ дѣтьми ея отъ перваго брака.

VI.

Послѣ того, какъ цюрихскій совѣтъ не послушался представленій недовольныхъ реформою городовъ, они на собраніи въ Люцернѣ положили сохранить старую вѣру и по прежнему отправлять божественную службу.

При этомъ они объявили, что такъ какъ епископъ придерживается наказанія только денежными штрафами, то они предоставляютъ себѣ самимъ раздѣлываться съ послѣдователями новаго ученія. Они стали возстановлять другіе кантоны противъ Цюриха и Цвингли. Узнавъ объ этомъ Цвингли, побуждаемый друзьями, напечаталъ проповѣдь, которую онъ произнесъ передъ собраніемъ духовныхъ. Проповѣдь эта называлась: „Пастырь" Въ ней Цвингли говорилъ: „Пастырь обязанъ рѣшиться на то, чего не осмѣливаются сдѣлать другіе люди. Онъ долженъ въ лицо говорить государю, народу и духовнымъ все, что считаетъ нужнымъ, и не останавливаться ни передъ какимъ величіемъ, силою, или толпою, онъ не долженъ страшиться никакой угрозы, и твердо стоять на своемъ до тѣхъ поръ, пока не обратитъ ихъ".

Между тѣмъ наступилъ послѣдній срокъ, назначенный на Троицу 1524 г., окончательной отмѣны мессъ и иконъ. Въ назначенный день изъ церквей были вынесены иконы и органы, уничтожены похоронныя процессіи и колокола, а въ слѣдующемъ году вся реформированная община причащалась согласно новому церковному уставу. Въ это время появилось посланіе трехъ епископовъ, констанцкаго, базельскаго и лозанскаго къ союзу, который они убѣждали отказаться отъ реформъ, противныхъ римской церкви. Посланіе это было доставлено въ Цюрихъ въ тотъ самый день, когда совѣтъ постановилъ объ отмѣнѣ мессы и иконъ. Цвингли поручено было написать отвѣтъ на посланіе. Онъ написалъ его отъ имени совѣта въ самомъ умѣренномъ, хотя и твердомъ тонѣ. По полученіи его лѣсные кантоны, Швицъ, Ури, Люцернъ, Цугъ и Унтервальденъ объявили, что не хотятъ болѣе сидѣть въ союзномъ совѣтѣ рядомъ съ представителями Цюриха и угрожали даже вооруженнымъ дѣйствіемъ противъ него. Цюрихъ обратился къ Берну съ просьбой о посредничествѣ и это было весьма кстати, такъ какъ только благодаря вмѣшательству Берна положено было попытаться разрѣшить вопросъ не оружіемъ, а на сеймѣ. Базель, также не становясь на сторону Цюриха, отказался однако присоединиться къ сдѣланному лѣсными кантонами предложенію объ исключеніи цюрихскихъ представителей изъ сейма.

Въ Бернѣ была партія, сочувствовшая реформѣ Цвингли; но стоявшій во главѣ ея Галлеръ, другъ Цвингли, не расчитывалъ на свои силы для доставленія торжества новому ученію. Онъ просилъ Цвингли пріѣхать въ Бернъ и своей проповѣдью склонить большинство вновь избраннаго совѣта къ преобразованіямъ, совершеннымъ уже въ Цюрихѣ. Цвингли согласился и послѣ диспута, кончившагося вполнѣ благопріятно для него, бернскій совѣтъ принялъ всѣ преобразо-

ванія, сдѣланныя Цвингли въ Цюрихѣ. Онъ не ограничился этимъ и въ слѣдующемъ 1527 г. уничтожилъ пенсіи, получавшіяся отъ иностранныхъ государей и отказалъ въ помощи французскому королю.

Примѣру Берна послѣдовалъ и Базель, гдѣ въ то время былъ Экколампадъ, искренній приверженецъ Цвингли. На народномъ собраніи, созванномъ для рѣшенія спора между двумя партіями стараго и новаго ученія, оказалось 800 голосовъ за католическую церковь и до 3000 за реформу. Въ церквахъ стали раздаваться нѣмецкіе псалмы и вскорѣ былъ обнародованъ новый уставъ божественной службы по образцу цюрихскаго.

За Берномъ и Базелемъ въ непродолжительномъ времени приняли реформу Цвингли—Сан-Галленъ и Мюльгаузенъ. Во всемъ этомъ движеніи Цвингли или самъ непосредственно принималъ участіе, или давалъ совѣты письменно. Въ то время слава его была такъ распространена, что города, расположенные къ его реформѣ, не приступали къ ней не спрося предварительно его совѣта. Они обращались къ нему не только въ дѣлахъ вѣры, но и во всѣхъ политическихъ затрудненіяхъ. Въ Цюрихѣ онъ былъ душою совѣта. Слово его имѣло такое значеніе, что если онъ высказывалъ съ каѳедры неодобреніе какого либо дѣйствія, то совѣтъ назначалъ разслѣдованіе его. Въ большинствѣ случаевъ Цвингли самъ даже писалъ важныя государственныя бумаги и велъ дѣла кантона. Благодаря этому не рѣдко улаживались затрудненія съ другими кантонами; но за то съ другой стороны церковные интересы получили въ республикѣ рѣшительный перевѣсъ.

Въ 1529 г. былъ учрежденъ въ Цюрихѣ тайный совѣтъ, созывавшійся въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Члены совѣта пользовались обширными полномочіями. Цвингли при-

глашенъ былъ принять участіе въ засѣданіяхъ совѣта и пріобрѣлъ въ немъ такое большое значеніе, что собственно говоря, сдѣлался правителемъ Цюриха. Онъ пользовался этой властью такъ, что даже противники его не могли указать ни одного поступка, сдѣланнаго имъ изъ личныхъ расчетовъ. Еще ранѣе, черезъ посредство большого совѣта, онъ учредилъ въ Цюрихѣ судъ по брачнымъ дѣламъ. Для этого онъ издалъ особые, имъ самимъ составленные законы, отличавшіеся тѣмъ, что онъ не боялся въ нихъ ввести наказанія за такіе проступки, которые съ незапамятныхъ временъ совершались почти всѣми и не считались запрещенными. Законы эти были довольно строги, такъ какъ составляя ихъ, Цвингли имѣлъ въ виду противодѣйствовать чрезвычайно распространенному тогда обычаю разрывать, безъ всякаго повода, по минутному влеченію, брачныи узы. Онъ первый ввелъ церковныя книги для записыванія въ нихъ крестинъ и браковъ, такъ какъ въ то время случаи двойныхъ браковъ бывали весьма часты. Эти нововведенія Цвингли послужили образцомъ и для другихъ евангелическихъ городовъ не только Швейцаріи, но и Германіи.

Кромѣ того онъ издалъ правила для духовныхъ лицъ, обязалъ ихъ непремѣнно каждое воскресенье и праздники бывать въ церкви и стоять на каѳедрѣ для того, чтобы можно было замѣтить, кого изъ нихъ нѣтъ въ церкви. Съ цѣлью слѣдить за исполненіемъ этихъ и другихъ обязанностей, лежащихъ на духовенствѣ, къ каждой церкви былъ назначенъ одинъ изъ членовъ совѣта. За нарушеніе предписанныхъ правилъ провинившіеся наказывались тѣмъ, что у нихъ удерживали четверть всего, выдаваемаго имъ на содержаніе, зерноваго хлѣба.

Во всѣхъ этихъ нововведеніяхъ Цвингли постоянно совѣтывался съ друзьями и не обнародывалъ своихъ положе-

ній, не обсудивъ ихъ предварительно словесно и письменно съ ними. Онъ поступалъ такъ изъ страха нравственной отвѣтственности, лежавшей на немъ. Поэтому возраженія на его проповѣди и сочиненія онъ выслушивалъ охотно и въ этомъ рѣзко отличался отъ Лютера, который самъ признавался, что никогда не имѣлъ терпѣнія прочесть до конца сочиненій и писемъ людей, не согласныхъ съ его образомъ мыслей. Опровергая возраженія своихъ противниковъ Цвингли не бранился, а старался убѣдить доводами разума и истины. Поэтому его убѣжденія почти всегда сообщались и другимъ. Тѣ, которымъ онъ открывался, „вздыхали свободно какъ люди, вырвавшіеся изъ мрачной тюрьмы на свѣтъ“ говоритъ его біографъ.

Ученіе Цвингли быстро проникало даже въ нѣмецкіе города. Помимо средствъ его распространенія оно и въ существѣ своемъ было утѣшительнѣе и мягче ученія Лютера. Цвингли придавалъ гораздо болѣе значенія нравственному характеру, настроенію, нежели догмату религіи. Онъ не исключалъ, подобно Лютеру, язычниковъ отъ возможности спастись за то, что они не были христіанами, а говорилъ, что всѣ когда либо жившіе добродѣтельные люди будутъ спасены. Все, что можно было объяснить въ религіи разумными причинами онъ объяснялъ; чудесное же оставлялъ въ сторонѣ и совѣтовалъ не пускаться въ объясненія совершенно неизвѣстныхъ людямъ вещей. Наконецъ замѣчательная терпимость, которую Цвингли выказывалъ къ ученію другихъ, привлекала къ нему многихъ. Только одинъ разъ онъ настаивалъ на строгихъ мѣрахъ противъ перекрещенцевъ, но и то только тогда, когда узналъ, что они возбуждаютъ народъ къ возстанію. Онъ, подобно Лютеру, считалъ себя избранникомъ Божіимъ и полагалъ свою обязанность не только въ изслѣдованіи и распространеніи слова Божія, въ одной области религіи, а и въ другихъ ка-

савшихся всего общественнаго строя жизни дѣлахъ. Для достиженія этой цѣли онъ не пренебрегалъ наукой, которую всегда цѣнилъ высоко.

VII.

Тѣ изъ сторонниковъ Цвингли, которые были не довольны имъ за то, что онъ не достаточно смѣло дѣйствуетъ въ проведеніи своей реформы, отдѣлились отъ него и сойдясь съ Ѳомой Мюнцеромъ, стали требовать полной отмѣны всего, о чемъ нѣтъ ясныхъ и положительныхъ указаній въ Новомъ Завѣтѣ. Доходы духовенства, основанные на налогахъ и десятинахъ, они называли лихоимствомъ и главнымъ образомъ возставали противъ крещенія дѣтей какъ существъ, не имѣющихъ еще ни какой вѣры. На томъ основаніи, что крещеніе дѣтей не есть настоящее, истинное крещеніе, они постановили, что вѣрующіе должны быть крещены вновь. Отсюда и происходитъ названіе ихъ, перекрещенцевъ (анабаптистовъ).

Сначала Цвингли хотѣлъ порѣшить разнорѣчіе частными переговорами съ ними, но совѣтъ слѣдуя обычаю, принятому для разрѣшенія споровъ въ дѣлахъ вѣры, назначилъ публичный диспутъ по этому вопросу. Цвингли такъ основательно опровергнулъ своихъ противниковъ, что совѣтъ призналъ его торжество и постановилъ, чтобы въ теченіе восьми дней всѣ дѣти, оставшіяся безъ крещенія, были крещены, а не желающіе подчиниться этому повелѣнію родители покинули страну со всѣмъ своимъ семействомъ. Гребель, стоявшій во главѣ секты и товарищи его однако остались при своемъ мнѣніи и

обратились съ увѣщаніями къ народу въ селахъ. Цюрихскій совѣтъ не желая принимать противъ нихъ мѣръ строгости, назначилъ второй диспутъ, который однако не привелъ ни къ чему; тогда противъ перекрещенцевъ стали принимать строгія мѣры: нѣкоторыхъ изъ нихъ заключили въ тюрьмы, другихъ изгнали изъ страны. Послѣдствія такихъ мѣръ были обыкновенныя: перекрещенцы только еще болѣе укрѣпились въ своемъ ученіи и приняли твердое рѣшеніе добиться его торжества.

Цвингли не одобрялъ сначала этихъ мѣръ преслѣдованія, но узнавъ, что Гребель удалился въ С. Галленъ и тамъ проповѣдываетъ и креститъ желающихъ, онъ присоединился къ мнѣнію совѣта о необходимости строгихъ мѣръ противъ перекрещенцевъ. Онъ сдѣлалъ это еще въ виду того, что въ то же время въ средѣ швейцарскаго народа обнаружилось недовольство и волненіе.

Видя удачныя сначала дѣйствія своихъ швабскихъ сосѣдей, швейцарскіе крестьяне отозвались на ихъ воззваніе и приняли 12 статей ихъ программы. Поэтому, когда съ нихъ стали требовать для высшихъ властей рыбную повинность, они отказали въ ней говоря, что вода, поля, птицы, дичь, рыба принадлежатъ всѣмъ. Посланныхъ для увѣщанія ихъ они встрѣтили камнями, бросились на монастыри и разграбили ихъ. Послѣ цѣлаго ряда подобныхъ насилій они наконецъ изложили властямъ свои жалобы въ 27 статьяхъ. Каждой изъ статей было предпослано введеніе, написанное въ умѣренномъ тонѣ, но ясно обличавшее участіе духовныхъ лицъ и перекрещенцевъ въ составленіи ихъ.

Цюрихскій совѣтъ отвѣчалъ въ самомъ примирительномъ духѣ, соглашался на нѣкоторыя уступки, но твердо отстаивалъ все, касавшееся до правительственной власти. Такой отвѣтъ не удовлетворилъ возставшія общины. Тогда совѣтъ,

убѣдившись въ вѣрности другихъ, болѣе близкихъ къ Цюриху мѣстностей, поручилъ Цвингли объяснить народу справедливость и законность десятинъ и другихъ податей. Цвингли разсказалъ народу историческое происхожденіе и основаніе десятинъ и согласился съ нимъ въ томъ, что налогъ этотъ долженъ быть правильно употребляемъ, согласно его назначенію, на содержаніе престарѣлыхъ, какъ онъ выразился „безполезныхъ духовныхъ", церкви, школъ и бѣдныхъ. Хотя онъ и не убѣдилъ массу, но болѣе умѣренные изъ народа перешли на сторону совѣта. Этому впрочемъ много содѣйствовало извѣстіе о пораженіи, понесенномъ нѣмецкими крестьянами.

Но на Цвингли эти событія подѣйствовали крайне неблагопріятно. Прежде онъ постоянно высказывался за предоставленіе въ будущемъ церковныхъ дѣлъ союза общинѣ; съ этихъ же поръ въ немъ стало проявляться убѣжденіе въ томъ, что народъ не имѣетъ необходимыхъ для этого качествъ и что какъ веденіе, такъ и устройство церковныхъ дѣлъ должно быть ввѣрено государственнымъ властямъ. „Въ настоящее время," говоритъ онъ, „не слѣдуетъ предоставлять нѣкоторыхъ вещей рѣшенію толпы. Я не боюсь и не допускаю мысли, что Богъ покинетъ свою церковь; но первыя слабыя начинанія ея слѣдуетъ предохранить отъ раздоровъ. Поэтому я совѣтую общинѣ предоставить рѣшеніе внѣшнихъ церковныхъ дѣлъ избраннымъ ею лицамъ, которыя будутъ управлять не своимъ именемъ, а именемъ всей церкви. Всякое отступленіе ихъ будетъ указываемо нами, пастырями вашими, обязывающимися объяснять народу своевременно, до разрѣшенія синодомъ, всѣ вопросы, подлежащіе приговору его."

Въ послѣдующіе, безпокойные годы, Цвингли не имѣлъ уже болѣе времени думать объ организаціи церковнаго

управленія. Но еще въ 1527 г., по его предложенію, коммиссія, состоящая изъ четырехъ членовъ совѣта и четырехъ духовныхъ лицъ, составила основанія церковнаго управленія. Онъ полагалъ предоставить духовенству также, какъ и представителямъ общины право участвовать въ обсужденіи дѣлъ, касающихся церкви. Такимъ образомъ онъ положилъ начало синоду, сохранивъ это названіе для обозначенія обязанностей и задачи древнихъ синодовъ. Первое собраніе цюрихскаго синода послѣдовало въ 1528 г. подъ предсѣдательствомъ самаго Цвингли и затѣмъ было рѣшено собираться два раза въ годъ. Депутаты общинъ имѣли право жаловаться синоду на ученіе, или жизнь пастыря; но и послѣднимъ вмѣнено въ обязанность слѣдить за ученіемъ и жизнью своихъ собратьевъ и обсуждать въ синодѣ встрѣчающіяся затрудненія, или недоразумѣнія. Этимъ цюрихскій совѣтъ предоставлялъ своему духовенству собственную юрисдикцію въ дѣлахъ вѣры и даже частной жизни. На синодахъ же обсуждались и дѣла церкви, а также и средства къ ея благоустройству. Устроивъ такимъ образомъ дѣла церкви, Цвингли удалось положить начало еще одному учрежденію. Довѣріе къ нему было такъ велико, что правители евангелическихъ городовъ установили обычай—приглашать для рѣшенія церковныхъ вопросовъ его и другихъ лучшихъ проповѣдниковъ. Это повело къ основанію союзной евангелической конференціи, собиравшейся до самой смерти Цвингли.

VIII.

Согласіе Цвингли съ совѣтомъ относительно мѣръ, принятыхъ противъ перекрещенцевъ, защита имъ десятиннаго налога, строгость, выказанная противъ наемниковъ въ иностранную службу—все это значительно уменьшило популярность его; у него явилось много враговъ даже въ народѣ. Но пока ничего нельзя было предпринять противъ него открыто, враги его, и преимущественно Гребель, стали распространять слухи, будто Цвингли, во время крестьянскаго возстанія, убѣждалъ совѣтъ допустить крестьянъ до городскихъ воротъ и тамъ перестрѣлять ихъ, и разныя другія клеветы, которымъ нѣкоторые изъ народа повѣрили. Цвингли сталъ подвергаться даже въ Цюрихѣ самымъ грубымъ оскорбленіямъ и нападкамъ. Однажды ночью къ нему стали стучаться въ дверь, крича при этомъ различныя ругательства. Цвингли взялъ свой мечъ, ожидая, что къ нему ворвутся, но когда убѣдился, что въ домъ никто не вошелъ, онъ, не желая будить домашнихъ, обратился изъ окна къ стучавшимся въ двери. Только-что онъ хотѣлъ говорить, какъ въ него полетѣли каменья изъ мостовой. Онъ не испугался и на всѣ ругательства отвѣчалъ спокойно. На слѣдующій день граждане Цюриха, узнавъ о случившемся ночью, стали требовать строгаго наказанія виновныхъ. Они отправили совѣту депутацію съ этой просьбой. Сначала главный зачинщикъ, Эберли, былъ приговоренъ къ пыткѣ, но потомъ совѣту показалось это наказаніе слишкомъ жестокимъ и Эберли былъ выпущенъ на свободу.

Цвингли продолжалъ заниматься дѣлами Цюриха. Благодаря богатствамъ, хранившимся въ цюрихскомъ соборѣ и

получившимъ со времени реформы Цвингли другое назначеніе, онъ могъ, устроивъ фондъ для церкви и бѣдныхъ отдѣльныхъ общинъ, и положивъ основаніе образцовой больницѣ, вызвать къ жизни высшее училище, Каролинумъ, предназначаемое для образованія евангелическихъ проповѣдниковъ. Цвингли принималъ самое дѣятельное участіе не только въ устройствѣ этого училища, но и въ самихъ ученикахъ. Онъ заботился объ ихъ здоровьѣ, о томъ, чтобы занятія не превышали ихъ силъ, хлопоталъ о стипендіяхъ, самъ читалъ лекціи. По его же настоянію ученики розыгрывали оригинальныя комедіи Аристоѳана и Плавта. Цвингли старался внушить имъ интересъ къ изученію классическихъ писателей, видя въ этомъ средство привить ученикамъ духъ республиканской простоты. Каролинумъ скоро пріобрѣлъ извѣстность лучшей школы. Страсбуртъ и Базель послали своихъ ученыхъ въ Цюрихъ для ознакомленія съ этимъ училищемъ. Въ то же время Цвингли не упускалъ изъ виду и народнаго образованія и поставилъ въ обязанность цюрихскому духовенству заботиться о школахъ для народа и ежегодно обнародывать отчеты о нихъ. Для облегченія народа, Цвингли, въ 1529 г. отмѣнилъ проценты по займамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ ежедневно проповѣдывать въ соборѣ, а для сельскихъ жителей, пріѣзжавшихъ въ Цюрихъ въ рыночные дни, всегда самъ совершалъ особенную службу, во время которой популярно и въ короткихъ разсказахъ излагалъ библію. Для этой же цѣли онъ задумалъ переложить псалмы на нѣмецкій языкъ и исправить неточности Лютерова перевода. Но хотя въ отношеніи точности его переводъ и выше Лютерова, однако Цвингли самъ сознавалъ, что по языку онъ значительно уступаетъ послѣднему, отличавшемуся замѣчательной простотой и силой выраженій.

Занятія Цвингли были такъ многочисленны, что послѣ смерти его ихъ не могъ никто выполнять одинъ и они были распредѣлены между двумя лицами. Кромѣ обязанностей по школѣ и по службѣ, онъ велъ огромную переписку съ друзьями и приверженцами своими въ Германіи, Франціи, Италіи и другихъ государствахъ. Князья, дворяне, ученые и неученые излагали ему письменно свои сомнѣнія въ спорныхъ вопросахъ, относившихся до религіи. Даже по своимъ частнымъ дѣламъ они спрашивали его совѣта. Всѣмъ имъ онъ охотно отвѣчалъ и самъ обращался съ увѣщаніями къ такимъ лицамъ, которыя по своему вліянію могли быть полезными его дѣлу.

Постоянныя ежедневныя посѣщенія богатыхъ и бѣдныхъ соотечественниковъ и чужестранцевъ очень утомляли Цвингли. Гонимые за вѣру прибѣгали къ нему. Многіе просили его заступничества передъ совѣтомъ и другими сильными людьми. Онъ не отказывалъ никому. При этомъ ему приходилось часто быть обманутымъ; но великодушный по природѣ, онъ скоро прощалъ обманъ и забывалъ о немъ. Зависть, ненависть и клевету своихъ противниковъ онъ переносилъ спокойно; но при случаѣ отстаивалъ свое доброе имя.

IX.

Между тѣмъ католическіе кантоны начали преслѣдовать приверженцевъ новой вѣры, наказывали денежными штрафами, заключали въ тюрьмы, сѣкли и прогоняли ихъ изъ кантона. Проповѣдниковъ преслѣдовали съ особенной жесто-

костью; ихъ жгли, отрѣзывали имъ языкъ; всюду производились обыски, отбирались не только книги новаго ученія, но и св. писаніе. Въ нѣкоторыхъ городахъ умершимъ отказывали въ погребеніи. Послѣ диспута въ Баденѣ, на которомъ Цвингли не присутствовалъ, но за то присутствовалъ генеральный викарій Фаберъ, настоявшій на признаніи Цвингли еретикомъ и на публичномъ сожженіи книгъ новаго ученія, опасность, грозившая Цвингли и его послѣдователямъ сдѣлалась до того серьезною, что приверженцы реформаціи не сочли болѣе возможнымъ выжидать и составили между собою союзъ для сопротивленія католикамъ.

Тогдашнее устройство Швейцаріи было таково, что различныя мѣстности принадлежали не одному какому-либо кантону, а управлялись нѣсколькими вмѣстѣ; были такія, напримѣръ, въ которыхъ Цюрихъ и Бернъ управляли вмѣстѣ съ Швицомъ. Люцерномъ, Цугомъ. Понятно, что при такомъ устройствѣ одни придерживались одного ученія, другіе—другаго, одни преслѣдовали то, что для другихъ было священно. Кромѣ того на союзномъ сеймѣ пять маленькихъ лѣсныхъ кантоновъ пользовались одинакими правами съ большими, стоявшими выше ихъ не только потому, что ихъ территорія была обширнѣе, но и по своей силѣ, богатству и цивилизаціи. Цвингли, понималъ необходимость устранить эту несправедливость и задумалъ дать всѣмъ швейцарскимъ кантонамъ общее управленіе, въ смыслѣ представительной демократіи. Онъ былъ первымъ, возъимѣвшимъ эту мысль, которая осуществилась только недавно, три столѣтія спустя послѣ своего возникновенія. Цвингли сталъ пропагандировать свою идею. Тогда первобытные кантоны увидавъ, что для нихъ дѣло идетъ не объ одной только церковной реформѣ, но и о всемъ существованіи, стали смотрѣть на Цвингли, какъ на страшнѣйшаго своего врага. Ученіе его получило въ ихъ

глазахъ смыслъ революціи, борьба противъ старой церкви представлялась имъ борьбой противъ существующаго порядка. Они прибѣгли къ отчаяннымъ средствамъ и обратились за помощью къ римскому королю Фердинанду. По договору съ нимъ они согласились на то, чтобы всѣ пріобрѣтенія внутри Швейцаріи принадлежали пяти кантонамъ, а внѣ ея—королю.

Узнавъ о союзѣ лѣсныхъ кантоновъ съ римскимъ королемъ, Цвингли поспѣшилъ войти въ сношеніе съ нѣмецкими городами, раздѣлявшими его образъ мыслей, Констанцемъ, который только въ послѣднее время былъ объявленъ не принадлежащимъ къ швейцарскому союзу и предоставленъ Фердинанду, Ульмомъ, Страсбургомъ, Нюрнбергомъ, Аугсбургомъ и съ гессенскимъ ландграфомъ Филиппомъ. Онъ видѣлъ, что если дѣло оставить такъ, то свободѣ швейцарскаго союза грозитъ серьозная опасность.

Цвингли съ самаго начала смотрѣлъ на право личной обороны иначе, нежели Лютеръ. Онъ видѣлъ, что необходимаго для новаго ученія мира невозможно достигнуть иначе, какъ путемъ войны. Поэтому онъ желалъ войны и воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобы начать ее. Въ Цюрихѣ получено было извѣстіе о томъ, что одинъ священникъ цюрихской области былъ схваченъ на дорогѣ, проѣздомъ черезъ Швицъ и сожженъ тамъ. Цвингли считалъ этотъ предлогъ достаточнымъ, чтобъ убѣдить совѣтъ отправить отрядъ своихъ войскъ въ Швицъ для отомщенія за смерть проповѣдника. Онъ самъ составилъ планъ войны, изложилъ обязанности предводителей и солдатъ и вызвался сопровождать этотъ отрядъ, но не въ качествѣ проповѣдника, а въ качествѣ воина. Онъ былъ воодушевленъ сознаніемъ нравственной силы, надѣялся достигнуть цѣли, къ которой съ самаго начала стремился и не допускалъ мысли о мирѣ иначе, какъ на условіи уничто-

жить иностранныя пенсіи и допустить свободную проповѣдь Евангелія во всѣхъ кантонахъ швейцарскаго союза. Онъ смотрѣлъ на настоящую войну, какъ на единственное средство установить порядокъ въ управленіи союза. Цюрихское войско состояло изъ воиновъ, принявшихъ реформу Цвингли и одушевленнымъ тѣмъ же духомъ, которымъ былъ одушевленъ онъ самъ. Еслибы дѣло дошло до войны, то весьма вѣроятно, что перевѣсъ былъ бы на его сторонѣ. Но лишь только они дошли до Каппеля, какъ явился уполномоченный отъ Гларуса и убѣдилъ ихъ согласиться на перемиріе. „Ты отвѣтишь за это Богу,“ сказалъ ему Цвингли; „наши противники обманули тебя сладкими рѣчами. Пока они не вооружены, ты вѣришь имъ и миришь насъ; но потомъ, когда они вооружатся, они не пощадятъ насъ, и никто тогда не примиритъ насъ.“ Не смотря однако на противодѣйствіе Цвингли, перемиріе было заключено. Въ числѣ условій было постановлено, чтобы вопросы о дѣлахъ вѣры были рѣшаемы на общемъ соборѣ. Свободная проповѣдь Евангелія и уничтоженіе пенсій—условія, которыхъ добивался Цвингли, были предъявлены, но приняты совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ онъ хотѣлъ. Уничтоженіе пенсій было представлено въ видѣ просьбы протестантскихъ городовъ, а свободная проповѣдь замѣнена обязательствомъ обѣихъ сторонъ не стѣснять другъ друга въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ.

Недовольный такимъ миромъ, Цвингли однако не могъ помѣшать заключенію его, хотя и предвидѣлъ, что миръ не проченъ. Онъ воспользовался впрочемъ этимъ перемиріемъ для того, чтобы провести гражданскую реформу въ Цюрихѣ. Поставивъ церковь подъ опеку государства, онъ возложилъ на послѣднее отвѣтственность за нарушенія предписанныхъ правилъ и созвавъ представителей мѣстечекъ вмѣстѣ съ ними составилъ уставъ, опредѣлявшій обязанности гражданъ.

Надзоръ же за соблюденіемъ устава онъ предоставилъ въ городахъ судьямъ по брачнымъ дѣламъ, а въ селахъ священникамъ. За чрезмѣрное пьянство былъ установленъ денежный штрафъ въ серебряную марку. Содержатели трактировъ не имѣли права отпускать вино по праздникамъ до обѣдни, должны были запирать свои заведенія въ 9 часовъ вечера, не давать взаймы вина болѣе чѣмъ на 10 шиллинговъ. Всякаго рода азартныя игры были запрещены.

Не смотря на такое сильное ограниченіе частной жизни гражданъ, уставъ этотъ былъ всюду принятъ и соблюдаемъ; онъ не вызвалъ ни малѣйшихъ безпорядковъ. Конечно это происходило частью потому, что въ то время власть находилась въ рукахъ приверженцевъ Цвингли.

Въ этомъ же 1530 году, онъ учредилъ особый судъ, обязанности котораго заключались въ наблюденіи за правильнымъ распредѣленіемъ приходовъ и доходовъ между священниками. Послѣднее постановленіе возстановило противъ него дворянство, которое съ уничтоженіемъ пенсій вознаграждало себя тѣмъ, что удерживало въ свою пользу доходы съ церковныхъ имуществъ, находившихся на ихъ земляхъ. Это недовольство еще усилилось, когда, подъ предлогомъ упражненія въ стрѣльбѣ, народу были розданы ружья, которыми онъ пользовался и для охоты. Это нарушало одну изъ привилегій дворянства. За то въ такой же мѣрѣ эти распоряженія привлекли къ Цвингли простыхъ людей.

Наконецъ уничтоженіе еще другой привилегіи дворянства, пользовавшагося до тѣхъ поръ правомъ выбирать бо́льшее число членовъ въ совѣтъ, нежели другія сословія, и уравненіе его въ этихъ правахъ съ прочими, окончательно возстановило дворянство противъ Цвингли. Въ то же время и вліятельный классъ горожанъ былъ недоволенъ имъ за то, что вслѣдствіе жалобъ на чрезвычайную дороговизну хлѣба и

муки, многіе изъ мельниковъ и булочниковъ подверглись строгому наказанію и были введены казенные вѣсы для взвѣшиванія муки и хлѣба.

X.

Предвидя скорое возобновленіе войны и желая обезпечить побѣду своей партіи союзомъ съ евангелическими городами Германіи и преимущественно съ гессенскимъ ландграфомъ, Цвингли принялся за это дѣло. Онъ и прежде сознавалъ всю важность согласія съ Лютеромъ, но не рѣшался самъ вступить въ прямыя сношенія съ нимъ, зная, что для него, Цвингли, какъ республиканца, невозможно сойтись съ Лютеромъ. Поэтому онъ охотно согласился на предложеніе гессенскаго ландграфа пріѣхать въ Марбургъ для переговоровъ, надѣясь этимъ достигнуть желанной цѣли. Во время пребыванія въ Марбургѣ Цвингли, по просьбѣ ландграфа, произнесъ въ дворцовой церкви проповѣдь о предопредѣленіи. Лютеру она не понравилась; онъ смѣялся надъ нею, называлъ Цвингли небеснымъ пророкомъ, мечтателемъ. Послѣднее названіе особенно было неудачно, потому что Цвингли обладалъ именно тѣмъ философскимъ анализомъ и основательностью доводовъ, которыхъ не доставало Лютеру. Послѣдняго особенно раздражало спокойное, точное, логическое изложеніе Цвингли; онъ сознавалъ силу такого пріема, а самъ не могъ дѣйствовать противъ него тѣмъ же оружіемъ. Ему не нравилось еще то, что Цвингли въ своей проповѣ-

ди, которую онъ произносилъ передъ ландграфомъ и учеными богословами, приводилъ греческіе тексты, а не переводилъ ихъ на латинскій, или нѣмецкій языкъ. Кромѣ того онъ нашелъ, что въ Цвингли проглядываетъ что-то крестьянское, грубое. Послѣднее впечатлѣніе производила, вѣроятно, непринужденная простота человѣка, выросшаго между равными себѣ и свободно обращающагося какъ съ простымъ человѣкомъ, такъ и съ ученымъ и княземъ. Даже различіе въ одеждѣ и внѣшнемъ видѣ должно было способствовать сужденію Лютера о Цвингли какъ о крестьянинѣ, такъ какъ Цвингли пріѣхалъ въ Марбургъ въ своемъ обыкновенномъ платьѣ и держалъ себя со всѣми какъ равный съ равными. Цвингли же смѣялся съ друзьями надъ торжественнымъ видомъ Лютера; впрочемъ ему самому и другу его Экколампаду пришлось вытерпѣть такъ много грубыхъ и оскорбительныхъ выходокъ отъ Лютера, что они вынесли изъ Марбурга враждебное къ нему настроеніе. Друзья Лютера тоже какъ будто чувствовали, что онъ слишкомъ далеко зашелъ и старались загладить это отзывами о швейцарцахъ, какъ о людяхъ, производящихъ вблизи лучшее впечатлѣніе, нежели издали.

По возвращеніи изъ Марбурга Лютеръ напечаталъ проповѣдь противъ мечтателей, въ которой осмѣялъ Цвингли. Но она возбудила въ Цвингли и друзьяхъ его только сожалѣніе объ ошибкѣ великаго человѣка. Цвингли отвѣтилъ болѣе дѣйствительнымъ упрекомъ Лютеру въ томъ, что онъ, возбуждая князей къ пользованію своею силой противъ тѣхъ, кто не раздѣляетъ его образа мыслей, прибѣгаетъ къ тѣмъ же средствамъ, за которыя осуждаетъ папистовъ.

По общему признанію, на диспутѣ въ Марбургѣ Цвингли одержалъ верхъ надъ Лютеромъ какъ въ самомъ существѣ спорнаго вопроса, такъ и въ способѣ защиты его. Тѣмъ не менѣе какъ ни желательно было Цвингли заклю-

чить союзъ съ евангелическими нѣмецкими городами, но онъ скоро увидѣлъ, что этотъ союзъ стоилъ бы Швейцаріи ея независимости и потому отказался отъ него. Узнавъ однако, что пять лѣсныхъ кантоновъ отправили на аугсбургскій сеймъ депутацію, благосклонно принятую императоромъ, онъ отъ своего имени послалъ ему изложеніе своего исповѣданія. Въ этомъ посланіи, состоявшемъ изъ 12 статей, онъ объяснилъ различіе своего ученія отъ ученія католической церкви и Лютера. Посланіе свое онъ напечаталъ и отправилъ въ Аугсбургъ; но оно послужило только къ тому, что Эккъ воспользовался случаемъ оклеветать при дворѣ Цвингли. Получивъ въ отвѣтъ на свое посланіе напечатанную рѣчь Экка, Цвингли еще разъ рѣшился апеллировать къ императору; но Карлъ V былъ не въ состояніи, да и не желалъ понять Цвингли. Это окончательно утвердило послѣдняго въ мысли, что отъ императора можно ожидать только враждебныхъ дѣйствій для протестантовъ, не только въ дѣлахъ вѣры, но и относительно независимости и свободы въ дѣлахъ политическихъ.

Въ то же время онъ узналъ, что хотя депутація пяти католическихъ кантоновъ и была принята благосклонно императоромъ, но боясь за свою независимость, эти кантоны отказались отъ условій, на которыхъ императоръ предлагалъ имъ свое покровительство. Тогда Цвингли рѣшился сдѣлать еще попытку примириться съ ними и написалъ къ нимъ воззваніе отъ имени евангелическихъ проповѣдниковъ, прося ихъ допустить у себя проповѣдь слова Божія. Воззваніе это осталось безъ послѣдствій. Между тѣмъ миръ, заключенный въ Каппелѣ, не соблюдался и съ обѣихъ сторонъ стали раздаваться на это жалобы. Цвингли предвидѣлъ, что все это должно кончится войною и сталъ настаивать въ совѣтѣ на томъ, чтобы евангелическіе кантоны, не дожидаясь нападенія

со стороны враговъ, сами открыли военныя дѣйствія. Такое требованіе Цвингли происходило изъ убѣжденія его въ необходимости довести дѣло до конца, не останавливаясь передъ препятствіями. Но въ этомъ съ нимъ не согласились ни Бернъ, ни Базель. Цюрихскій совѣтъ тоже колебался. Тогда Цвингли созвалъ собраніе гражданъ и произнесъ передъ ними рѣчь, въ которой, напомнивъ о своей одинадцати-лѣтней дѣятельности, какъ проповѣдника Евангелія, на пользу отечества, онъ представилъ весь вредъ для Цюриха и всего союза, если пять кантоновъ, а съ ними пенсіи и чужестранное вмѣшательство, одержатъ верхъ. Въ заключеніе онъ сказалъ, что если граждане Цюриха съ нимъ не согласятся, то онъ принужденъ будетъ ихъ оставить и совсѣмъ уѣдетъ изъ Цюриха. Это конечно произвело сильное впечатлѣніе и совѣтъ отправилъ къ нему депутацію, прося его не покидать города и соглашаясь на его требованіе.

Цвингли и прежде часто высказывалъ готовность умереть за свое дѣло; теперь же онъ какъ-будто предчувствовалъ свой близкій конецъ и разъ, по случаю появившейся кометы, сказалъ одному изъ своихъ друзей, что скоро умретъ.

Бернъ не согласился на предложеніе Цвингли, сдѣланное отъ имени цюрихскаго совѣта, отчасти потому, что въ это время между этими двумя городами стало проявляться соперничество за политическое первенство. Несогласіе это мѣшало единодушному дѣйствію двухъ главнѣйшихъ союзниковъ реформы и когда въ Цюрихѣ получено было извѣстіе о томъ, что католическіе кантоны собираются неожиданно напасть на него, Бернъ отказалъ ему въ помощи. Цвингли тайкомъ отправился въ Бернъ, надѣясь убѣдить тамошній совѣтъ въ необходимости взаимной помощи. Ночью онъ видѣлся въ домѣ проповѣдника Буллингера, у котораго остановился, съ бернскими уполномоченными. Они не согласились

на войну, но предлагали остановить подвозъ провіанта въ католическіе кантоны и черезъ это возстановить народъ противъ правителей. „Если вы имѣете право уморить ихъ голодомъ,“ отвѣтилъ имъ Цвингли, „то такое же право вы имѣете открыто напасть на нихъ“. Бернцы не измѣнили однако своего намѣренія не вступать въ войну съ противниками, и Цвингли въ ту же ночь уѣхалъ обратно въ Цюрихъ. Прощаясь съ Буллингеромъ, онъ зарыдалъ и умолялъ его оставаться вѣрнымъ новому ученію.

XI.

Передъ началомъ войны Цвингли составилъ записку о томъ, какъ должны поступать Цюрихъ и Бернъ по отношенію къ пяти кантонамъ. Не отдавая преимущества ни тому, ни другому городу, онъ совѣтовалъ имъ вмѣстѣ управлять союзомъ, исключивъ изъ него пять маленькихъ кантоновъ, если они не согласятся на уничтоженіе привиллегій, которыми до сихъ поръ пользовались.

Между тѣмъ пять кантоновъ, заручившись обѣщаніемъ императора помочь имъ въ случаѣ крайности, 11-го октября 1531 г. внезапно появились на Цугскомъ озерѣ. Войско ихъ состояло изъ опытныхъ воиновъ, не разъ бывавшихъ въ сраженіяхъ. Въ Цюрихѣ же господствовало уныніе. Хотя цюрихцы и рѣшились сдержать свое обѣщаніе, данное Цвингли, но отправлялись на войну крайне неохотно. Цвингли расчитывалъ главнымъ образомъ на цюрихскую артилле-

рію; но онъ видѣлъ, что цюрихцамъ не достаетъ искуснаго предводителя.

Узнавъ о появленіи непріятельскихъ судовъ на озерѣ, цюрихцы поспѣшно собрались на высотахъ Альбиса. Ихъ было около 2000 человѣкъ противъ восьми тысячь противниковъ. Они выслали впередъ, отрядъ до 700 человѣкъ, приказавъ ему не вступать въ сраженіе, а ожидать подкрѣпленія новыхъ войскъ.

Между тѣмъ въ Цюрихѣ совѣтъ медлилъ сдѣлать необходимыя распоряженія для отправки этого подкрѣпленія. Тогда видя, что непріятель приближается и убѣдившись въ необходимости немедленно вступить въ сраженіе съ нимъ, Цвингли, находившійся при войскѣ въ качествѣ проповѣдника, убѣдилъ начальника стрѣлковъ, не дожидаясь прибытія подкрѣпленія, спѣшить на помощь отряду, который уже стоялъ передъ непріятелемъ у Каппеля. Онъ самъ взялъ знамя въ руки и воскликнулъ: „не будемъ медлить, когда братья наши идутъ подъ выстрѣлы. Я иду съ вами во имя Господне; умремъ вмѣстѣ, или спасемъ ихъ“.

Спустившись внизъ съ высотъ Альбисъ, цюрихцы присоединились къ передовому отряду и здѣсь, при Каппелѣ, произошло сраженіе, превратившееся въ кровавую рѣзню. Цюрихцы сражались храбро, но ихъ было такъ немного въ сравненіи съ непріятелемъ, что нечего было и думать о побѣдѣ. Изъ 2000 цюрихцевъ погибло 500; въ томъ числѣ погибъ и Цвингли. По свидѣтельству очевидцевъ онъ не употреблялъ въ дѣло своего оружія, но все время находился среди сражавшихся.

Получивъ нѣсколько ранъ и истекая кровью, онъ лежалъ подъ деревомъ, скрестивъ руки и поднявъ глаза къ небу, когда къ нему подошли два воина. Видя, что онъ еще живъ, они спросили его, не хочетъ ли онъ, чтобъ они призвали къ

нему священника. Онъ отрицательно покачалъ головой. Тогда, думая, что передъ ними лежитъ какой-нибудь закоснѣлый еретикъ, они нанесли ему смертельный ударъ.

Только на другой день узнали, что это былъ Цвингли. Цѣлая толпа собралась смотрѣть на покойника, лицо котораго, по словамъ нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ, имѣло выраженіе, озарявшее его во время его лучшихъ проповѣдей. Наругавшись надъ трупомъ, враги четвертовали его, сожгли и пепелъ разсѣяли по воздуху.

Недавно на томъ мѣстѣ, гдѣ палъ Цвингли, швейцарское правительство поставило скромный памятникъ.

Цвингли былъ величайшимъ преобразователемъ, какого имѣла когда-либо Швейцарія не только въ религіозномъ, но и въ политическомъ отношеніи.

ЖАНЪ КАЛЬВИНЪ

1509-1564.

ЖАНЪ КАЛЬВИНЪ.

1509—1564.

ЖАНЪ КАЛЬВИНЪ

1509—1564.

I.

Въ то время, когда ученія Лютера и Цвингли распространились почти по всей Германіи и Швейцаріи, когда и во Франціи уже началось движеніе въ пользу реформы римской церкви, новыя идеи не касались маленькаго города, лежавшаго среди этихъ государствъ.

Окруженная высокими горами, среди живописной мѣстности, на прелестномъ Леманскомъ озерѣ, Женева представляла совершенно особое политическое устройство, отличавшееся отъ прочихъ средневѣковыхъ городовъ. Въ немъ соединялись элементы іерархическій, феодальный и демократическій въ лицѣ управлявшихъ Женевой епископа, графа-намѣстника савойской династіи и гражданъ.

Верховная власть по праву принадлежала епископу; онъ чеканилъ монету, рѣшалъ церковныя и важнѣйшія граж-

данскія дѣла, въ уголовныхъ пользовался правомъ помилованія.

Защита отъ внѣшнихъ нападеній лежала на графѣ также, какъ и нѣкоторыя административныя и полицейскія обязанности; онъ былъ исполнителемъ важнѣйшихъ приговоровъ и имѣлъ право рѣшать гражданскія и уголовныя дѣла меньшей важности. Онъ дѣйствовалъ какъ вассалъ епископа и управлялъ черезъ посредство назначаемыхъ имъ самимъ намѣстниковъ.

Но не смотря на обширныя права епископа и графа, на дѣлѣ верховная власть оставалась въ рукахъ самихъ женевскихъ гражданъ. Два раза въ году лица, стоявшія во главѣ семействъ сзывались большимъ соборнымъ колоколомъ на генеральное собраніе, выбирали четырехъ синдиковъ и государственнаго казначея, издавали эдикты, установляли цѣну на вино и зерновой хлѣбъ, обсуждали договоры съ иностранными державами. Синдики, избираемые на годъ, были представителями гражданъ передъ епископомъ и графомъ, которые приносили имъ присягу въ охраненіи правъ и свободы города. Только однимъ синдикамъ принадлежало право произносить приговоры по уголовнымъ дѣламъ; кромѣ того они наблюдали за внѣшнимъ порядкомъ и безопасностью и управляли городомъ вмѣстѣ съ малымъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ государственнаго казначея и двадцати выборныхъ синдиками лицъ. Въ болѣе важныхъ случаяхъ приглашались въ совѣтъ домохозяева, изъ которыхъ со временемъ образовался совѣтъ шестидесяти, контролировавшій членовъ малаго совѣта.

Впослѣдствіи, когда Женева подпала подъ вліяніе Берна, учреждена была, по примѣру послѣдняго, еще коллегія двухсотъ, стоявшая между большимъ и малымъ совѣтомъ и избиравшаяся членами послѣдняго. Эта коллегія играла значительную роль въ послѣдующія времена; но въ началѣ 16-го

столѣтія высшую инстанцію по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ составляло генеральное собраніе гражданъ.

Такое раздѣленіе власти содѣйствовало процвѣтанію города. Женевскій епископъ считался однимъ изъ важнѣйшихъ церковныхъ сановниковъ. Изъ числа членовъ соборнаго капитула, имѣвшаго и полититеское значеніе, нерѣдко выбирались синдики и члены совѣтовъ. Зданія, принадлежавшія духовенству занимали особую улицу до сихъ поръ называющуюся ихъ именемъ. Кромѣ того въ Женевѣ было многочисленное городское духовенство, множество аббатствъ, церквей и часовенъ. Каждый годъ въ городъ приходили толпы богомольцевъ изъ сосѣднихъ-странъ, чтобы поклониться древнему храму св. Виктора. Въ тоже время Женева была сборнымъ мѣстомъ савойскаго и бургундскаго дворянства, между которымъ вошло въ обычай праздновать здѣсь торжественные дни, свадьбы и заключать договоры.

Но всего болѣе блеску и оригинальности придавало городу многочисленное, дѣятельное и предпріимчивое населеніе, постоянно увеличивавшееся. Положеніе Женевы среди трехъ главнѣйшихъ государствъ континента способствовало процвѣтанію въ ней торговли и промышленности, славившейся во всей Европѣ. Женева служила обширнымъ рынкомъ, на которомъ Германія, Франція и Италія обмѣнивались своими произведеніями. Ея площади, арки, магазины, расположенные на берегу озера представляли вѣчно оживленное зрѣлище, а четыре годовыя ярмарки, на которыя стекались торговые люди изъ далекихъ и близкихъ странъ, служили важнымъ источникомъ благосостоянія жителей. Наиболѣе богатые дома имѣли свои конторы въ Женевѣ, держали постоянныхъ агентовъ, которые косвеннымъ образомъ охраняли права города, такъ какъ женевскія власти боялись навлечь на себя ихъ неудовольствіе.

Стеченіе иностранцевъ въ Женевѣ было такъ велико, что городскія власти даже тяготились имъ. Многіе иностранцы принимали женевское гражданство и совсѣмъ переселялись въ Женеву; такимъ образомъ они постоянно вводили новый элементъ въ городское населеніе. Понятно, что при этомъ не могло быть застоя въ общественной жизни, или кастоваго раздѣленія между жителями. Хотя аристократія и пользовалась нѣкоторыми привиллегіями въ избраніи должностныхъ лицъ, но эти должности были открыты и всякому гражданину; въ Женевѣ нерѣдко случалось, что дѣти простыхъ ремесленниковъ и даже изъ переселившихся нѣмецкихъ, савойскихъ, или французскихъ семействъ достигали высшихъ должностей.

Такимъ образомъ населеніе Женевы было самое разнообразное; не представляя никакого опредѣленнаго, національнаго типа, оно имѣло однако свой совершенно своеобразный характеръ. Здѣсь смѣшивались легкомысліе, подвижность, ловкость француза, предпріимчивый духъ и любовь къ порядку нѣмца, съ юморомъ и изящнымъ вкусомъ итальянца. Горячій патріотизмъ одушевлялъ всѣхъ. Дѣятельные, исправные въ торговыхъ дѣлахъ, женевцы любили порядокъ въ управленіи и вмѣстѣ съ тѣмъ отличались общительнымъ, веселымъ, открытымъ характеромъ, остроуміемъ и воспріимчивостью не только къ удовольствіямъ жизни, но и къ умственнымъ наслажденіямъ.

Городскія празднества отличались блескомъ и изяществомъ; граждане особенно любили театръ; на немъ разыгрывались піесы, сочиненныя ремесленниками и другими простыми людьми, которые получали за нихъ вознагражденіе отъ совѣта, всѣми средствами поощрявшаго ихъ. Въ то время, какъ въ другихъ большихъ швейцарскихъ городахъ не существовало еще типографій, въ Женевѣ ихъ находилось нѣсколь-

ко и если между жителями не было особенно выдающихся въ области науки лицъ, то вообще женевцы отличались практическимъ образованіемъ. Между ними можно было встрѣтить гражданъ, говорившихъ на французскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ языкахъ, а такія явленія были чрезвычайно рѣдки въ 16 столѣтіи. Въ основанной однимъ богатымъ гражданиномъ школѣ свободныхъ искусствъ читали Цицерона, Виргилія, Овидія.

Но и въ этой жизни была своя оборотная сторона. Свойственная жителямъ Женевы легкость ума часто переходила въ легкомысліе; общее благосостояніе повело къ роскоши; наплывъ иностранцевъ имѣлъ еще худшія послѣдствія, и въ числѣ ихъ — страсть къ игрѣ и развратъ, противодѣйствовать развитію котораго городскія власти думали тѣмъ, что придали ему правильную организацію.

Однако не смотря на излишества общественной и частной жизни, большинство женевскихъ гражданъ отличались религіозностью; они образовали религіозныя братства, въ которыя особенно охотно вступали ремесленники; на церкви, духовныя и благотворительныя учрежденія, ежегодно отказывались большія суммы. Въ этомъ отношеніи Женева занимала одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ небольшомъ городѣ было девять госпиталей, богадѣленъ, пристанищъ для неимѣющихъ убѣжища, бѣдныхъ и проч. Всѣ эти заведенія были въ связи съ братствами и имѣли церковное устройство. Вообще, находившійся въ упадкѣ въ другихъ странахъ, католицизмъ здѣсь былъ во всей своей силѣ. Не смотря на то, что достойная жизнь и хорошія отношенія первыхъ женевскихъ епископовъ съ гражданами впослѣдствіи измѣнились къ худшему, что съ теченіемъ времени духовныя лица стали вести свѣтскую жизнь, предавались игрѣ, посѣщали трактиры, одѣвались въ свѣтское платье, носили мечи и шлемы, что монахи перестали

*

заниматься наукою и монастыри сдѣлались сборнымъ мѣстомъ политическихъ партій, тѣмъ не менѣе католицизмъ слишкомъ глубоко проникъ въ жизнь гражданъ, помнившихъ услуги, оказанныя первыми епископами городу. Поэтому въ Женевѣ не было той оппозиціи противъ духовенства, которая существовала въ другихъ государствахъ. Даже когда начались войны за независимость съ савойскою династіею, предводители женевской независимой партіи обратились къ епископу за помощью, предписывали публичныя молитвы, процессіи. Конечно, при обширныхъ сношеніяхъ Женевы съ другими государствами, до нея дошли извѣстія о германскихъ событіяхъ и новомъ ученіи; имя Лютера было извѣстно нѣкоторымъ кружкамъ и даже въ театральныхъ піесахъ упоминалось, какъ пугало для духовенства, но далѣе этого дѣло не шло.

Только со времени союза Женевы съ Берномъ противъ савойскаго дома, въ 1526 г., бернскіе посланные начали распространять новыя идеи въ Женевѣ. Съ установленіемъ тѣсныхъ отношеній къ Берну сама собою являлась неизбѣжность и религіозной пропаганды. Примѣръ бернцевъ, открыто указывавшихъ на пороки католическаго духовенства и проповѣдывавшихъ отпаденіе отъ прежнихъ обычаевъ, подѣйствовалъ на женевцевъ, такъ что и между ними стали появляться люди, которые порицали монаховъ и бѣлое духовенство. Совѣту приносились жалобы на нихъ, посты перестали соблюдаться; но совѣтъ не принималъ ни какихъ серьезныхъ мѣръ для противодѣйствія перемѣнѣ взглядовъ населенія, хотя отъ времени до времени и налагалъ штрафы на непокорныхъ прежнимъ обычаямъ.

Этимъ думалъ воспользоваться савойскій герцогъ Карлъ III и выставилъ передъ императоромъ и папой борьбу женевцевъ за независимость борьбою за церковные принципы,

обвиняя Женеву въ ереси. Но этимъ онъ только еще болѣе подорвалъ авторитетъ католицизма въ Женевѣ. Сторонники новаго ученія начали вести свою борьбу подъ прикрытіемъ патріотизма; духовныхъ и монаховъ стали считать врагами свободы и приверженцами савойской династіи. Совѣтъ измѣнилъ свои отношенія къ духовнымъ властямъ, сталъ указывать имъ на ихъ дурной образъ жизни и даже пригрозилъ не выдавать имъ обычную десятину.

Успѣху протестантовъ въ Женевѣ не мало содѣйствовало и бернское войско, присланное туда въ 1530 г., для охраны города противъ савойскихъ армій. Это войско состояло преимущественно изъ протестантовъ, которые отнеслись къ реформѣ по военному, врывались въ храмы, нарушали мессу, срывали образа, кресты, оскорбляли католическихъ священниковъ, попадавшихся на улицахъ въ полномъ облаченіи и пр. Въ главномъ соборѣ св. Петра явился протестантскій проповѣдникъ.

Вмѣшательство Берна спасло Женеву отъ притязаній Карла III и эта услуга естественно расположила женевцевъ къ жителямъ Берна. Установившіеся въ Бернѣ обычаи и воззрѣнія стали приниматься въ Женевѣ. Разъ начавшееся движеніе шло быстро. Когда городу пришлось выплатить значительную сумму союзникамъ за военныя издержки, то эти деньги совѣтъ потребовалъ отъ собора и монастырей; многочисленныя церкви стали обращать въ укрѣпленія. Начали образовываться евангелическіе кружки, сосредоточившіеся преимущественно въ школахъ, гдѣ ученикамъ проповѣдывались основанія новаго ученія. Такое настроеніе города скоро привлекло вниманіе сосѣдней Франціи, откуда стали стекаться въ Женеву сторонники новаго ученія, надѣясь найти здѣсь терпимость къ своимъ идеямъ.

Въ 1532 г. протестантскій духъ былъ уже на столько

крѣпокъ въ Женевѣ, что открыто явились проповѣдники Евангелія, и между ними одинъ изъ ревностнѣйшихъ борцовъ новаго ученія—Фарель, уже давно слѣдившій за Женевой, казавшейся ему, по своему положенію, особенно выгоднымъ мѣстомъ для религіозной пропаганды. Но Фарелю не вдругъ удалось задуманное дѣло. Какъ, по видимому, ни подготовлена была Женева къ принятію вовыхъ идей, но въ ней еще много было приверженцевъ римскихъ обычаевъ и только послѣ цѣлаго ряда неудачъ, оскорбленій, насильственныхъ дѣйствій, и то при помощи покровительствовавшихъ ему бернскихъ властей, Фарель достигъ своей цѣли. По всей вѣроятности Женева осталась бы католическимъ городомъ, еслибы политическія затрудненія не принудили ее искать своего спасенія отъ притязаній Савойи и Франціи, также имѣвшей на нее виды, у Берна, который въ числѣ условій своего покровительства поставилъ и допущеніе женевцами посланныхъ имъ проповѣдниковъ.

Дѣйствія Фареля, человѣка глубоко убѣжденнаго, честнаго, но страстнаго и не останавливавшагося передъ насиліемъ, возбуждали противъ него жителей. Поставленный среди двухъ огней, совѣтъ дѣйствовалъ не рѣшительно и часто дѣло доходило до открытыхъ демонстрацій. Неловкость противниковъ спасла реформацію. Епископъ женевскій увидѣлъ послѣднее средство удержать въ городѣ католицизмъ, въ открытой борьбѣ оружіемъ съ приверженцами протестантства. Онъ призвалъ на помощь врага Женевы, савойскаго герцога, и обратилъ его войска противъ женевцевъ. Такой поступокъ епископа, уроженца Женевы, выставилъ въ выгодномъ свѣтѣ Фареля и другихъ проповѣдниковъ, которые, будучи иностранцами, взяли въ свои руки защиту чужаго имъ города. Жители стали смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ друзей и повиноваться имъ во всемъ. Распространив-

шійся слухъ объ опасности, которой Фарель подвергается среди женевскихъ католиковъ, заставилъ и совѣтъ взять его подъ свое покровительство; онъ назначилъ ему помѣщеніе отъ города и, главное, допустилъ къ свободной проповѣди.

Въ это время въ Женевѣ явилась новая серьезная опасность со стороны Франціи, отъ которой она спаслась еще разъ благодаря, далеко впрочемъ не безкорыстному, вмѣшательству Берна, послѣдствіемъ чего былъ „вѣчный миръ" между двумя кантонами, и признаніе Женевы независимой съ обязательствомъ не заключать, безъ вѣдома Берна, союзовъ и не искать чужой помощи, допускать въ городъ во всякое время бернскихъ гражданъ и дѣйствовать вмѣстѣ во всѣхъ опасностяхъ. Въ числѣ условій было и единомысліе въ дѣлахъ вѣры, на которое въ договорѣ было обращено особенное вниманіе.

Такимъ образомъ послѣ тридцатилѣтней борьбы за независимость, Женева въ 1535 году сдѣлалась свободнымъ городомъ; всѣ верховныя права, раздѣлявшіяся прежде между епископомъ, графомъ и гражданами, принадлежали теперь однимъ послѣднимъ.

Сообразно съ этой перемѣной измѣнился и внѣшній видъ города. Зданія, принадлежавшія духовенству, были разрушены, или обращены на другія цѣли, епископскій дворецъ превращенъ въ тюрьму, и т. п. Точно также измѣнилось и внутреннее состояніе Женевы. Послѣ вынесенныхъ тяжелыхъ лѣтъ борьбы, благосостояніе жителей было значительно подорвано; торговля и промышленность въ упадкѣ, большая часть богатыхъ и наиболѣе дѣятельныхъ семействъ находилась въ изгнаніи; дома ихъ приходили въ развалины. Между оставшимися жителями царствовали раздоръ и несогласія, народъ былъ недоволенъ и обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ. Всего сильнѣе чувствовался недостатокъ въ людяхъ, спо-

собныхъ внушить къ себѣ довѣріе и возстановить порядокъ. Единственнымъ представителемъ старой либеральной партіи былъ Бониваръ, освобожденный бернцами изъ шильонскаго замка, куда онъ былъ заключенъ савойскимъ герцогомъ при вступленіи его въ Женеву и гдѣ просидѣлъ шесть лѣтъ прикованный къ столбу; но онъ не понималъ новаго настроенія жителей и не могъ имъ быть полезнымъ.

Точно также и состояніе церкви представляло значительныя затрудненія. Хотя съ 1535 г. Женева стала протестантскимъ городомъ, но въ ней все находилось еще въ броженіи; не было ни порядка въ управленіи церковью, ни установленныхъ правилъ. Проповѣди направлены были почти исключительно противъ папы и католицизма; Евангелія народъ не понималъ, а толковалъ его каждый по-своему. Пока война продолжалась, этого не замѣчали; но по окончаніи ея въ возстановленіи новаго церковнаго порядка почувствовалась серьезная необходимость. Фарель, до сихъ поръ видѣвшій свою задачу только въ разрушеніи стараго, очутился въ новыхъ, чуждыхъ ему условіяхъ. Онъ самъ возбудилъ народныя страсти, надѣясь при помощи ихъ скорѣе достигнуть желаемой цѣли, а теперь эти же страсти обратились противъ него самого. Нравственная и умственная распущенность, анархія—были главными препятствіями къ установленію порядка и дисциплины въ Женевѣ. Ежедневно происходили бурныя уличныя сцены, развратъ производился открыто, а проповѣдники сами не могли служить примѣромъ нравственной чистоты. Это были большей частью бывшіе монахи, спѣшившіе воспользоваться своей свободой. Къ тому же въ Женеву собрались во множествѣ чужестранцы самой сомнительной репутаціи, искатели приключеній, монахи, обокравшіе свои монастыри, игроки и всякаго рода темныя личности. Первое время въ городъ допускались всѣ, выдававшіе себя

за сторонниковъ новыхъ идей. Праздные люди наполняли трактиры, сдѣлавшіеся любимымъ мѣстопребываніемъ гражданъ; люди, проповѣдывавшіе прежде бѣдность и отреченіе, теперь, обогатившись во время переворота захватомъ церковныхъ имуществъ, или какимъ-нибудь инымъ путемъ, предавались роскоши; даже юношество заразилось общимъ недугомъ и принимало участіе въ разграбленіи церквей и иконъ; школы пришли въ упадокъ.

Въ довершеніе всего явилась опасность со стороны католиковъ, которые, видя общую неурядицу, не боялись открыто объявлять себя сторонниками стараго ученія. Многіе, особенно изъ высшаго и образованнаго класса общества, обратились къ новымъ идеямъ вовсе не потому, чтобы раздѣляли ихъ, но изъ политическихъ выгодъ, видя единственное свое спасеніе въ союзѣ съ Берномъ. Они, правда, не были уже болѣе искренними католиками, но и не были приверженцами Фареля, поступки котораго вызывали въ нихъ негодованіе. Фарель все это видѣлъ и при этомъ случаѣ выказалъ чрезвычайную дѣятельность; онъ ежедневно проповѣдывалъ съ каѳедры, стараясь примирить и успокоить умы. Онъ понималъ, что нужно привлечь къ себѣ и власти и народъ, что только при ихъ помощи можно положить конецъ анархіи. Не разъ онъ жаловался совѣту на холодность въ дѣлѣ вѣры, совѣтъ созывалъ генеральное собраніе и черезъ синдиковъ убѣждалъ гражданъ вникать въ проповѣди и съ довѣріемъ относиться къ проповѣдникамъ; но онъ дѣйствовалъ такъ не изъ любви къ Фарелю и не изъ желанія помочь ему, а для того, чтобы, приводя въ исполненіе его планы, поставить свѣтскую власть выше духовной. Совѣтъ хотѣлъ присвоить себѣ верховную власть, прежде принадлежавшую епископу, и спѣшилъ воспользоваться предложеніями Фареля, чтобы спасти свой авторитетъ, а его самаго выставлялъ только служителемъ со-

вѣта. Фарель же, конечно, смотрѣлъ на это дѣло иначе и такое отношеніе совѣта къ нему дѣлало положеніе его еще болѣе тяжелымъ; онъ чувствовалъ себя связаннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Къ тому же Фарель былъ совершенно одинъ, безъ помощниковъ, а самъ онъ чувствовалъ себя не въ силахъ произвести нужную реформу. Онъ обладалъ краснорѣчіемъ народнаго оратора, могущаго увлечь слушателей, но не былъ реформаторомъ; ему не доставало для этого организаторскаго таланта, спокойствія и увѣренности, ясности и глубины. Все это онъ самъ сознавалъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе и уже началъ падать духомъ отчаяваясь въ успѣхѣ своего дѣла, когда, совершенно неожиданно, явился къ нему на помощь человѣкъ, обладавшій всѣми необыкновенными качествами ума и характера, которыя одни могли тогда спасти реформацію въ Женевѣ.

Человѣкъ этотъ былъ Кальвинъ.

II.

Жанъ Кальвинъ родился въ 1509 году. Мать его скоро умерла, а отецъ, служившій чиновникомъ въ городѣ Нойоннѣ въ Пикардіи, не имѣлъ времени заниматься воспитаніемъ сына. Поэтому онъ отдалъ его въ аристократическое семейство своего пріятеля, гдѣ Жанъ учился вмѣстѣ съ другими дѣтьми. Онъ обнаружилъ съ дѣтскихъ лѣтъ необыкновенныя способности и здѣсь, въ аристократической семьѣ,

усвоилъ себѣ ту утонченность въ манерѣ и нравахъ, конечно относительную, на сколько это возможно было въ то грубое время, которыя такъ существенно отличали его отъ Лютера. Воспоминаніе объ этомъ семействѣ было кажется, единственнымъ пріятнымъ воспоминаніемъ юности Кальвина.

Родители предназначали его съ самаго начала къ духовному званію; ему не было еще 12 лѣтъ, когда по ходатайству отца, онъ былъ сдѣланъ капелланомъ и сталъ получать доходы, связанные съ этой должностью. Въ то время такіе случаи были не рѣдки. Благодаря этому онъ могъ, не обременяя своего отца, переѣхать вмѣстѣ съ семействомъ своего воспитателя въ Парижъ и тамъ продолжать образованіе.

Въ Парижѣ Кальвинъ вступилъ сначала въ коллегію Ламаршъ, но скоро оставилъ ее и перешелъ въ другую, гдѣ, вмѣстѣ съ курсомъ грамматики, ученикамъ читалась философія и богословіе. Здѣсь онъ велъ тихую, уединенную жизнь и строго выполнялъ религіозныя и другія обязанности. Онъ предавался занятіямъ съ такимъ рвеніемъ, что обратилъ на себя вниманіе учителей и былъ скоро переведенъ въ старшій классъ. Но товарищи не любили его. Его строгая, сухая, сдержанная манера, нравоучительный тонъ, который онъ нерѣдко принималъ съ ними, отталкивали ихъ отъ него. Они смѣялись надъ нимъ и дали ему прозвище „accusativ“ (винительный) за то, что онъ безпрестанно дѣлалъ имъ выговоры.

Въ тоже время отецъ Кальвина, въ качествѣ секретаря епископа, приготовилъ сыну еще второй приходъ и доходы съ него. Можно было надѣяться, что Кальвину откроется блестящая карьера на духовномъ поприщѣ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, отецъ его измѣнилъ свой планъ. Причина такой перемѣны неизвѣстна; весьма можетъ быть, что непріятности, возникшія въ то время между нимъ и ду-

ховенствомъ и кончившіяся отлученіемъ его отъ церкви, содѣйствовали этому. Какъ бы то ни было, Жанъ получилъ отъ отца приказаніе оставить богословіе и заняться изученіемъ права. Пришлось ли по вкусу сыну такое приказаніе, или нѣтъ, но, съ малолѣтства пріученный къ безусловному послушанію, онъ принялся прилежно изучать право сначала въ орлеанскомъ университетѣ, а потомъ въ Буржѣ. Онъ слушалъ извѣстныхъ въ то время юристовъ и занятія его юридическими науками не остались безъ вліянія на его характеръ и образъ мыслей. Сухой, строго логическій умъ его здѣсь окончательно выработался.

Неспособный къ порывамъ чувства, симпатіи, или любви, Кальвинъ весь отдался наукѣ. Отъ природы любознательный, онъ, просиживая цѣлые дни и ночи за книгами, не рѣдко забывалъ ѣсть и пить. Это отражалось на его здоровьѣ, которое и безъ того не было крѣпко. Въ университетѣ онъ скоро сдѣлался предметомъ удивленія не только учителей, но и товарищей. Его сильный умъ, удивительная память, легкость пониманія и особенно замѣчательное умѣнье излагать простымъ, но изящнымъ, остроумнымъ языкомъ лекціи поражали всѣхъ. Иногда онъ заступалъ мѣсто учителя въ аудиторіи. Это содѣйствовало тому, что онъ и самъ сдѣлался общительнѣе и доступнѣе и сошелся съ кружкомъ молодыхъ людей. Но все-таки онъ предпочиталъ свою тихую рабочую комнату шумному кружку ихъ и не избѣгалъ общества только немногихъ пріятелей, съ которыми его связывали главнымъ образомъ научные интересы. Онъ до такой степени увлекался занятіями, что всякій перерывъ въ нихъ былъ для него невыносимъ. Серьезная болѣзнь отца заставила его оторваться отъ книгъ; но сидя у постели умирающаго отца, онъ думалъ о нихъ. Это видно изъ писемъ его къ друзьямъ, которымъ, рядомъ съ извѣстіемъ о неминуемой

смерти отца онъ пишетъ, что съ нетерпѣніемъ ждетъ дня, когда опять возвратится къ своимъ занятіямъ.

При такой любознательности Кальвинъ не могъ долго ограничиваться однимъ изученіемъ юриспруденціи и, получивъ степень лиценціата, опять возобновилъ начатыя въ коллегіи Ла-Маршъ занятія гуманными науками, подъ которыми понимались тогда древніе языки и литература.

Еще болѣе, нежели въ Германіи, гуманизмъ имѣлъ во Франціи значеніе оппозиціи противъ господствующей церковной системы. Въ кружкѣ французскихъ гуманистовъ ученіе Лютера нашло себѣ приверженцевъ, хотя и не вполнѣ раздѣлявшихъ его образъ мыслей. Такое сочувствіе засталъ Кальвинъ въ университетахъ орлеанскомъ и буржскомъ, гдѣ онъ слушалъ лекціи вмѣстѣ со многими нѣмцами, для которыхъ борьба Лютера составляла важнѣйшее событіе времени. Понятно, что Кальвинъ не могъ, при такихъ обстоятельствахъ, не обратить вниманія на этотъ вопросъ. Къ тому же его любимый учитель, Вольмаръ, одобрялъ основныя положенія нѣмецкой реформаціи. Все это содѣйствовало тому, что Кальвинъ сталъ изучать церковный вопросъ, а такъ какъ сторонники новаго ученія опирались главнымъ образомъ на св. писаніе, то и Кальвинъ преимущественно занялся имъ.

Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ строго придерживаться прежней религіи и только послѣ сильной внутренней борьбы перешелъ на сторону противниковъ ея. На него также, какъ и на Лютера въ эрфуртскомъ монастырѣ, нападало по временамъ сомнѣніе, лишавшее его покоя. Убѣжденія друзей, раздѣлявшихъ взглядъ Лютера, производили на Кальвина сильное впечатлѣніе, но съ другой стороны, его отталкивалъ тотъ хаосъ, который представлялся ему неизбѣжнымъ съ уничтоженіемъ авторитета римской церкви. Онъ смотрѣлъ на религіозные вопросы такъ, какъ смотрѣли на нихъ обра-

зованные кружки Франціи, стоявшіе на почвѣ католической церкви и желавшіе только очищенія, но никакъ не разрушенія ея.

Впрочемъ еще болѣе, нежели церковные интересы, его занимали научные, и именно то безпокойство и неувѣренность, которыя въ немъ пробудили первые, заставляли его глубже предаваться изученію послѣднихъ. Въ 1531 г. умеръ отецъ Кальвина и онъ освободился отъ обязанности изучать право. Онъ могъ теперь предаться своей склонности и избрать себѣ занятія по вкусу; онъ и выбралъ гуманныя науки; основательнымъ изученіемъ ихъ онъ хотѣлъ приготовить себя къ званію ученаго и воображалъ себя въ будущемъ извѣстнымъ писателемъ. Ему нравились болѣе Рейхлинъ и Эразмъ Роттердамскій, знаменитые писатели и представители гуманизма въ XV вѣкѣ, нежели Лютеръ и Цвингли.

Двадцати лѣтъ Кальвинъ кончилъ курсъ наукъ; но онъ не считалъ свое образованіе оконченнымъ и переселился въ Парижъ, чтобы слушать лекціи знаменитаго въ то время эллениста, Данеса. Въ Парижѣ онъ нашелъ многихъ изъ своихъ прежнихъ пріятелей и возобновилъ съ ними сношенія. Все свое время онъ посвящалъ занятіямъ, слушалъ лекціи, рылся въ библіотекѣ и съ товарищами велъ почти исключительно научные разговоры. Письма, писанныя имъ въ то время, указываютъ на серьезное настроеніе его; вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ проявилась какая-то мягкость, и онъ сдѣлался доступнѣе для дружбы. Съ другой стороны, его пунктуальность, любовь къ порядку, доходившая до педантизма, производили на друзей его непріятное впечатлѣніе. Въ письмахъ Кальвина въ это время нѣтъ и слѣда какихъ-либо богословскихъ вопросовъ, или церковныхъ споровъ. Онъ, по видимому, опять возвратился къ своимъ прежнимъ взглядамъ на церковь и ея обряды. Возникшія было въ немъ сомнѣнія какъ-будто улеглись.

Годъ, проведенный Кальвиномъ въ Парижѣ посреди занятій наукою и друзей, былъ счастливѣйшимъ годомъ въ его жизни, хотя средства его были недостаточны, такъ какъ имущество, доставшееся ему послѣ отца, было разстроено, а доходы съ приходовъ его высылались ему неисправно.

Наконецъ въ 1532 году Кальвинъ задумалъ приступить къ первому своему серьезному сочиненію. Онъ выбралъ для этого произведеніе Сенеки „О кротости" и написалъ на него комментарій. Выборъ сочиненія, написаннаго Сенекою для императора Нерона, былъ истолкованъ такъ, что Кальвинъ хочетъ внушить королю Франциску I терпимость и кротость относительно приверженцевъ новыхъ идей. Имѣлъ ли Кальвинъ дѣйствительно такое намѣреніе—неизвѣстно; но сочиненіе его было вполнѣ ученымъ произведеніемъ съ многочисленными цитатами. Оно было замѣчено учеными хотя разошлось плохо такъ, что не покрылись даже издержки печатанія. Самъ Кальвинъ очень заботился о распространеніи своего сочиненія и просилъ друзей своихъ содѣйствовать этому для того, писалъ онъ, чтобы „слава его была упрочена".

III.

Отецъ Кальвина умеръ, отлученный отъ церкви; старшій братъ его, бывшій въ духовномъ званіи, также поссорился съ духовными властями и находился въ враждебныхъ съ ними отношеніяхъ; одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ его, Оливетанъ, горячій приверженецъ новаго ученія, упо-

треблялъ всѣ усилія, чтобы привлечь къ нему Кальвина — вотъ внѣшнія причины, не дававшія Кальвину окончательно устраниться отъ религіозныхъ вопросовъ. Но и внутреннее его состояніе не позволяло ему этого; разъ пробужденныя сомнѣнія безпрестанно возвращались и наконецъ довели его до рѣшенія, каковы бы ни были его послѣдствія, отдать себѣ ясный отчетъ въ своихъ сомнѣніяхъ. Для этого онъ сталъ внимательно прислушиваться ко всему, что ему говорили друзья. „Какъ будто озаренный внезапнымъ лучемъ свѣта," пишетъ онъ самъ, „я увидѣлъ, въ какой пропасти заблужденій, какъ будто въ глубокой грязи, я находился до сихъ поръ." Обращеніе его было внезапное и полное. Уваженіе къ авторитету римской церкви и страхъ отлученія отъ нея исчезъ. Кальвинъ понялъ, что есть разница между совершеннымъ отпаденіемъ отъ церкви и стремленіемъ улучшить ее. Это случилось во второй половинѣ 1532 г. Онъ тотчасъ же отказался отъ блестящей будущности, въ то время открывавшейся ему, и рѣшился сдѣлаться миссіонеромъ новыхъ религіозныхъ убѣжденій. Маленькая евангелическая община Парижа скоро увидѣла, какое сокровище она пріобрѣла въ новообращенномъ своемъ членѣ; не прошло и года, какъ Кальвинъ сдѣлался главнымъ дѣятелемъ ея. „Все, что склонялось къ новому ученію," говоритъ онъ, „собиралось вокругъ меня, для того чтобы научиться у меня, молодаго человѣка и новичка!"

Обращеніе Кальвина произошло въ то время, когда обстоятельства сложились нѣсколько благопріятнѣе для евангелической партіи. Въ университетѣ либеральное направленіе одержало верхъ и пріятель Кальвина, Копъ, былъ назначенъ ректоромъ его. Францискъ I по видимому отказался отъ своей строгости относительно новаторовъ. Вліяніе сестры его, Маргариты Валуа, усилилось при дворѣ, а это влія-

ніе было всегда на сторонѣ церковной оппозиціи. Она сама написала сочиненіе „Зеркало грѣшной души,“ которое Сорбонна (богословскій факультетъ парижскаго университета) осудила; но, призванные отдать въ этомъ приговорѣ отчетъ королю, прочіе университетскіе факультеты отказались присоединиться въ Сорбоннѣ и не признали ея приговора.

При такихъ обстоятельствахъ Кальвину пришла мысль открыто, передъ цѣлой Франціей, обнародовать новое ученіе. Въ праздникъ всѣхъ святыхъ, когда Копъ, какъ ректоръ унивеситета, по обычаю, долженъ былъ говорить публичную рѣчь, Кальвинъ составилъ эту рѣчь; она называлась „О христіанской философіи“. Въ этомъ сочиненіи, въ сжатой формѣ, излагались основныя мысли новаго ученія; оно заключало въ себѣ и нападки на „софистовъ“, подъ которыми нельзя было не видѣть Сорбонну; однимъ словомъ это былъ вызовъ католической партіи. Сорбонна и парламентъ потребовали разслѣдованія этого дѣла. Ректоръ бѣжалъ въ Базель. Кальвинъ тоже подвергся преслѣдованіямъ; онъ былъ признанъ за автора рѣчи и въ то время, когда самъ скрывался у друзей, въ его квартирѣ былъ произведенъ обыскъ, при чемъ захвачены всѣ его бумаги. Не смотря на заступничество Маргариты Валуа, оставаться ему въ Парижѣ было не возможно и онъ принужденъ былъ бѣжать въ южную Францію.

Нѣкоторое время Кальвинъ прожилъ подъ чужимъ именемъ въ Ангулемѣ, гдѣ нашелъ въ домѣ одного каноника дружескій пріемъ и богатую библіотеку. Обстоятельства научили его осторожности и онъ понялъ, что вести дѣло такимъ путемъ, какимъ онъ было началъ его, нельзя. Поэтому онъ воспользовался своимъ уединеніемъ и въ тиши обдумалъ планъ будущаго своего сочиненія, сдѣлавшагося, со времени своего появленія, Кораномъ французскихъ кальвинистовъ. Но

Кальвинъ не считалъ возможнымъ долго оставаться въ Ангулемѣ и въ концѣ 1534 года предпринялъ путешествіе по южной и средней Франціи. Вездѣ онъ входилъ въ сношенія съ образованными кружками и не упускалъ изъ виду своей главной цѣли—распространенія новыхъ идей. Въ томъ же году онъ издалъ свое первое богословское сочиненіе противъ весьма распространенной во Франціи секты анабаптистовъ (перекрещенцевъ). Въ этомъ сочиненіи уже преобладаетъ рѣзкій, полемическій тонъ вмѣсто гуманнаго, научнаго, отличавшаго его сочиненіе „О кротости.“ Всѣ свои доказательства Кальвинъ беретъ только изъ св. писанія.

Подвигаясь все далѣе на сѣверъ Кальвинъ дошелъ до Парижа, но присутствіе его тамъ совпало съ обстоятельствомъ, вызвавшимъ новыя преслѣдованія противъ нововводителей. На всѣхъ публичныхъ мѣстахъ столицы, и даже, говорятъ, въ комнатахъ королевскаго дворца въ Блуа появился летучій листокъ: „Объ отвратительныхъ и громадныхъ злоупотребленіяхъ папской мессы.“ Вслѣдствіе этого начались аресты; многіе изъ друзей Кальвина были схвачены и самъ Кальвинъ увидѣлъ, что во Франціи, при такихъ обстоятельствахъ, онъ не добьется ничего. Поэтому онъ отправился, вмѣстѣ съ ангулемскимъ каноникомъ, Тилле, котораго онъ совершенно обратилъ къ своему ученію, въ Страсбургъ, служившій въ то время убѣжищемъ французскимъ эмигрантамъ. Но онъ не думалъ оставаться здѣсь и запасшись средствами отправился въ Базель, выбранный имъ для жительства.

Тутъ онъ поселился въ уединенномъ мѣстѣ, вновь предался своимъ занятіямъ и сталъ избѣгать всего, что могло нарушить его спокойствіе. Жилъ онъ и здѣсь подъ чужимъ именемъ и видѣлся только съ очень ограниченнымъ кружкомъ ученыхъ. Онъ началъ было писать по поводу появившагося, въ то время, перевода библіи на французскій языкъ,

но извѣстія изъ Франціи, гдѣ обстоятельства становились день ото дня все хуже, оторвали его отъ этой работы. Кальвинъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ несчастію своихъ единомышленниковъ и рѣшился помочь имъ. Въ рукахъ его не было иного къ тому средства, какъ перо, и онъ поспѣшилъ написать задуманное еще въ Ангулемѣ сочиненіе „О христіанской институціи,“ (Institutio Religionis Christianae), въ которомъ систематически изложилъ новое ученіе.

IV.

Сочиненіе это Кальвинъ предполагалъ писать по-французски, но потомъ передумалъ, желая, чтобъ оно въ то же время служило оправданіемъ его единомышленниковъ передъ другими націями и поэтому издалъ его на латинскомъ языкѣ. Въ первый разъ оно появилось въ Базелѣ, въ 1536 году, а впослѣдствіи было переведено самимъ Кальвиномъ на французскій языкъ.

Сочиненіе „О христіанской институціи“ есть не только важнѣйшее произведеніе Кальвина, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ было программой, отъ которой онъ не отступилъ во всю свою жизнь. Поэтому необходимо ознакомиться съ его содержаніемъ.

Кальвинъ взялъ въ основу своего ученія идеи Лютера, но не остановился на полдорогѣ, а съ неутомимою послѣдовательностью довелъ ихъ до конца. Такъ возникло то стран-

ное ученіе, которое могло быть принято только въ такое исключительное время, когда неудовольствіе охватывало всѣ слои общества и когда одна крайность могла быть замѣнена только другою. Исключительнымъ авторитетомъ Кальвинъ признавалъ св. писаніе и не допускалъ вмѣшательства человѣческаго разума и философіи въ дѣла религіи. Основнымъ догматомъ его было ученіе о предопредѣленіи, въ силу котораго судьба каждаго человѣка заранѣе рѣшена свыше и одному Богу извѣстно, кто избранъ къ спасенію и кто нѣтъ. Тѣмъ не менѣе человѣкъ, по ученію Кальвина, будучи твердо увѣренъ въ своемъ безсиліи измѣнить разъ постановленное относительно его рѣшеніе, обязанъ исполнять всѣ предписанія церкви, устранять всякое сомнѣніе въ своемъ избраніи и съ довѣріемъ идти къ своему спасенію, хотя бы онъ и не зналъ, что его ожидаетъ. „Человѣкъ падаетъ", говоритъ Кальвинъ, „потому что такъ постановлено свыше, но грѣшитъ онъ по своей винѣ".

Всю безпощадность этого ученія Кальвинъ сознавалъ самъ; оно страшило его, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ такъ сильно былъ убѣжденъ въ его истинности, что подавлялъ въ себѣ всякое чувство пытливости и тоже предписывалъ другимъ. „Лучше," говоритъ онъ, „невѣжество вѣрующаго, нежели дерзкое знаніе". Всѣ люди, по его ученію, должны заботиться о возвышенныхъ задачахъ жизни, пренебрегать всѣми мелочами ея, всѣмъ, что прямо не касается спасенія, что говоритъ чувству и отвлекаетъ отъ главной цѣли. Кальвинъ смотрѣлъ на землю, какъ на юдоль плача и скорби; поэтому устранялъ все, что веселитъ, украшаетъ жизнь. Удовольствія, комфортъ, удовлетвореніе эстетическихъ потребностей должны уступить мѣсто одному поклоненію Богу, являющемуся у Кальвина холоднымъ, безпощаднымъ.

Самое строгое единство вѣрующихъ, по ученію его, есть

необходимое начало церковной организаціи. Охрану этого единства Кальвинъ ввѣрялъ духовенству и преимущественно пасторамъ, которыхъ онъ считалъ звеномъ, связывающимъ вѣрныхъ, представителями Бога на землѣ и ставилъ знаки священства даже выше знаковъ королевской власти. Пасторовъ, по ученію Кальвина, долженъ избирать народъ; но предлагаютъ ихъ къ выбору другіе пасторы. Такимъ образомъ выборы остаются, собственно говоря, въ рукахъ духовенства, которое всегда можетъ противодѣйствовать народу. Избранный пасторъ утверждается въ своемъ званіи только удовлетворивъ строгому экзамену въ догматахъ вѣры и правилахъ церковной дисциплины, подписавъ исповѣданіе вѣры и давъ клятву въ точномъ его соблюденіи. Пасторы пользуются обширной властью; они могутъ во всякое время входить въ домъ каждаго и наблюдать за его жизнью. Наказанія налагаются не ими непосредственно, но консисторіею, или судебнымъ трибуналомъ, который состоитъ изъ тѣхъ же пасторовъ и находится при каждой церкви. Въ этомъ трибуналѣ, вмѣстѣ съ пасторами, засѣдаютъ и старѣйшины, выбранные народомъ. Члены консисторій контролируются національнымъ синодомъ, состоящимъ изъ пасторовъ и старѣйшинъ всѣхъ церквей округа. Отъ пасторовъ требуется совершенная чистота жизни, чтобы они по совѣсти могли наблюдать за жизнью другихъ.

Церкви Кальвинъ давалъ право опредѣлять проступокъ виновныхъ въ нарушеніи предписаній ея, налагать проклятіе на нихъ и требовать отъ государства исполненія ея постановленій. Но самое исполненіе приговора она, какъ представительница духа, предоставляла гражданской власти, государству.

Также какъ пасторы, правительственныя лица, по ученію Кальвина, суть представители Бога на землѣ, а государство

установлено имъ самимъ. Кальвинъ сходился съ Лютеромъ въ томъ, что подобно ему требовалъ безусловнаго повиновенія властямъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они употребляютъ насильственныя мѣры, или являются тиранами. Но это повиновеніе свѣтской власти Кальвинъ обусловливалъ такимъ же безпрекословнымъ подчиненіемъ этой власти предписаніямъ церкви. Въ одномъ только случаѣ онъ допускалъ ослушаніе свѣтскихъ властей — это тогда, когда послѣднія требуютъ отъ подданнаго чего-либо противнаго волѣ Бога; тогда Кальвинъ разрѣшалъ не только пассивное сопротивленіе, но и активное.

Обязанности государей также ясно опредѣлены въ сочиненіи Кальвина. Онъ предписываетъ имъ не отягощать народъ налогами иначе, какъ для удовлетворенія общественныхъ нуждъ, не покрывать притѣснителей народа, а преслѣдовать и наказывать ихъ.

Кальвинъ опредѣляетъ даже форму правленія, наиболѣе, по его мнѣнію, гарантирующую народное благосостояніе. Форма эта—чисто аристократическая. Въ этомъ предпочтеніи Кальвина къ аристократіи передъ всѣми другими классами и формами правленія сказалось вліяніе его воспитанія въ аристократической семьѣ. Если когда-нибудь Кальвинъ на шагъ отступилъ отъ своей теоріи, то это только для аристократіи, дозволивъ ей сопротивляться государю.

Онъ не вдругъ выработалъ эту систему, положившую начало организаціи протестантской партіи, организаціи, спасшей реформу въ то время, когда она была на краю гибели. Сочиненіе „О христіанской институціи“ есть важнѣйшее литературное произведеніе реформаціи; за него Кальвина называли Аристотелемъ реформаціи. Кромѣ поразительной логики и начитанности, оно удивляетъ еще языкомъ, которымъ написано. Нѣкоторыя мѣста его сравниваютъ съ лучшими

мѣстами сочиненій Паскаля и Боссюэта. Но не смотря на эти качества, оно не могло не производить ужасающаго впечатлѣнія на читателя. Это впечатлѣніе усиливалось еще и тономъ, принятымъ Кальвиномъ относительно своихъ враговъ. Онъ обзываетъ ихъ самыми оскорбительными словами— дикими животными, погаными собаками, шипящими змѣями и т. п. Но въ то время это не мѣшало успѣху книги. Она расходилась быстро, конечно только среди образованныхъ кружковъ и въ этой средѣ дѣйствіе ея было чрезвычайно сильно.

Въ 1541 году сочиненіе Кальвина было издано на французскомъ языкѣ, и съ тѣхъ поръ одно изданіе слѣдовало за другимъ. Оно было переведено почти на всѣ европейскіе языки и для французскихъ протестантовъ получило значеніе Лютерова перевода библіи. Ни одно изъ сочиненій реформаторовъ не подвергалось такимъ преслѣдованіямъ католиковъ, какъ „О христіанской институціи", но за то ни одно и не было столь страшно для нихъ.

Когда Кальвинъ писалъ свою книгу, онъ никакъ не думалъ, что ему придется лично приводить въ исполненіе ея программу. Онъ не чувствовалъ никакого влеченія къ общественной дѣятельности и не считалъ себя способнымъ къ ней. Онъ хотѣлъ въ уединеніи вести перомъ борьбу съ папствомъ и до такой степени боялся обратить на себя вниманіе, что въ Базелѣ не говорилъ даже друзьямъ о томъ, что пишетъ свое сочиненіе. Говорятъ, будто послѣ появленія въ свѣтъ книги „О христіанской институціи", Кальвинъ опять изъ того же страха быть предметомъ общаго вниманія, рѣшился покинуть Базель и отправился въ Италію, куда его впрочемъ уже давно влекло. Но лишь-только онъ перешелъ итальянскую границу, какъ инквизиція и общественное настроеніе умовъ принудили его возвратиться. Тогда онъ рѣ-

шился пробраться въ свой родной городъ, Нойонъ—чтобы устроить тамъ свои домашнія дѣла. Ему это удалось и приведя все въ порядокъ, онъ на всегда простился съ родиной, думая пробраться въ одинъ изъ евангелическихъ городовъ, Страсбургъ или Базель, поселиться тамъ и дѣйствовать, все же путемъ литературы, для распространія новаго ученія. Жить онъ хотѣлъ доходами съ своихъ сочиненій. Но въ то время, по случаю войны, Кальвину нельзя было пройти черезъ Лотарингію, и онъ принужденъ былъ сдѣлать обходъ на Савойю. Такъ онъ случайно прибылъ въ Женеву, гдѣ думалъ провести только одну ночь, и на слѣдующее утро продолжать свой путь.

Придя въ Женеву вечеромъ, Кальвинъ посѣтилъ своего пріятеля, каноника Тилле, поселившагося тамъ. Тилле разсказалъ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ о пріѣздѣ Кальвина, имя котораго уже было въ то время извѣстно въ Женевѣ. Лишь-только узналъ объ этомъ Фарель, онъ поспѣшилъ къ Кальвину, явившемуся ему какъ-бы нарочно ниспосланнымъ для спасенія женевской церкви, и сталъ убѣждать его на всегда поселиться въ Женевѣ и посвятить свою дѣятельность устройству новой церкви. Но Кальвинъ отклонилъ отъ себя это предложеніе; на убѣдительныя просьбы Фареля онъ отвѣчалъ указаніемъ на свою молодость, неопытность, необходимость докончить свое образованіе и просилъ Фареля не настаивать болѣе на своей просьбѣ. Тогда Фарель видя, что всѣ убѣжденія не дѣйствуютъ прибѣгнулъ къ угрозамъ и, принимая пророческій тонъ, воскликнулъ: „Богъ проклянетъ тебя, если ты откажешь намъ помочь въ Его дѣлѣ.“ Глубоко потрясенный этой угрозой, Кальвинъ сдался на увѣщанія Фареля и далъ слово пріѣхать въ Женеву какъ только устроитъ свои дѣла въ Базелѣ. Дѣйствительно, въ томъ же 1536 году, двадцати семи лѣтъ отъ роду, Кальвинъ окончательно переселился въ Женеву.

V.

Кальвинъ былъ высокаго роста и худощавъ. Вся его фигура, продолговатое, блѣдное, изнуренное лицо, окаймленное плоскими темными волосами, впалыя щеки, тонкія губы, глаза, выражавшія рѣшимость, холодный, энергическій взглядъ, тонкій, острый носъ и такой же подбородокъ, оканчивавшійся бородою клиномъ,—наводили страхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ внушали и уваженіе къ нему. Безчувственность и сухость, которыми дышала вся его фигура, отталкивали отъ него; но съ другой стороны, въ ней чувствовалась непреклонная воля, заставлявшая покоряться ему. Французскій историкъ Мартенъ характеризуетъ его такъ: „Логика и воля — вотъ въ двухъ словахъ Кальвинъ.“

Сначала Кальвинъ отказался взять на себя въ Женевѣ какую-либо опредѣленную должность, а ограничился лекціями по Новому Завѣту, которыя читалъ въ соборѣ св. Петра. Но скоро, по предложенію Фареля, совѣтъ назначилъ его лекторомъ богословія въ коллегіи. Лекціи его производили впечатлѣніе и посѣщалались большимъ числомъ слушателей, такъ что онъ былъ сдѣланъ проповѣдникомъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Фарель во всемъ спрашивалъ его совѣта и безъ согласія его не предпринималъ ничего. Основательная ученость и свѣтлый умъ Кальвина сразу внушили уваженіе Фарелю. Онъ былъ дѣйствительно убѣжденъ, что Кальвинъ приведенъ въ Женеву самимъ Богомъ; все это вело къ тому, что Фарель легче переносилъ оскорбленіе, нанесенное ему самому, нежели Кальвину и предоставлялъ послѣднему руководить собою.

Кальвинъ своимъ проницательнымъ взглядомъ тотчасъ убѣдился, что дѣйствія Фареля, ограничивавшагося лишь проповѣдями противъ папства и немногими дисциплинарными мѣрами, недостаточны. Въ нихъ не было плана и системы. Кальвинъ взялся исправить этотъ недостатокъ. Онъ полагалъ необходимымъ установить твердое ученіе, распространить его въ народѣ и ввести правильное церковное управленіе съ строгою нравственною дисциплиною. Съ этою цѣлью онъ самъ изложилъ для народа главныя положенія реформаціи. Совѣтъ утвердилъ эти положенія и принялъ для введенія въ школы евангелическій катехизисъ, составленный Кальвиномъ, изложившимъ въ немъ буквально нѣкоторыя мѣста своего большого сочиненія, но въ болѣе простой, популярной формѣ. Послѣ этого Фарель, вмѣстѣ съ Кальвиномъ, составили и подали совѣту проектъ будущей церковной организаціи Женевы.

Кальвинъ особенно настаивалъ на отлученіи отъ церкви всѣхъ непокорныхъ ей и предлагалъ совѣту избрать изъ среды гражданъ достойныхъ людей, которымъ и поручить надзоръ за соблюденіемъ церковныхъ предписаній.

Проектъ этотъ, за весьма немногими измѣненіями, также былъ утвержденъ и обнародованъ совѣтомъ. Когда стали приводить къ присягѣ новой формулѣ вѣры народъ, то большинство присягнуло; но оказались и такіе, которые находили, что предписываемыя имъ правила черезъ чуръ стѣсняютъ личную свободу. Особенно правила, касавшіяся нравственности, возбудили противъ себя неудовольствіе. Но вліяніе Кальвина и Фареля было уже такъ сильно, что все обошлось хорошо, и они принялись за довершеніе преобразованія Женевы. При содѣйствіи совѣта, во всемъ ихъ слушавшаго, они ввели такую церковную и полицейскую дисциплину, что скоро веселый, свободный городъ превратился

въ монастырь. За малѣйшее нарушеніе предписанныхъ правилъ налагались наказанія весьма строгія: одинъ игрокъ былъ поставленъ къ позорному столбу съ привязанными къ шеѣ картами; парикмахерша, убравшая голову одной молодой женщинѣ слишкомъ нарядно, должна была высидѣть нѣсколько дней въ тюрьмѣ. Наказанія налагались безъ всякаго различія личности, на богатаго и знатнаго, какъ и на бѣднаго и простаго человѣка. Послѣднее обстоятельство и привлекало первое время народъ къ нововведенію.

Подъ вліяніемъ обстоятельствъ характеръ Кальвина вполнѣ сложился; первоначальная робость, неувѣренность въ себѣ, исчезли. Теперь упрямый и гордый, онъ сталъ нетерпимъ до такой степени, что не допускалъ малѣйшаго противорѣчія себѣ и готовъ былъ на все, чтобы достигнуть предположенной цѣли. Пунктуальность и аккуратность его перешли въ невыносимый педантизмъ. Все, что по его мнѣнію было нравственно, должно было казаться такимъ и въ глазахъ другихъ. Въ борьбѣ съ врагами онъ не останавливался ни передъ чѣмъ и пользовался для этого громадной властью, которую пріобрѣлъ въ Женевѣ. Онъ изгонялъ ихъ, осуждалъ на смертную казнь, неприлично ругался въ печати. Гордость его была такъ громадна, что онъ самъ говорилъ о ней, какъ о такомъ своемъ порокѣ, отъ котораго ему всего труднѣе избавиться. Правда, дѣятельность его и энергія были неистощимы. Работать для своего дѣла было для него необходимостью, и хотя онъ при крайне плохомъ здоровьѣ очень часто подвергался изнурительнымъ болѣзнямъ, но это не ослабляло его энергіи. Мало по малу Кальвинъ втягивался въ управленіе дѣлами Женевы, не только церковными, но и политическими. Онъ присутствовалъ въ засѣданіяхъ городского совѣта, поучалъ пасторовъ и не пропускалъ безъ вниманія ни одного дѣла. Кромѣ того, онъ три раза въ недѣлю

читалъ лекціи богословія и проповѣдывалъ по два и по три раза въ день.

Однако уже съ 1537 года въ Женевѣ стали показываться признаки, не предвѣщавшіе ничего добраго для Кальвина. Сначала перекрещенцы, пользовавшіеся въ Женевѣ нѣкоторымъ вліяніемъ, стали опровергать частности ученія его; но совѣтъ безъ труда заставилъ ихъ замолчать и даже, подъ угрозой смертной казни, приказалъ главнѣйшимъ изъ нихъ выѣхать изъ Женевы. Важнѣе было нападеніе изъ Лозанны, обвинявшее Кальвина въ ереси. Узнавъ объ этомъ, Кальвинъ пришелъ въ ярость. Обвинять его въ ереси — самомъ большомъ, по его мнѣнію, преступленіи,—значило задѣть его за живое, нанести ему оскорбленіе въ томъ, въ чемъ онъ поставлялъ свою величайшую гордость. Онъ потребовалъ созванія синода въ Лозаннѣ и самъ поѣхалъ хлопотать объ этомъ въ Бернъ. Желаніе его было удовлетворено. Въ 1537 г. болѣе ста человѣкъ духовныхъ собрались въ Лозаннѣ. Изъ Женевы пріѣхалъ Кальвинъ съ Фарелемъ и другимъ своимъ единомышленникомъ, Куро. Здѣсь, въ первый разъ, Кальвинъ выказалъ ту бурную страстность, которая впослѣдствіи такъ устрашала его противниковъ. Онъ напалъ на своего врага съ силою, поразившею собраніе, бросилъ ему въ лицо его безнравственную жизнь, осыпалъ его насмѣшками и ругательствами и въ заключеніе сталъ оправдываться передъ синодомъ. Онъ восторжествовалъ надъ противниками и побѣдоносный возвратился въ Женеву. Но радость его отравлялась мыслью, что нашлись люди, осмѣлившіеся сомнѣваться въ чистотѣ его ученія и запятнать его названіемъ еретика.

Не это должно бы было печалить Кальвина, а то, что хотя синодъ въ Лозаннѣ и произнесъ оправдательный надъ нимъ приговоръ, тѣмъ не менѣе въ Лозаннѣ, а еще болѣе въ Бернѣ, стали смотрѣть недовѣрчиво на дѣло реформаціи въ

Женевѣ. Фарель уже давно утратилъ свою популярность въ глазахъ бернскаго совѣта, а синодъ въ Лозаннѣ послужилъ прологомъ къ будущей серьезной борьбѣ Берна съ Женевой.

Еще опаснѣе представлялось настроеніе, начавшее обнаруживаться въ Женевѣ. Чрезмѣрная строгость, съ которою вводили новыя правила и то обстоятельство, что Кальвинъ былъ не швейцарецъ, а французъ, слѣдовательно иностранецъ, эмигрантъ, окружавшій себя соотечественниками, оскорбляли женевскихъ гражданъ. Все это вмѣстѣ повело къ тому, что значительное число жителей рѣшительно отказалось принести требуемую присягу и когда имъ велѣно было оставить городъ, они объявили, что никто не имѣетъ права принудить ихъ къ тому. Тутъ обнаружилось, какъ мало реформа Кальвина проникла въ сознаніе женевцевъ. Оскорбленные тономъ, который приняли проповѣдники и особенно Кальвинъ по отношенію къ нимъ, они стали производить безпорядки, которые хотя и были на первыхъ порахъ остановлены совѣтомъ, но ясно показали Кальвину, что положеніе его вовсе не такъ прочно, какъ это ему казалось. Даже совѣтъ началъ колебаться. Вмѣсто того, чтобы нѣсколько уступить, Кальвинъ и его друзья еще болѣе возвысили тонъ и стали сильнѣе настаивать на немедленномъ введеніи ихъ ученія, особенно присяги и отлученія отъ церкви Совѣтъ положительно отказалъ въ этомъ. Тогда друзья Кальвина заговорили объ умѣренности, но самъ онъ не уступалъ и повелъ съ каѳедры такую рѣчь, какая рѣдко раздавалась въ христіанской церкви; даже приверженцы реформы были оскорблены ею.

VI.

Такъ образовался между проповѣдниками и общиной разрывъ, кончившійся для Кальвина весьма печально. Единственнымъ средствомъ установить порядокъ было удовлетворить требованіямъ населенія, а оно соглашалась примириться не иначе, какъ на условіи, чтобы проповѣдники были изгнаны. Кальвинъ обратился за помощью къ Берну, который сначала принялъ было его сторону, но потомъ, узнавъ въ чемъ дѣло и видя, что и кантоны, подвластные Берну, вводятъ у себя женевскіе обычаи, потребовалъ отъ женевскаго духовенства, чтобы оно возстановило въ Женевѣ прежніе „бернскіе нравы.“ Это требованіе Берна сдѣлалось лозунгомъ всѣхъ недовольныхъ Кальвиномъ.

При такихъ обстоятельствахъ наступили выборы совѣта. Кальвинъ понималъ все значеніе этого выбора и употребилъ всѣ старанія, чтобы прежній совѣтъ былъ вновь избранъ, но оппозиція одержала верхъ и со вступленіемъ въ совѣтъ новыхъ лицъ борьба приняла иной характеръ. Сначала совѣтъ поддерживалъ Кальвина и его друзей, но только въ томъ, что казалось ему благоразумнымъ, и съ перваго же шагу рѣшился поставить свѣтскую власть выше духовной. Кальвинъ и Фарель увидѣли, что все дѣйствительно перемѣнилось вмѣстѣ съ новымъ составомъ совѣта; но они считали измѣной своему дѣлу сдѣлать какую-либо уступку и рѣшились лучше пасть въ борьбѣ. По прежнему проповѣди ихъ были исполнены рѣзкихъ нападокъ на непокорныхъ, которые осыпались ругательствами. Тогда народъ сталъ дѣлать всевозможныя демонстраціи. Сидя у своего стола, Кальвинъ могъ слышать раздававшіеся подъ окнами его крики: „въ воду измѣнниковъ!“, очевидно

относившіеся къ нему и его сторонникамъ. Въ двери его стучали, ломились. Власти не вмѣшивались, такъ какъ и самъ Кальвинъ, не щадилъ ихъ и называлъ совѣтъ „чортовой коллегіей.“ Весь этотъ кризисъ разрѣшился тѣмъ, что изъ Берна пришло извѣстіе, будто нововводители имѣютъ въ виду подчинить Женеву французскому королевству. Проповѣдники получили предписаніе не вмѣшиваться въ государственныя дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ удаленіе ихъ было рѣшено. Для того, чтобы имѣть предлогъ исполнить это рѣшеніе, Бернъ созвалъ еще разъ синодъ въ Лозаннѣ, на которомъ было постановлено пригласить Кальвина и Фареля подчиниться бернскимъ обычаямъ, а когда они отъ этого отказались, то имъ запретили проповѣдывать. Но Кальвинъ и Фарель не обратили вниманія на это запрещеніе и въ тотъ же день отправились — Кальвинъ въ соборъ, а Фарель въ другую церковь. Съ каѳедры они объявили, что не намѣрены раздавать причастіе для того, чтобы не оскорбить св. таинство, раздавая его такъ, какъ это дѣлалось въ Бернѣ. Толпа зашевелилась и обступила каѳедру. Друзья Кальвина окружили его и съ трудомъ пробрались съ нимъ сквозь народъ. Генеральный совѣтъ, состоявшій изъ всѣхъ гражданъ Женевы, узнавъ объ этомъ, измѣнилъ принятое было малымъ совѣтомъ рѣшеніе изгнать Кальвина и Фареля, какъ только будетъ назначенъ имъ преемникъ, и предписалъ имъ удалиться изъ города черезъ три дня. Кальвинъ и Фарель приняли это извѣстіе съ наружнымъ спокойствіемъ. „Еслибы мы служили людямъ“, сказалъ Кальвинъ, „то насъ дурно наградили, но мы служимъ Богу, и онъ не замедлитъ ниспослать намъ награду за наши дѣла.“ Они немедленно стали готовиться къ отъѣзду. Народъ не скрывалъ своего торжества, открыто праздновалъ побѣду и осыпалъ насмѣшками Кальвина и Фареля, особенно послѣдняго.

Кальвинъ и Фарель также выказывали свою радость, что наконецъ могутъ съ спокойной совѣстью уѣхать изъ опротивѣвшаго имъ города; но едвали радость ихъ была искренна. Ихъ огорчало то, что народъ, который еще недавно относился къ нимъ съ такимъ уваженіемъ теперь изгоняетъ ихъ; еще болѣе они боялись, чтобы Женева не отпала совсѣмъ отъ нихъ и отъ реформаціи. Эта мысль не давала имъ покоя и прямо изъ Женевы они отправились въ Бернъ хлопотать о своемъ возвращеніи. Имъ удалось уговорить бернскія власти написать въ Женеву въ ихъ пользу; но отвѣтъ на это посланіе былъ неблагопріятеенъ для изгнанниковъ. Тогда они отправились въ Цюрихъ, гдѣ въ то время происходилъ общій швейцарскій синодъ. Они изложили ему свои жалобы въ гораздо болѣе умѣренномъ тонѣ и подали 14 статей, которыя просили переслать въ Женеву. Въ этихъ статьяхъ заключались условія, на которыхъ Кальвинъ предлагалъ возвратиться къ прежней дѣятельности въ Женевѣ. Условія эти были таковы, что синодъ, прочитавъ ихъ, хотя и призналъ составителей ихъ людьми пекущимися о благосостояніи христіанской церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ посовѣтовалъ имъ поболѣе „христіанской кротости.“ Впрочемъ синодъ отправилъ отъ себя посланіе въ пользу изгнанниковъ въ Женеву, но отказался передать ихъ статьи и вообще принять какое-либо дальнѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ. Тогда Кальвинъ и Фарель, возвратясь въ Бернъ, опять было попробовали привлечь на свою сторону бернское духовенство; но встрѣтили такую холодность, что всякая надежда добиться чего-либо съ этой стороны у нихъ пропала. По цѣлымъ часамъ имъ приходилось стоять у дверей своихъ бернскихъ собратьевъ, прежде чѣмъ быть допущенными къ нимъ. Они выслушали отъ нихъ столько унизительныхъ упрековъ, что Фарель даже потерялся, а Кальвинъ никогда впослѣдствіи

не могъ забыть всего, перенесеннаго имъ въ то время въ Бернѣ.

Наконецъ, какъ къ послѣднему средству, они обратились къ свѣтскимъ властямъ, которыя оказались милостивѣе къ нимъ, нежели духовныя. Они отправили съ Кальвиномъ и Фарелемъ въ Женеву посольство, которому поручено было сдѣлать еще попытку примирить проповѣдниковъ съ народомъ. Но за версту до городскихъ воротъ Женевы, посольство было встрѣчено посланными изъ города, напомнившими Кальвину и Фарелю, что въ силу декрета объ ихъ изгнаніи, они не смѣютъ войти въ городъ. Спутникамъ ихъ сначала удалась защита Кальвина и Фареля передъ народомъ, но все впечатлѣніе ихъ рѣчей испарилось лишь только были прочитаны 14 статей, написанныхъ Кальвиномъ. Генеральный совѣтъ гражданъ еще разъ подтвердилъ первоначальный свой декретъ.

Потерявъ всякую надежду вернуться въ Женеву, Кальвинъ и Фарель пріѣхали было еще разъ въ Бернъ, но встрѣтили здѣсь такой пріемъ, что не простясь ни съ кѣмъ, покинули городъ и поселились на время въ Базелѣ. На пути они претерпѣли бурю и разнаго рода лишенія. Измученные физически и нравственно они отдохнули только въ Базелѣ, гдѣ нашли многихъ изъ своихъ друзей. Но спокойствіе ихъ исчезло. Извѣстія, приходившія изъ Женевы, были до того неблагопріятны для нихъ, что самъ Кальвинъ отсовѣтовалъ одному изъ своихъ женевскихъ друзей, желавшему навестить его въ Базелѣ, сдѣлать это,—изъ боязни навлечь на него гнѣвъ гражданъ.

Мало по малу волненіе въ Женевѣ стало затихать. Кальвинъ также нѣсколько успокоился. Онъ первый одумался и утѣшалъ себя мыслью о Божьемъ провидѣніи, ведущемъ его къ назначенной цѣли. Черезъ два мѣсяца послѣ прибытія въ

Базель, Фарель былъ приглашенъ въ Нёйенбургъ, а Кальвинъ нѣсколько позже согласился переѣхать въ Страсбургъ и посвятить себя устройству тамошней церкви.

VII.

Подъ впечатлѣніемъ только что вынесеннаго Кальвиномъ пораженія въ Женевѣ, онъ не хотѣлъ ни за что брать на себя какую-либо общественную должность. По этой причинѣ онъ долго отказывался отъ предложенія страсбургскихъ богослововъ пріѣхать къ нимъ. Но успокоившись нѣсколько, онъ согласился на упорныя ихъ просьбы и переселился въ Страсбургъ, не безъ нѣкоторыхъ однако опасеній. Опасенія эти очень скоро разсѣялись. Въ Страсбургѣ Кальвинъ нашелъ много друзей и приверженцевъ, совѣтъ назначилъ ему небольшое содержаніе, его окружали вниманіемъ, какого онъ уже давно не видалъ; наконецъ множество французскихъ эмигрантовъ, поселившихся тутъ, облегчали ему пребываніе въ чужой сторонѣ. Онъ очень скоро освоился съ своимъ новымъ положеніемъ, принялъ страсбургское гражданство и записался въ цехъ портныхъ. Все это показывало намѣреніе его на долго поселиться въ нѣмецкомъ городѣ. И, дѣйствительно, по видимому онъ намѣревался сдѣлать это, потому что просилъ своихъ друзей отыскать ему подругу жизни говоря, что самому ему нѣкогда этимъ заняться. Фарель поспѣшилъ исполнить желаніе Кальвина, который высказался по этому поводу въ одномъ изъ своихъ писемъ такъ: „Имѣй въ виду, что я не одинъ изъ тѣхъ безумцевъ, которые за

красивое лицо забываютъ все остальное и въ концѣ концовъ поклоняются даже недостаткамъ своей возлюбленной. Мнѣ можетъ понравиться только женщина тихая, цѣломудренная, скромная, хозяйка, терпѣливая, поставляющая главной своей задачей заботу о мужѣ. Это единственная красота, которая на меня можетъ произвести впечатлѣніе". Такъ писалъ молодой богословъ. Женщина, соотвѣтствующая его идеалу нашлась: это была вдова одного перекрещенца, обращеннаго Кальвиномъ, Иделетта Штордеръ. У нея было двое дѣтей отъ перваго брака и никакого состоянія. Кальвинъ не долго откладывалъ свадьбу и въ томъ же 1540 году отпраздновалъ ее съ большимъ торжествомъ.

Подробности семейной жизни Кальвина неизвѣстны. Это можно до нѣкоторой степени объяснить тѣмъ, что жена его дѣйствительно до того подходила къ его идеалу, что личность ея совершенно пропадала за его личностью. Она была вѣрною его служанкой, заботилась о немъ, ухаживала въ болѣзни и никогда не заявляла никакихъ требованій для себя. При жизни ея Кальвинъ никогда и не упоминалъ о ней ни въ письмахъ, ни въ разговорѣ. У нихъ было трое дѣтей, но всѣ они умирали черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія. Кальвинъ переносилъ эти потери покорно, утѣшаясь тѣмъ, что Богъ знаетъ, что нужно людямъ. Когда умеръ второй его сынъ, Кальвинъ писалъ: „Богъ далъ мнѣ сына, Богъ и взялъ его. Враги мои могутъ, какъ хотятъ, ставить мнѣ это въ укоръ, но развѣ у меня нѣтъ десятковъ тысячъ дѣтей на свѣтѣ?" Его дѣло служило для него утѣшеніемъ въ несчастіяхъ. Призваніе его было для него всѣмъ; къ остальному онъ былъ равнодушенъ. Природа не производила на него никакого впечатлѣнія, музыки онъ не любилъ. На первую онъ смотрѣлъ какъ только на предметъ, вызывающій въ людяхъ удивленіе къ дѣлу Творца.

*

Кальвинъ вставалъ съ разсвѣтомъ и, посвятивъ нѣсколько времени молитвѣ, въ 5 часовъ садился за работу. Такъ какъ механическое писаніе утомляло его, то онъ обыкновенно диктовалъ жившему у него молодому человѣку. Въ 8 часовъ шелъ въ церковь и проповѣдывалъ тамъ, а оттуда въ академію, гдѣ читалъ лекціи. Возвратясь домой, ложился въ постель и вновь принимался за работу. Но это ему рѣдко удавалось, потому что въ это время къ нему приходили разные посѣтители, съ которыми онъ проводилъ время до обѣда, если не долженъ былъ идти въ совѣтъ. При подобныхъ перерывахъ, онъ однако могъ урывками продолжать занятія, благодаря поразительной своей памяти, позволявшей ему въ каждую данную минуту продолжать прерванную передъ тѣмъ работу. Обѣдалъ онъ въ своей комнатѣ одинъ и послѣ обѣда отправлялся навѣщать больныхъ. Затѣмъ вновь ложился въ постель и принимался опять за работу. Наконецъ, когда ему удавалось имѣть часъ, или полчаса, свободнаго времени до солнечнаго заката, то онъ гулялъ, по предписанію врачей, или игралъ въ „духовномъ казино“ въ игру, представлявшую подобіе нашего билліарда, для моціона. По возвращеніи домой для него наступало любимое его время. Онъ садился за свой рабочій столъ и далеко за полночь просматривалъ вновь полученныя книги, или углублялся въ чтеніе св. писанія. Только одно нарушало покой Кальвина—недостатокъ средствъ. Чтобъ помочь этому, Иделетта брала на хлѣба къ себѣ жильцовъ, которые постоянно и жили въ квартирѣ Кальвина. Нужда его дошла разъ до того, что онъ принужденъ былъ продать свою библіотеку, оставшуюся въ Женевѣ. Его почитатели присылали ему не рѣдко подарки и провизію, но онъ не принималъ ихъ и даже отказался почти отъ половины жалованья, назначеннаго ему за проповѣдь, говоря, что если ему будутъ за это платить, то онъ перестанетъ про-

повѣдывать. Отъ своихъ книгъ онъ получалъ очень немного и впослѣдствіи совсѣмъ отказался отъ денегъ въ пользу своего книгопродавца въ благодарность за то, что послѣдній ссудилъ ему однажды, когда ему особенно нужны были деньги, небольшую сумму. Жилъ Кальвинъ чрезвычайно скромно; онъ любилъ опрятность и одѣвался всегда просто, но до педантизма чисто. Послѣ смерти жены онъ не хотѣлъ вновь вступить въ бракъ, хотя его и убѣждали къ тому друзья.

Въ Страсбургѣ Кальвинъ былъ пасторомъ и проповѣдникомъ общины французскихъ эмигрантовъ. На проповѣди его пріѣзжали изъ Франціи и даже Англіи. Успѣхъ ободрилъ его, и далъ ему увѣренность въ томъ, что ему здѣсь никто мѣшать не будетъ. Онъ задался мыслью устроить въ Страсбургѣ образцовую евангелическую церковь и началъ съ введенія строжайшей дисциплины и новыхъ обычаевъ, которые ему не удалось ввести въ Женевѣ. Конечно, и тутъ ему пришлось выдержать борьбу, особенно съ молодыми студентами, находившими нѣкоторые вводимые имъ обычаи, напримѣръ отлученіе отъ церкви и ежемѣсячное причащеніе, папскими, но онъ не уступилъ на этотъ разъ и въ скоромъ времени община французскихъ эмигрантовъ получила такую организацію, которая приводила въ изумленіе, особенно своей дисциплиной, нѣмецкихъ пасторовъ. Лекціи богословія также не мало способствовали славѣ Кальвина; но всего болѣе онъ прославился обращеніемъ многихъ перекрещенцевъ, своихъ прежнихъ враговъ. При всемъ томъ Кальвинъ находилъ время и для литературныхъ занятій. Онъ окончательно обработалъ „Христіанскую институцію“, написалъ нѣсколько комментаріевъ на посланія апостола Павла, сочинилъ даже стихотвореніе „Побѣдная пѣснь Христу“ и небольшой трактатъ о причащеніи.

Въ послѣднемъ сочиненіи Кальвинъ касался ученій Лютера и Цвингли. До сихъ поръ онъ относился къ обоимъ реформаторамъ крайне недружелюбно. Цвингли онъ особенно осуждалъ за предоставленіе слишкомъ большой власти въ церковныхъ дѣлахъ свѣтскому элементу, да и ученіе его было ему совершенно чуждо. Къ Лютеру Кальвинъ стоялъ ближе, хотя не рѣдко позволялъ себѣ рѣзкія противъ него выходки. Въ этомъ же сочиненіи, о причащеніи, онъ въ первый разъ отнесся и къ нему, и къ Цвингли безпристрастно. „Оба сильно заблуждались, „говоритъ онъ", но за это не слѣдуетъ осуждать ихъ, а помнить большія благодѣянія и милость, оказанныя черезъ нихъ Богомъ". Лютера онъ оправдывалъ тѣмъ, что ученіе о несомнѣнномъ спасеніи черезъ одни внѣшнія дѣла слишкомъ усыпило міръ, такъ что простымъ голосомъ пробудить его было невозможно, и Лютеру по-неволѣ пришлось употребить въ дѣло громъ, молнію и трубные звуки. Послѣ изданія этого сочиненія Кальвинъ, черезъ посредство общихъ друзей, вступилъ въ сношенія съ Меланхтономъ.

Лютеръ остался доволенъ трактатомъ Кальвина и послалъ ему поклонъ черезъ общаго ихъ пріятеля. Говорятъ, что прочитавъ трактатъ о причащеніи, Лютеръ сказалъ: „Я сознаю свои ошибки; еслибъ и швейцарцы сдѣлали тоже, то мы бы помирились теперь".

Въ Страсбургѣ Кальвинъ познакомился ближе съ нѣмцами и ихъ реформаціей. Ему пришлось даже самому участвовать въ сеймахъ, собиравшихся въ то время во Франкфуртѣ, Гагенау, Вормсѣ и Регенсбургѣ. Кальвинъ возлагалъ сначала большія надежды на нѣмецкихъ протестантовъ и на шмалькальденскій союзъ, видя въ ихъ побѣдѣ побѣду всей евангелической партіи. Поэтому онъ охотно отправился въ Франкфуртъ и хотя, не зная нѣмецкаго языка, не могъ принимать непосредственнаго участія въ преніяхъ

на сеймѣ, но дѣлалъ все, что могъ, чтобы содѣйствовать торжеству протестантовъ. Онъ издалъ анонимный листокъ, въ которомъ защищалъ дѣло нѣмецкихъ протестантовъ и „свою Германію", какъ онъ выразился, противъ папы. Узнавъ о томъ, что ведутся переговоры о союзѣ Франциска I съ протестантами противъ Карла V, онъ выказалъ такую дѣятельность по этому случаю, что Францискъ, узнавши объ этомъ, поручилъ сестрѣ своей, Маргаритѣ Валуа, съ которою Кальвинъ продолжалъ сноситься, передать ему свою благодарность за услугу, оказываемую имъ Франціи. Но побывавъ на сеймахъ въ Франкфуртѣ, Гагенау и Вормсѣ, Кальвинъ началъ уже сомнѣваться въ побѣдѣ протестантовъ, дѣйствія которыхъ находилъ слишкомъ нерѣшительными. Особенно Меланхтонъ, съ которымъ онъ однако былъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ, казался ему чрезмѣрно уступчивымъ. Въ Вормсѣ онъ присутствовалъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ герцога Люнебургскаго, а въ Регенсбургѣ отъ Страсбурга. Но уже онъ сознавалъ себя неспособнымъ вести переговоры такъ, какъ они велись на предшествующихъ сеймахъ и не согласился, не смотря на многочисленныя просьбы даже католическихъ прелатовъ, вступить въ диспутъ съ папскимъ легатомъ, къ которому чувствовалъ личную ненависть, а требовалъ только одного удовлетворенія—полнаго подчиненія католиковъ.

Нѣмецкіе протестанты, удивлявшіеся учености и начитанности Кальвина, не могли однако сойтись съ его взглядами, которые имъ казались слишкомъ фанатическими. Кальвина же мучила мысль, что въ началѣ, еще надѣясь на успѣхъ протестантовъ, онъ сошелся съ ними и даже согласился сдѣлать имъ нѣкоторыя уступки, которыя теперь представлялись ему невозможными. Особенно его поражало подчиненное положеніе духовенства въ Германіи и лютеранское богослуженіе, въ которомъ онъ видѣлъ много остатковъ іудаизма.

Возвратясь въ Страсбургъ онъ сталъ смотрѣть на свое положеніе въ нѣмецкомъ городѣ другими глазами и привязанность его къ нѣмцамъ значительно охладѣла.

VIII.

Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ Кальвинъ былъ изгнанъ изъ Женевы. Послѣ него волненіе улеглось, но не на долго; въ томъ же году меньшинство, не хотѣвшее его изгнанія, но не имѣвшее въ то время никакой силы, выступило открыто противъ новыхъ проповѣдниковъ и совѣта. Начались безпорядки; между партіями завязалась борьба. Новый совѣтъ дѣйствовалъ нерѣшительно и хотя первое время старался поддержать дисциплину, введенную Кальвиномъ, но распущенность нравовъ постоянно увеличивалась и вызвала реакцію даже со стороны такихъ людей, которые прежде были противъ Кальвина. Совѣтъ обвиняли въ потворствѣ разврату и католической партіи. Послѣднее было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ Ліонѣ, съ разрѣшенія папы, составилась конференція прелатовъ, поручившая одному изъ своихъ членовъ, кардиналу Садолету, обратиться съ открытымъ воззваніемъ къ женевскимъ католикамъ, число которыхъ было довольно значительно въ городѣ. Воззваніе Садолета къ „дорогимъ братьямъ, синдику, совѣту и гражданамъ“, было написано самымъ умѣреннымъ, вкрадчивымъ тономъ. Оно было прислано въ совѣтъ въ 1539 году. Совѣтъ отвѣчалъ кардиналу въ короткихъ словахъ, обѣ-

щая впослѣдствіи заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ посланія. Этого было довольно для того, чтобы обвинить совѣтъ въ преданности католикамъ. Разъ появившееся подозрѣніе уже нельзя было ничѣмъ разсѣять. Между тѣмъ Кальвинъ, узнавъ о женевскихъ событіяхъ, написалъ къ своимъ приверженцамъ письмо, убѣждая ихъ соблюдать умѣренность и не противодѣйствовать совѣту. Онъ въ то время былъ занятъ нѣмецкими дѣлами и довольно равнодушно относился къ тому, что происходило въ Женевѣ. Но посланіе Садолета испугало его и онъ написалъ въ отвѣтъ на него цѣлую брошюру, которая признается однимъ изъ лучшихъ его произведеній. Она написана совершенно спокойнымъ тономъ; въ ней Кальвинъ основательно и съ необыкновенной силой убѣжденія доказываетъ испорченность старой женевской церкви и достоинство новаго ученія. Особенное впечатлѣніе произвела вторая часть отвѣта, въ которой Кальвинъ защищалъ себя и свое ученіе. Онъ говорилъ о своей неизмѣнной любви къ женевской общинѣ; письмо его дышало такою теплотою чувства, которая тронула даже Лютера. Въ Женевѣ она возбудила восторгъ, который не могли подавить никакія строгости совѣта. Возвращеніе Кальвина становилось все вѣроятнѣе; уже раздавались голоса, открыто требовавшіе этого. Власти утратили свой авторитетъ и не пытались возвратить его.

Самъ Кальвинъ на вопросъ друзей, возвратился ли бы онъ въ Женеву, еслибы его о томъ просили, отвѣчалъ отрицательно. Онъ не иначе говорилъ о Женевѣ, какъ о пропасти, которой онъ боится, вспоминалъ о времени, проведенномъ тамъ, какъ о мученичествѣ, возобновлять которое все равно, что идти на крестъ и т. п. Фарелю онъ писалъ тоже самое, хотя въ его письмахъ слышалось горячее участіе ко всему, что касается Женевы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ нихъ наме-

калъ на то, что еслибы и возвратился туда, то не на правахъ помилованнаго, а милователя.

Осенью 1540 года женевскій совѣтъ, по предложенію гражданъ, сталъ изыскивать средства убѣдить Кальвина пріѣхать въ Женеву, и уже въ октябрѣ малый совѣтъ отправилъ съ уполномоченнымъ, выбраннымъ изъ числа друзей Кальвина, письмо къ нему съ убѣдительною просьбою помочь городу. Не дождавшись отвѣта, ему послали новыя просьбы и посольства. Въ письмахъ говорилось отъ лица совѣта и народа, что они понесли справедливое наказаніе за свою вину передъ Богомъ и Кальвиномъ, что помочь этому можетъ только онъ одинъ и что они обѣщаютъ ему повиноваться. Кальвинъ сначала отказывался, указывая на свои обязанности въ Страсбургѣ; но въ словахъ его уже слышалось согласіе. Новое посольство, поѣхавшее за нимъ въ Вормсъ, не заставъ въ Страсбургѣ, и письма Фареля, наконецъ убѣдили его. Онъ, обливаясь слезами, далъ согласіе, но не забылъ при этомъ сдѣлать условія и обезпечить себя на будущее время отъ повторенія того, что уже разъ случилось. Въ числѣ условій онъ помѣстилъ, что возвратится не въ качествѣ только пастора, но и возстановителя церкви, а также и то, чтобы совѣты Берна и Цюриха заявили открыто свое согласіе на его возвращеніе въ Женеву.

Посланные возвратились въ Женеву, гдѣ извѣстіе о согласіи Кальвина возбудило неимовѣрную радость, а самъ онъ, давъ согласіе, опять испугался. Ему жаль стало оставить Страсбургъ, который дорожилъ имъ. Мысль о возможности повторенія того, что было въ Женевѣ, о новой борьбѣ, страшила его. „Нѣтъ въ мірѣ другого мѣста, котораго бы я такъ боялся, какъ Женевы,“ писалъ онъ; „не потому, чтобы я ненавидѣлъ этотъ городъ, а потому, что я чувствую что дѣятельность, ожидающая меня тамъ, выше моихъ силъ“.

Но Кальвинъ боялся напрасно. На этотъ разъ его ожидали съ искреннимъ нетерпѣніемъ. Къ пріѣзду его дѣлались пышныя приготовленія. Изгнанныхъ прежде изъ Женевы друзей его пригласили вернуться. Наконецъ 1 мая собрался генеральный совѣтъ всѣхъ гражданъ и постановилъ, что въ средѣ его нѣтъ ни одного человѣка, который не желалъ бы возвращенія Кальвина. Этого мало: въ Базель, Цюрихъ и Страсбургъ отправили пословъ съ просьбой содѣйствовать тому, чтобы Кальвинъ, „ихъ братъ, который для нихъ безусловно необходимъ, котораго народъ такъ страстно требуетъ", былъ имъ возвращенъ. Еслибы Кальвинъ желалъ отомстить городу, заставивъ его прибѣгнуть къ полному самоуничиженію, то онъ достигъ бы этого. Не только приверженцы женевской церкви волновались пріѣздомъ Кальвина, но и дальніе евангелическіе кружки съ безпокойствомъ ожидали, на что онъ рѣшится. Они писали ему убѣдительныя письма, въ которыхъ указывали на то значеніе, которое имѣетъ для пропаганды евангелическаго дѣла городъ, лежащій на границѣ Германіи, Италіи и Франціи.

Въ теченіе всего лѣта въ Женевѣ употребляли всѣ старанія къ тому, чтобы изгладить слѣды прошедшихъ безпорядковъ, возстановили прежніе законы церковной и гражданской дисциплины. Каѳедру, предназначаемую Кальвину, отдѣлали вновь; старались придумать, что еще можетъ быть ему пріятно. Члены совѣта сами отыскали для него квартиру „съ садомъ." Ни объ одномъ изъ важныхъ вопросовъ не было столькихъ преній, какъ о томъ, чѣмъ бы достойнѣе привѣтствовать Кальвина. На встрѣчу, раньше еще чѣмъ онъ выѣхалъ изъ Страсбурга, изъ Женевы поѣхалъ герольдъ. Фареля пригласили участвовать въ торжествѣ, надѣясь этимъ угодить Кальвину.

Наконецъ насталъ желанный день. Въ сентябрѣ Каль-

винъ, снабженный письмомъ отъ страсбургскихъ властей, говорившихъ о громадной жертвѣ, приносимой ими Женевѣ, пріѣхалъ въ этотъ городъ, находя вездѣ по дорогѣ торжественныя встрѣчи, какія дѣлались только развѣ князьямъ. Народъ привѣтствовалъ его неумолкаемыми криками. Онъ обратился къ толпѣ съ короткой рѣчью, въ которой извинился въ долгомъ промедленіи своего пріѣзда. Ему торжественно повторили просьбу на всегда поселиться въ Женевѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что семейство его будетъ перевезено изъ Страсбурга на счетъ города. Толпа и члены совѣта проводили его до дверей его жилища, гдѣ ему поднесли отъ магистрата сюртукъ, за который, какъ видно изъ протоколовъ того времени, городъ заплатилъ восемь талеровъ. На годовое содержаніе ему назначили 500 гульденовъ, 12 мѣръ пшеницы и два ведра вина.

Лучшаго пріема Кальвинъ не могъ требовать. Сначала онъ имѣлъ намѣреніе упомянуть въ своей рѣчи о несправедливости, оказанной ему три года тому назадъ женевцами, но видя такое раскаяніе всего населенія, воздержался. „Съ моей стороны было бы не великодушно“ говорилъ онъ, „торжествовать и безъ того полное пораженіе моихъ враговъ.“

IX.

Женевскій совѣтъ, совершенно смирился передъ Кальвиномъ. Видя въ этомъ несомнѣнное проявленіе воли Божіей, Кальвинъ принялся за дѣло. Опять въ Женевѣ зазвонили колокола, собиравшіе вѣрныхъ на проповѣди въ соборѣ. Началась новая жизнь. Религіозному настроенію народа не мало способствовала свирѣпствовавшая въ то время эпидемія. Проповѣди Кальвина удовлетворяли этому настроенію. Понимая, что теперь не время рѣзкихъ нападокъ, онъ проповѣдывалъ въ духѣ примиренія, боясь оттолкнуть отъ себя народъ. „Если не случается то, чего мы хотимъ", писалъ онъ Фарелю „то мы должны желать того, что возможно для насъ."

Онъ понималъ, что своимъ вторичнымъ призваніемъ въ Женеву главнымъ образомъ обязанъ своей партіи; но не хотѣлъ подчиниться ей и даже быть ея вождемъ. Онъ считалъ себя пастыремъ, поставленнымъ самимъ провидѣніемъ надо всѣми людьми и съ перваго же раза сталъ въ совершенно независимое положеніе. Онъ зналъ, что однимъ своимъ словомъ могъ смѣнить старыхъ духовныхъ, но не сдѣлалъ этого.

Женева давно не видала такой умѣренности и это еще болѣе располагало ее къ Кальвину.

Но кроткое, примирительное настроеніе не было въ характерѣ Кальвина. Онъ самъ удивлялся себѣ и былъ доволенъ собою. Это самодовольство и похвалы своей умѣренности и миролюбію проглядываютъ въ тогдашнихъ его письмахъ. „Едва ли нашелся бы другой человѣкъ"; пишетъ онъ Фарелю, „который на моемъ мѣстѣ дѣйствовалъ бы такъ, какъ я. Я пересиливаю себя и прошу Бога поддержать меня въ этомъ настроеніи."

Осторожность и кротость Кальвинъ считалъ необходимыми для перехода отъ старыхъ порядковъ къ новымъ. Онъ видѣлъ, что народъ расположенъ къ нему; но церковь, казалось ему, еще не была готова для реформы потому, что ей недоставало дисциплины. Поэтому Кальвинъ прежде всего принялся за составленіе проекта церковнаго устава, который долженъ былъ касаться не только духовной стороны, но и обнимать всю жизнь членовъ общины.

Въ два мѣсяца проектъ былъ готовъ и представленъ на обсужденіе малаго совѣта. Тутъ въ первый разъ послѣ возвращенія Кальвина въ Женеву, городскія власти почувствовали надъ собою гнетъ его. Строгость нѣкоторыхъ статей устава, учрежденіе особаго суда надъ нравственностью жителей—все это показалось членамъ совѣта слишкомъ уже тяжелымъ. Они понимали, что власть изъ ихъ рукъ переходитъ въ руки церкви. Но не смотря на неодобреніе нѣкоторыхъ изъ членовъ совѣта, вся оппозиція которыхъ впрочемъ выразилась лишь въ томъ, что они перестали приходить въ засѣданія, уставъ Кальвина былъ представленъ генеральному собранію гражданъ и безусловно утвержденъ имъ въ январѣ 1542 года.

Въ этомъ уставѣ Кальвинъ развилъ начала, изложенныя имъ въ своемъ сочиненіи „О христіанской институціи". Онъ давалъ громадную силу духовенству, а свѣтской власти предоставлялъ распоряжаться мірскими дѣлами, но и въ нихъ подчинялъ ее контролю пасторовъ.

Для обсужденія богословскихъ вопросовъ Кальвинъ учредилъ конгрегацію духовныхъ. Значеніе этого учрежденія мало по малу превысило значеніе совѣта. Рѣшительный голосъ въ засѣданіяхъ конгрегаціи принадлежалъ одному Кальвину, сдѣлавшемуся фактически главою республики, „женевскимъ папою".

Обладая не одними богословскими познаніями, но и необыкновеннымъ, для того времени, юридическимъ образованіемъ, а также и организаторскимъ талантомъ, онъ могъ расчитывать на первенствующую роль въ Женевѣ не только въ церковныхъ, но и политическихъ дѣлахъ. Женева находилась еще въ полномъ разстройствѣ, у нея не было установленнаго законодательства, потребность въ которомъ дѣлалась все болѣе и болѣе ощутительною. Поэтому, на другой же день послѣ утвержденія церковнаго устава, совѣтъ назначилъ коммиссію, которой поручилъ заняться гражданскимъ устройствомъ города. Въ эту коммиссію былъ выбранъ и Кальвинъ. Черезъ годъ работа коммиссіи была окончена. Кальвинъ былъ душою ея. Онъ вникалъ во всѣ мелочи городского управленія, самъ писалъ инструкціи для пожарной команды, ночныхъ стражей и проч.; но главное вниманіе онъ сосредоточилъ на устройствѣ судебной части; мельчайшія подробности ея онъ обработалъ самъ. Его проектъ, если не цѣликомъ, то значительною частью, вошелъ въ законодательство Женевы и еще въ XVIII столѣтіи дѣйствовалъ во всей силѣ.

Характеръ Кальвина и его склонности воплотились въ этомъ законодательствѣ. Тѣ, которые ожидали отъ него возстановленія старой женевской демократіи, скоро увидѣли свою ошибку. Теоріи, высказанныя въ „Христіанской институціи“ перешли въ дѣло. Генеральный совѣтъ, т. е. общее собраніе всѣхъ гражданъ, бывшій до сихъ поръ представителемъ верховной власти, былъ отодвинутъ на задній планъ. Кальвинъ выражался о немъ какъ о злоупотребленіи, которое слѣдуетъ уничтожить. Единственною верховною властью онъ признавалъ совѣтъ двадцати пяти, въ руки которыхъ передалъ все управленіе.

Такимъ образомъ изъ демократическаго государства Женева преобразилась въ аристократическое, даже олигархи-

ческое. Кальвинъ не скрывалъ своего предпочтенія къ аристократіи, высказывалъ его въ своихъ лекціяхъ и при всякомъ удобномъ случаѣ. Онъ всегда стоялъ далеко отъ народа и не умѣлъ говорить такъ, чтобы народъ могъ понимать его. Враги его часто упрекали въ лести богатымъ, но онъ не обращалъ никакого вниманія на эти упреки. Друзья же вполнѣ раздѣляли его взгляды и предупреждали гражданъ отъ „тираніи демократіи".

Передавъ власть въ руки двадцати пяти человѣкъ, избираемыхъ двумя стами, которыхъ выбирали члены малаго совѣта, Кальвинъ старался внушить правителямъ, что они, какъ поставленные самимъ Богомъ надъ другими людьми, отвѣчаютъ не только за свои грѣхи, но и за грѣхи этихъ другихъ. А такъ какъ, по ученію Кальвина, человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе ко злу, нежели къ добру, то „исполнять свою задачу правители могутъ единственно при помощи чрезвычайной строгости не только въ наказаніи за преступленіе, но и въ предупрежденіи его; они должны заглушать въ себѣ всѣ человѣческія чувства, когда слѣдуетъ наказать виновнаго и помнить, что самъ Богъ вооружаетъ власти мечомъ". Защищая, такимъ образомъ, смертную казнь Кальвинъ указывалъ на правителей стараго завѣта. Пытка также, по его мнѣнію, должна существовать; онъ даже написалъ инструкцію властямъ, въ которой предписывалъ подвергать пыткѣ не только обвиняемыхъ, но и свидѣтелей, на томъ основаніи, что власть должна употреблять всѣ средства для открытія преступленія. Онъ самъ установилъ мѣру наказаній; но мѣра эта была столь страшна, что въ этомъ отношеніи новыя учрежденія стоили папскихъ. Кальвинъ полагалъ, что лучше наказать невиннаго, нежели простить виновнаго.

Какъ ни ужасны были эти теоріи, но онѣ были приняты въ Женевѣ и примѣнены во всей своей безпощадности. Въ

періодъ времени отъ 1542 до 1546 года подверглись аресту до 900 человѣкъ. Изъ нихъ, согласно установленнымъ Кальвиномъ правиламъ, немногіе, невинность которыхъ даже была доказана, избѣжали наказанія; 58 человѣкъ были казнены и 76 изгнаны изъ Женевы; изъ числа послѣднихъ 27 подверглись изгнанію только по подозрѣнію въ преступленіи. Число преступленій также увеличивалось потому, что къ нимъ были причислены и нарушенія новыхъ дисциплинарныхъ правилъ. Такъ наказывались дѣти за то, что играли въ различныя игры, женщины—за модную одежду, взрослые люди—за шутку, или неосторожное слово.

Въ то время въ Женевѣ свирѣпствовала чума; по обвиненію въ распространеніи ея погибало множество невинныхъ. Волшебство, союзъ съ дьяволомъ, распространеніе чумы, вотъ за что подвергали смертной казни огромное число людей. Палачъ объявилъ наконецъ совѣту, что всѣ тюрьмы переполнены. Обращеніе съ заключенными было самое жестокое. Для того, чтобы вынудить у нихъ признаніе употреблялись страшныя средства. Придумывали новыя пытки и очень рѣдко осужденнаго казнили, не измучивъ прежде варварскими истязаніями.

Кальвинъ былъ доволенъ рвеніемъ властей и разъ даже возвысилъ голосъ противъ чрезмѣрныхъ жестокостей; по его настоянію совѣтъ приказалъ палачу „скорѣе и осторожнѣе совершать казнь“. Но это еще не значитъ, чтобы онъ былъ мягче, нежели тѣ, которые распоряжались казнью. Онъ смотрѣлъ совершенно хладнокровно на всѣ жестокости, совершавшіяся вокругъ него и даже самъ указывалъ властямъ лицъ, которые, по его мнѣнію, были вредны.

X.

По уставу Кальвина главное направленіе государству даетъ церковь, а государство пользуется лишь внѣшними почестями и властью. Но такъ какъ и служители церкви могли заблуждаться, то Кальвинъ поставилъ надъ ними высшій непогрѣшимый авторитетъ, которымъ пользовался самъ. Только въ соглашеніи съ нимъ малый совѣтъ могъ предписывать мѣры, даже самыя незначительныя, и только подъ условіемъ исполнять его приказанія совѣтъ сохранялъ власть. И, дѣйствительно, съ 1541 года не городской магистратъ управлялъ Женевой, а самъ Кальвинъ. Онъ велъ дипломатическіе переговоры, ѣздилъ, въ сопрожденіи герольда, въ различныя мѣста для устройства всякаго рода государственныхъ дѣлъ. Его мнѣніе требовалось не только въ важныхъ случаяхъ, но и въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Его надзору подлежало все: отношенія прислуги къ нанимателямъ, учителей съ учениками, родителей съ дѣтьми, торговыя дѣла, ремесла, рынки и прочее. Для всѣхъ предписывались строжайшія правила, за соблюденіемъ которыхъ слѣдили правительственные надсмотрщики. Очень скоро это показалось недостаточнымъ и Кальвинъ установилъ тайный надзоръ; шпіоны получали жалованье и считались правительственными чиновниками.

Главнымъ препятствіемъ гражданскому порядку Кальвинъ считалъ праздность. Поэтому нищенство было строго запрещено. „Кто не работаетъ“, говорилъ онъ, „тотъ не долженъ ѣсть“. Праздныхъ людей принуждали къ работѣ, а иностранцевъ, проживавшихъ въ городѣ безъ дѣла, изгоняли вонъ.

Кальвинъ защищалъ торговлю и ремесла, даже барыши и проценты; но по, его мнѣнію, ни то, ни другое, не должны составлять главнаго занятія людей; поэтому промышленное государство не отвѣчало его идеалу. Онъ однажды выразился, что народъ слѣдуетъ держать въ бѣдности для того, чтобы онъ былъ покоренъ. Онъ думалъ, что занятія промышленностью и ремеслами разовьютъ въ населеніи чувство собственнаго достоинства, а это, по его мнѣнію, не должно существовать въ государствѣ.

Все это повело къ тому, что Женева, подъ управленіемъ Кальвина, утратила свое прежнее значеніе промышленнаго и торговаго города. Она превратилась, по выраженію Мишле, въ „городъ духа, основанный стоицизмомъ на скалѣ предопредѣленія".

Любимымъ учрежденіемъ Кальвина была консисторія, или совѣтъ старѣйшинъ. Хотя, по уставу, пасторовъ долженъ былъ выбирать народъ, но и тутъ Кальвинъ былъ единственнымъ распорядителемъ и, лично зная почти всѣхъ пасторовъ, самъ назначалъ членовъ консисторіи. Члены этого учрежденія обязаны были по крайней мѣрѣ разъ въ годъ обходить всѣ дома въ городѣ для личнаго удостовѣренія въ томъ, что обитатели его живутъ согласно предписаніямъ Кальвина. Никто не имѣлъ права уклоняться отъ пріема этихъ посѣтителей.

Занятія консисторіи состояли въ разборѣ жалобъ всякаго рода, брачныхъ и другихъ дѣлъ до представленія ихъ въ совѣтъ. Члены консисторіи получали жалованье и въ собраніи ихъ предсѣдательствовалъ синдикъ.

Тотъ самый членъ консисторіи, который при обходѣ городскихъ домовъ замѣчалъ что-либо преступное, являлся въ консисторію обвинителемъ и въ тоже время, какъ членъ совѣта старѣйшинъ, вмѣстѣ съ другими разсматривалъ это

*

обвиненіе и участвовалъ въ постановленіи по немъ приговора. Такимъ образомъ одно и то же лицо являлось въ качествѣ обвинителя, свидѣтеля и судьи. Это было тѣмъ опаснѣе, что консисторія составляла первую и послѣднюю инстанцію. Понятно, что при такомъ устройствѣ нельзя было и думать о справедливомъ рѣшеніи дѣлъ.

Кальвинъ не рѣдко самъ допрашивалъ обвиняемыхъ. Онъ дѣлалъ это очень грубо. Стариковъ на равнѣ съ малыми дѣтьми, подвергалъ экзамену изъ катехизиса и заставлялъ на изусть читать молитвы. Малѣйшее подозрѣніе, воспоминаніе о католическихъ обрядахъ, вело къ неминуемому осужденію. Члены совѣта такъ прониклись воззрѣніями Кальвина, что и въ ихъ глазахъ игра въ кегли, или другія подобныя забавы, казались преступленіемъ. И съ этой стороны жителямъ нельзя было ожидать облегченія.

Все, что нарушало строгій, монашескій идеалъ Кальвина, подвергалось преслѣдованію; за посѣщеніе театра, цвѣтную одежду,— лишали причастія. Гражданамъ не позволялось тратить деньги и время на пустыя, по мнѣнію Кальвина, забавы. Онъ не отвергалъ пользы удовольствій, но полагалъ, что такъ какъ чрезвычайно трудно сдерживать ихъ въ должныхъ границахъ, то въ избѣжаніе соблазна лучше совершенно устранить ихъ. Народныя празднества и національныя увеселенія были обставлены такими ограниченіями, что совершенно утратили всякую веселость. Кальвинъ дошелъ до того, что по его предложенію, совѣтъ въ 1546 году назначилъ штрафъ за посѣщеніе трактировъ. Вмѣсто послѣднихъ были учреждены такъ-называемыя аббатства, или духовные казино. Ихъ было пять въ различныхъ частяхъ города и они были подчинены синдику. Здѣсь было удобнѣе наблюдать за гражданами, чувствовавшими потребность въ обществѣ людей. Но и этого мало. Были изданы особыя правила для гостей и

хозяевъ казино. Послѣдними были правительственные чиновники; они не пользовались доходами съ заведенія, а должны были доносить властямъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ.

Такимъ образомъ, все,—общественныя отношенія, какъ и государственныя учрежденія,—получило религіозный характеръ. Засѣданія совѣта открывались молитвой. Для полнѣйшаго сходства съ идеаломъ государства, которое Кальвинъ видѣлъ въ ветхозавѣтномъ іудейскомъ царствѣ, онъ запретилъ давать новорожденнымъ обыкновенныя имена и замѣнилъ ихъ ветхозавѣтными. Клавдіи, Амадеусы стали попадаться рѣже и замѣнились Авраамомъ, Гедеономъ, Мельхиседекомъ, Захаріемъ.

Задушивъ, такимъ путемъ, всякую личную свободу въ городѣ, Кальвинъ занялся сельскимъ населеніемъ. Здѣсь дѣло было нѣсколько труднѣе. Католическія симпатіи въ сельскихъ общинахъ были сильны. Къ тому же Кальвинъ не любилъ народа и не понималъ его нуждъ. Ему случалось проповѣдывать по деревнямъ, но онъ всегда въ подобныхъ случаяхъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ. Поэтому для обращенія общинъ онъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ принудительныя мѣры, передъ которыми и не отступалъ. За соблюденіе поста въ субботу, или пятницу крестьянъ сажали въ тюрьму. Особые надсмотрщики должны были сообразоваться съ такими строгими предписаніями, что ни кто не рѣшался принять на себя эту должность и для привлеченія желающихъ было постановлено, что за каждое открытое преступленіе доносчикъ получаетъ часть штрафа, взысканнаго съ виновнаго. Верховная власть надъ общинами также принадлежала консисторіи.

Такая система, конечно, могла существовать только при полномъ подчиненіи населенія. Никто не смѣлъ ни писать, ни говорить что-либо противъ представителей власти. Открытыя нападки немедленно жестоко наказывались.

Остается сказать нѣсколько словъ о богослуженіи и церковныхъ обрядахъ кальвинской церкви. Богослуженіе состояло въ проповѣди, молитвѣ, пѣніи псалмовъ; иконы и органъ Кальвинъ уничтожилъ сразу. Четыре раза въ годъ всѣ обязаны были причащаться и за недѣлю до назначенныхъ сроковъ начинались подготовленія къ принятію таинства. Для этой цѣли было установлено особое богослуженіе. Свадебныя церемоніи были отмѣнены и весь обрядъ заключался въ троекратномъ провозглашеніи въ церкви именъ желающихъ вступить въ бракъ. Кальвинъ отвергалъ неразрывность брака и не признавалъ его таинствомъ; впрочемъ разводы допускались только въ крайнихъ случаяхъ. Браки съ лицами другихъ исповѣданій, особенно съ католиками, были запрещены. Погребеніе совершалось также просто, безъ пѣнія и церемоній. Покойника не провожали до могилы и хоронили черезъ сутки послѣ смерти.

Для бѣдныхъ и больныхъ было устроено особое заведеніе, управлявшееся духовными. Кальвинъ не допускалъ болѣе одного госпиталя въ городѣ, также какъ и не считалъ нужнымъ учреждать болѣе одной школы. Завѣдывали этой школой и преподавали въ ней тоже духовные; главнымъ предметомъ обученія былъ катехизисъ. Кальвинъ возлагалъ большія надежды на юношество и потому выборъ учителя былъ для него столь важнымъ дѣломъ, что онъ долго не могъ подобрать такого, который удовлетворялъ бы его требованіямъ. Только подъ конецъ своей жизни ему удалось устроить гимназію и высшее богословское заведеніе для образованія учителей.

XI.

Прошло четыре года со времени возвращенія Кальвина въ Женеву и въ этотъ періодъ времени слабая, разрываемая партіями республика, подчиненіе которой казалось прежде дѣломъ столь легкимъ для католической партіи, превратилась въ оплотъ новаго ученія, духовную монархію, подобной которой не видалъ еще свѣтъ. Этимъ она обязана была Кальвину. Слава его разнеслась за предѣлы Женевы. Отовсюду: изъ Германіи, Венгріи, Франціи, Англіи, Италіи, стали стекаться сюда приверженцы реформаціи, чтобы почерпнуть новое ученіе изъ самаго источника его. Проповѣдники, выйдя изъ школы Кальвина, расходились по различнымъ государствамъ и основывали тамъ церкви, управлявшіяся по образцу женевской. Кальвинъ сдѣлался центромъ движенія. Всѣ удивлялись ему и благоговѣли передъ нимъ. Послѣ чрезмѣрной распущенности нравовъ, въ такое время, когда все считалось позволеннымъ, суровая, безпощадная система его пришлась какъ разъ по плечу современному обществу. Изъ его школы вышли французскіе гугеноты, голландскіе кальвинисты; но главнымъ образомъ ученіе Кальвина принялось и воплотилось въ шотландскихъ пресвитеріанцахъ и англійскихъ пуританахъ.

Изъ школы Кальвина выходили строгіе, смѣлые фанатики, готовые на борьбу съ старой церковью. Въ то время, какъ Лютеръ проповѣдывалъ пассивное сопротивленіе врагамъ, кальвинисты готовились къ борьбѣ и выставили цѣлый рядъ дѣятелей суровыхъ, мрачныхъ, нетерпимыхъ, но съ желѣзнымъ характеромъ. Понятно, что проповѣдь такихъ людей не

могла оставаться безъ послѣдствій. Особенно сильно вліяніе Кальвина было во Франціи. Онъ охотно входилъ въ сношенія съ своими единомышленниками и написалъ проектъ синодальнаго управленія французской церкви. Въ тоже время онъ переписывался съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ и послалъ проектъ реформы въ Англію герцогу Сомерсету, регенту при Эдуардѣ VI. Даже въ Виттенбергѣ интересовались дѣлами новой женевской церкви: Меланхтонъ, опасаясь послѣ смерти Лютера за будущность нѣмецкихъ протестантовъ, съ надеждой обращался къ Женевѣ.

Но самъ Кальвинъ не былъ вполнѣ доволенъ своими успѣхами. Все, чего онъ до сихъ поръ достигъ, онъ находилъ только хорошимъ началомъ, но вовсе не осуществленіемъ идеала.

Однако въ то время какъ ему казалось, что дѣло подвигается слишкомъ медленно, многіе въ Женевѣ находили, что Кальвинъ зашелъ черезъ-чуръ далеко. Не всѣ, согласившіеся на вторичное его призваніе, раздѣляли его политическія и богословскія воззрѣнія; многіе считали возвращеніе его необходимымъ только для установленія порядка въ городѣ. Первыя дѣйствія его не дали развиться недовольству, вызванному его суровой системой. Это недовольство могло бы исчезнуть совсѣмъ еслибы люди, требовавшіе отъ другихъ безупречной жизни, сами давали въ этомъ примѣръ; но не таково было женевское духовенство. Самъ Кальвинъ, до извѣстной степени, удовлетворялъ этому требованію и строгій къ другимъ былъ строгъ и къ себѣ. Однако горячность и нетерпимость прорывались у него даже и въ первое время, хотя онъ и сдерживалъ свой деспотическій характеръ; такъ однажды онъ провозгласилъ съ каѳедры, что необходимо повѣсить отъ 700 до 800 женевскихъ юношей.

Помощниками и главнѣйшими сотрудниками Кальвина

были переселившіеся въ Женеву французы, которымъ онъ всегда отдавалъ явное предпочтеніе передъ другими. Въ средѣ ихъ царствовали самые нехристіанскіе пороки. Совѣтъ старался не доводить до свѣденія народа всего, совершавшагося въ этомъ кружкѣ духовныхъ, приближенныхъ Кальвина, но иногда бывалъ вынужденъ употребить въ дѣло свою власть. Въ первые пять лѣтъ цѣлый рядъ духовныхъ лицъ подверглись наказанію и многіе были лишены своего сана. Конечно въ числѣ этихъ наказанныхъ были такія, все преступленіе которыхъ состояло въ томъ, что они недовольны были распоряженіями Кальвина; но посторонніе свидѣтели, оставившіе описанія того времени, рисуютъ французское духовенство Женевы въ весьма непривлекательныхъ чертахъ. До народа доходили обличенія пороковъ духовенства и Кальвинъ жаловался на это совѣту.

Но всего болѣе повредило духовенству его недостойное поведеніе во время чумы 1543 года. Еще въ 1542 году совѣтъ съ трудомъ могъ найти одного пастора, который согласился посвятить себя службѣ въ госпиталѣ, въ то время, какъ міряне со всѣхъ сторонъ являлись для ухода за больными. Кальвинъ также не обладалъ мужествомъ и не рѣшался посвятить себя этому дѣлу. Но видя, что поведеніе духовныхъ вредило его же системѣ, онъ рѣшился, въ случаѣ еслибы пасторъ, вызвавшійся отправлять службу при чумныхъ больныхъ, самъ палъ жертвою эпидеміи, заступить его мѣсто. Такъ писалъ онъ, по крайней мѣрѣ, своему другу въ Лозанну. На этотъ разъ опасность миновала, но на слѣдующій годъ чума возобновилась съ страшною силою. Въ больницѣ люди умирали безъ причащенія, и опять только одинъ, тотъ же самый пасторъ, который исполнялъ эту обязанность въ прошломъ году, согласился взять ее на себя и теперь. На всѣ увѣщанія совѣта, пасторы отвѣчали, что они лучше согласны

идти на висѣлицу, нежели въ больницу. Совѣтъ выгораживалъ Кальвина, безпрестанно заявляя о необходимости присутствія его въ засѣданіяхъ совѣта. Какъ нарочно, смѣлый пасторъ, согласившійся вступить въ госпиталь, умеръ отъ чумы. Совѣтъ былъ въ отчаяніи; онъ рѣшился настоять передъ духовенствомъ, чтобы оно исполнило свою обязанность. Тогда произошло знаменательное событіе. Нѣсколько проповѣдниковъ и во главѣ ихъ Кальвинъ, явились въ совѣтъ и откровенно признались, что не имѣютъ достаточнаго мужества, чтобы идти въ госпиталь, хотя и сознаютъ, что по обязанности своей должны это сдѣлать. Они просили „для блага бѣдныхъ больныхъ" отправить туда недавно пріѣхавшаго французскаго пастора, изъявившаго на это согласіе. На всѣ убѣжденія совѣта они отвѣчали, что Богъ не далъ имъ мужества для такого дѣла. Совѣтъ порѣшилъ „молиться Богу о ниспосланіи духовнымъ недостающаго имъ мужества" и только на этотъ разъ согласился не настаивать на исполненіи ими своихъ обязанностей.

Вліяніе Кальвина было еще такъ сильно, что даже такой поступокъ не уменьшилъ его обаянія. Въ то время, какъ въ городѣ еще господствовалъ страхъ и отчаяніе, онъ выпросилъ себѣ порученіе въ Мецъ для улаженія богословскихъ распрей, тамъ обнаружившихся. Но разладъ между требованіями и собственными поступками былъ слишкомъ очевиденъ, чтобы не оставить въ гражданахъ тяжелаго чувства. Одушевленіе, ореолъ, которымъ они окружали сначала личность Кальвина, уступили мѣсто болѣе холодному разбору его дѣйствій. Въ слѣдующемъ году совѣтъ сдѣлалъ попытку отнять у духовныхъ право отлучать отъ церкви и хотѣлъ передать его свѣтскимъ властямъ. Кальвину удалось отклонить это предложеніе, но онъ не могъ не видѣть, что общественное мнѣніе уже не такъ единодушно высказывается за

него. Онъ замѣчалъ также, что и совѣтъ съ этихъ поръ сталъ позволять себѣ иногда не соглашаться съ нимъ. Но все еще Кальвинъ сохранялъ свое вліяніе. Когда онъ заболѣлъ въ 1545 году ему на государственный счетъ предложили секретаря. Совѣтъ не хотѣлъ ссориться съ человѣкомъ, защищавшимъ его власть надъ народомъ и проповѣдывавшимъ послѣднему безусловную покорность.

Не смотря на то, что духовенство не могло болѣе, послѣ событій во время чумы, внушать прежняго довѣрія, Кальвинъ продолжалъ настаивать на увеличеніи числа духовныхъ, а народъ, въ это время, страдалъ не только отъ чумы, но и отъ голода. Кальвинъ предложилъ совѣту отыскать какіе-либо источники промышленности, чтобы дать работу нуждающимся и указалъ для этой цѣли на суконное производство; самъ онъ былъ тогда болѣе озабоченъ бѣдствіями своихъ единомышленниковъ во Франціи и опять выпросилъ себѣ у совѣта позволеніе отправиться въ Цюрихъ, Бернъ и Базель, которыхъ надѣялся уговорить вступиться за французскихъ гугенотовъ. Всѣ его мысли были обращены къ послѣднимъ; это было извѣстно народу, который началъ волноваться. Скоро дѣло дошло до того, что совѣтъ призналъ нужнымъ вызвать изъ Лозанны одного изъ любимыхъ друзей Кальвина, для его защиты. Кальвина обвиняли въ обремененіи государственной казны расходами на пропаганду своего ученія, на поддержку, оказываемую протестантамъ другихъ странъ, на многочисленныя посольства, которыя снаряжались по его требованію и которыя онъ предпринималъ самъ, въ сопровожденіи герольда. Не только въ народѣ, но и между членами конгрегаціи были недовольные; на собраніяхъ ея дѣлались иногда такія выходки, что совѣтъ назначилъ свѣтскаго чиновника, обязаннаго останавливать слишкомъ горячихъ ораторовъ.

Кальвинъ не заблуждался на счетъ настоящаго положенія вещей и самъ видѣлъ, какъ измѣнилось общественное мнѣніе къ нему. Въ своихъ письмахъ онъ горько жалуется на Женеву и на совѣтъ, который дѣйствуетъ, по его словамъ, не достаточно энергично. Но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, онъ рѣшился не уступать ни въ чемъ. Наконецъ дѣло дошло до открытыхъ демонстрацій. Проповѣди, ученіе и личность Кальвина стали подвергаться громкому осужденію. Раздавались голоса о вторичномъ изгнаніи его изъ Женевы. Тогда Кальвинъ отбросилъ всякое колебаніе и рѣшился осуществить свою систему во всей ея полнотѣ. Онъ обратилъ вниманіе на усилившуюся въ то время секту „либертиновъ", защищавшую полную свободу человѣка какъ въ религіозномъ, такъ и соціальномъ отношеніяхъ и не признававшую никакого авторитета, ни божественнаго, ни человѣческаго.

Борьба Кальвина съ либертинами, начавшаяся въ 1546 году окончилась только за пять лѣтъ до его смерти. Къ либертинамъ принадлежали многія знатныя женевскія семейства, не признававшія власти консисторіи, которая въ виду нападокъ, раздававшихся на нее со всѣхъ сторонъ, не рѣшалась дѣйствовать слишкомъ круто; но, по настоянію Кальвина, она приговорила одного изъ членовъ знатной женевской фамиліи къ публичному покаянію. Осужденный долженъ былъ пройти по городу въ одной рубашкѣ, босой, съ зажженнымъ факеломъ въ рукахъ и на площади просить на колѣняхъ прощенія у членовъ консисторіи. Этого униженія женевская аристократія не могла вынести; въ городѣ поднялся бунтъ, для усмиренія котораго Кальвинъ потребовалъ вмѣшательства вооруженной силы. Возстаніе прекратилось только тогда, когда поставленная на площади висѣлица показала, что совѣтъ не думаетъ щадить. Но эта мѣра подѣйствовала только на время и когда вліятельная фамилія

Фавровъ, прежнихъ приверженцевъ Кальвина, была, по обвиненію въ нарушеніи законовъ противъ роскоши, призвана къ отвѣту въ консисторіи, то совѣтъ отказался постановить противъ обвиняемыхъ приговоръ, на которомъ настаивалъ Кальвинъ. Тогда онъ употребилъ всѣ средства, чтобы принудить совѣтъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Какъ разъ въ это время былъ арестованъ одинъ гражданинъ, въ бумагахъ котораго были найдены слѣды заговора, замышлявшагося противъ Кальвина. Послѣдній собралъ своихъ приверженцевъ и въ сопровожденіи ихъ отправился въ совѣтъ съ требованіемъ строгаго исполненія законовъ. По дорогѣ его окружила толпа народа, перехватала сопровождавшихъ его, а въ него самаго стала бросать камнями. Съ трудомъ вырвавшись изъ толпы онъ пришолъ въ совѣтъ, который, увидя его расшибленнаго, въ разорванной одеждѣ, и узнавъ въ чемъ дѣло, рѣшился на мѣстѣ вступить въ борьбу съ народомъ. Уже мечи были обнажены и столкновеніе казалось неизбѣжнымъ, но самъ Кальвинъ бросился между двумя сторонами и успѣлъ возвысить голосъ. „Я знаю, "сказалъ онъ,„ что вся эта борьба ведется изъ-за меня; если меня хотятъ убить, я готовъ; если меня хотятъ изгнать, пусть изгоняютъ; но попробуйте спасти Женеву безъ Евангелія!" Рѣчь Кальвина произвела впечатлѣніе. Тутъ же въ совѣтѣ состоялось примиреніе между нимъ и Фаврами.

Послѣ этого прошелъ годъ безъ особенныхъ потрясеній. Но примиреніе было только внѣшнее и враги Кальвина не думали покориться. Особенно много непріятностей ему пришлось вынести отъ народа, болѣе не терпѣвшаго его. На улицахъ на него травили собакъ, кричали ругательства. Какъ разъ въ это время подоспѣли выборы въ совѣтъ; предсѣдателемъ былъ выбранъ тотъ самый членъ семейства Фавровъ, противъ котораго Кальвинъ возстановлялъ совѣтъ,

а членами его — большинство приверженцевъ либертиновъ. Все казалось потеряннымъ; единомышленники Кальвина готовы были уже положить оружіе, но самъ онъ объявилъ, что именно теперь слѣдуетъ дѣйствовать рѣшительно.

XII.

Сознавая, что только энергическое сопротивленіе можетъ спасти его, Кальвинъ написалъ воззваніе къ народу отъ лица новаго совѣта и представилъ это воззваніе вновь избраннымъ членамъ, прося ихъ утвердить его и распространить отъ своего имени. Въ воззваніи подтверждались увѣщанія къ народу исполнять законы; въ противномъ же случаѣ обѣщалось строгое наказаніе непокорныхъ.

Вновь избранные члены совѣта, получивъ въ свои руки власть, не считали для себя выгоднымъ ссориться съ Кальвиномъ и потому согласились на его просьбу. Что они дѣйствительно не имѣли намѣренія противодѣйствовать Кальвину, доказывается тѣмъ, что они приговорили къ смертной казни одного изъ своей среды за то, что онъ нарисовалъ въ неприличномъ видѣ нѣкоторые эпизоды изъ библіи. Но лица, не получившія власти, не такъ скоро успокоились и продолжали выказывать враждебность къ Кальвину. Нерѣдко онъ не могъ продолжать проповѣди вслѣдствіе криковъ и свистковъ, раздававшихся съ улицы. Кальвинъ требовалъ отлученія отъ церкви виновныхъ, но совѣтъ не соглашался на это и не желая, въ то же время, становиться въ враждебныя отношенія къ Кальвину

положилъ снестись по этому предмету съ другими швейцарскими церквами, рѣшенію которыхъ обѣщалъ подчиниться.

Между тѣмъ въ Женеву пріѣхалъ испанецъ Михаилъ Серве. Еще во время своего пребыванія въ Парижѣ Кальвинъ вызвалъ Серве на диспутъ по поводу изданнаго послѣднимъ сочиненія о Троицѣ, несогласнаго со взглядами Кальвина. Серве, предвидя опасность, не явился тогда на диспутъ и уѣхалъ изъ Парижа. Онъ былъ человѣкомъ ученымъ и занималъ каѳедру математики сначала въ Ліонѣ, а потомъ въ Орлеанѣ; послѣднее время онъ жилъ въ Вьеннѣ и занимался медициной. Вмѣстѣ съ тѣмъ его сильно занимали, религіозные вопросы и онъ вступилъ съ Кальвинымъ въ переписку. Въ отвѣтъ на одно изъ многочисленныхъ писемъ Серве, Кальвинъ послалъ ему свое сочиненіе „О Христіанской институціи". Серве возвратилъ его Кальвину съ своими замѣчаніями и вслѣдъ за тѣмъ самъ написалъ сочиненіе: „Возстановленіе христіанства", (Restitutio Christianismi), которое послалъ Кальвину въ рукописи. Въ немъ онъ изложилъ свое ученіе и опровергъ нѣкоторыя догматы Кальвина. Получивъ это сочиненіе Кальвинъ, не терпѣвшій противорѣчій, написалъ Фарелю, что живой или мертвый, но Серве долженъ попасться въ его руки.

Рукопись Серве, „О возстановленіи христіанства" Кальвинъ оставилъ у себя не смотря ни на какія его просьбы о возвращеніи; но у Серве сохранился другой экземпляръ. Онъ напечаталъ свое сочиненіе, безъ имени автора и разослалъ его въ различныя мѣста, между прочимъ и въ Женеву. Книга Серве вызвала волненіе, стали розыскивать сочинителя, который былъ открытъ благодаря тому, что Кальвинъ переслалъ архіепископу вьеннскому рукопись, хранившуюся у него. Этимъ онъ отомстилъ врагу. Сначала Серве утверждалъ, что книгу писалъ не онъ, но это не помѣшало его судьямъ въ Вьеннѣ

приговорить его къ жестокому наказанію. Его заключили въ тюрьму, откуда ему удалось бѣжать. Узнавъ, что въ Женевѣ недовольны Кальвиномъ, онъ понадѣялся на помощь его враговъ и пріѣхалъ въ Женеву, гдѣ и былъ, по приказанію Кальвина, посаженъ въ тюрьму. Началось противъ него слѣдствіе.

Свободомысліе было, въ то время, однимъ изъ наиболѣе важныхъ преступленій, за которое виновные приговаривались почти всегда къ смертной казни. Самъ Кальвинъ составилъ обвинительный актъ противъ Серве, а секретарь Кальвина взялъ на себя роль обвинителя. Серве содержался въ грязной ямѣ и жаловался на то, что одежда его отъ гнилости распадается въ куски; но эти жалобы оставались безъ послѣдствій. Узнавъ о возбужденномъ противъ него процессѣ, Серве просилъ позволенія взять себѣ защитника передъ судомъ, но и въ этомъ ему было отказано. Онъ пришелъ въ очень понятное раздраженіе, потому что видѣлъ, что гибель его рѣшена и сдѣлалъ послѣднюю попытку. Онъ просилъ о томъ, чтобы дѣло его было представлено не малому совѣту, а совѣту двухсотъ, большинство котораго состояло не изъ приверженцевъ Кальвина. Въ надеждѣ, что ему это будетъ дозволено, Серве составилъ защиту, въ которой обвинялъ Кальвина въ ереси и просилъ подвергнуть его должному наказанію. Это окончательно возстановило противъ него Кальвина, который сталъ употреблять все свое вліяніе на то, чтобы погубить Серве; съ каѳедры, въ письмахъ къ швейцарскимъ друзьямъ, онъ всячески старался возстановить противъ него общественное мнѣніе. Дѣло Серве было сообщено четыремъ главнымъ швейцарскимъ городамъ: Цюриху, Берну, Базелю и Шафгаузену, для того, чтобы они высказали о немъ свое мнѣніе; мнѣніе это оказалось не въ пользу Серве, и совѣтъ, по большинству голосовъ, приговорилъ сжечь его на мед-

ленномъ огнѣ. Тогда Кальвинъ навѣстилъ осужденнаго въ тюрьмѣ. Серве сталъ просить его о смягченіи наказанія, но Кальвинъ отвѣтилъ ему на это, что онъ не намѣренъ преступить предписаній Бога, повелѣвающаго карать возстающихъ противъ Него. „По правиламъ св. Павла", говоритъ Кальвинъ, „я отдалился отъ еретика, который самъ себя осудилъ". Также безсердечно поступилъ и Фарель, пріѣхавшій въ Женеву въ качествѣ духовника Серве. Онъ не сказалъ ему ни слова утѣшенія, когда его вели на мѣсто казни и придя туда, обратился къ народу съ слѣдующими словами: „Этотъ человѣкъ," сказалъ онъ, указывая на Серве, „ученъ, и думалъ, что поступалъ правильно; но дьяволъ вселился въ него. Помните, что это можетъ случиться и съ вами". Когда Серве, взойдя на костеръ, воскликнулъ: „о Боже!" то Фарель перебилъ его, говоря: „Развѣ ты ничего другого и сказать не можешь?"

Серве былъ буквально изжаренъ на кострѣ. Въ продолженіи двухъ часовъ его жгли на медленномъ огнѣ не смотря на его просьбы ради Бога подложить больше дровъ или какимъ бы то ни было образомъ покончить пытку. Наконецъ народъ не могъ вынести долѣе такого зрѣлища и сталъ бросать полѣнья, чтобы усилить огонь и скорѣе прекратить мученія несчастнаго. Кальвинъ же былъ спокоенъ, убѣжденный, что исполняетъ правое дѣло. Его даже возмущало участіе, выказанное населеніемъ къ Серве и онъ писалъ одному изъ швейцарскихъ друзей: „я убѣжденъ, что съ моей стороны было бы трусостью и измѣной, еслибы я не вооружился всѣми силами для поддержанія должной дисциплины. Для нея я готовъ пожертвовать не только своимъ положеніемъ, но даже жизнью".

Всю надежду свою Кальвинъ теперь полагалъ на рѣшеніе швейцарскихъ церквей по вопросу объ отлученіи. Наконецъ этотъ отвѣтъ былъ полученъ; онъ былъ благопріятенъ

для Кальвина. Счастье опять обратилось къ нему. Въ 1555 году вновь выбранный совѣтъ постановилъ „неуклонно слѣдовать установленнымъ правиламъ и духовное судопроизводство предоставить исключительно консисторіи“.

Чтобъ имѣть возможность привести въ исполненіе это постановленіе и противодѣйствовать врагамъ Кальвина, совѣтъ даровалъ женевское гражданство большому числу французскихъ выходцевъ, усилившихъ собою его партію. Такой поступокъ вызвалъ протестъ противниковъ Кальвина и когда всѣ требованія ихъ не привели ни къ чему, то въ городѣ вспыхнуло новое возстаніе, кончившееся пораженіемъ возставшихъ. Многіе изъ нихъ бѣжали изъ города, а кто не успѣлъ этого сдѣлать, того хватали и казнили. Торжество Кальвина было полное и все обѣщало ему несомнѣнную побѣду и окончательное водвореніе его системы. Самъ онъ болѣе чѣмъ когда-нибудь сознавалъ свои заслуги и переписка его наполнена похвалами собственной „неутомимости, честности, скромности, терпѣнію“ и другимъ добродѣтелямъ.

Но какого бы высокаго мнѣнія ни былъ о себѣ Кальвинъ, онъ все-таки былъ простымъ смертнымъ, подверженнымъ обыкновеннымъ тѣлеснымъ недугамъ. Никогда не отличаясь здоровьемъ, онъ съ 1558 года сталъ видимо слабѣть и готовиться къ смерти. Онъ часто говорилъ объ этомъ, но не смотря на сильныя, почти непрерывныя физическія страданія, продолжалъ исполнять свои обязанности. Однако не рѣдко онъ былъ не въ состояніи ходить въ церковь; его приносили туда на носилкахъ. Наконецъ въ 1562 году онъ долженъ былъ отказаться отъ чтенія лекцій и занятій государственными дѣлами. Но въ затруднительныхъ случаяхъ члены совѣта собирались у него и онъ до послѣдней минуты сохранялъ на столько свѣжую голову, что могъ разсуждать о серьезныхъ вопросахъ. Мнѣнія его безпрекословно исполнялись магистра-

томъ. Оставаться празднымъ Кальвинъ не могъ и лежа въ постели диктовалъ писцу. Въ это время онъ окончательно переработалъ „институцію“ и коментаріи къ пророкамъ. Страданія его въ 1564 году такъ усилились, что онъ сталъ впадать въ забытье. Сознавая приближеніе смерти, онъ призвалъ къ себѣ членовъ конгрегаціи, простился съ ними, просилъ прощенія въ своей горячности и убѣждалъ ихъ, не смотря на признаваемыя имъ самимъ несовершенства своего ученія, сохранить его и послѣ его смерти. О томъ же онъ просилъ и членовъ совѣта, пришедшихъ къ нему проститься. При этомъ онъ высказалъ имъ твердую вѣру въ непреложность своей системы.

Кальвинъ умеръ 27-го мая 1564 года 55 лѣтъ отъ роду, назначивъ себѣ преемникомъ Теодора Безу, своего горячаго послѣдователя и пламеннаго почитателя.

Передъ смертью Кальвинъ просилъ не ставить на его могилѣ никакого памятника и не дѣлать на ней надписи. Желаніе его исполнено и до сихъ поръ путешественникамъ, посѣщающимъ женевское кладбище, показываютъ мѣсто, отмѣченное двумя сложенными кирпичами, гдѣ, по преданію, похороненъ Кальвинъ.

Приложеніе.

ПАМЯТНИКЪ РЕФОРМАЦІИ

ВЪ ВОРМСѢ.

ПАМЯТНИКЪ РЕФОРМАЦІИ ВЪ ВОРМСѢ.

Памятникъ Лютеру, или, лучше сказать, памятникъ реформаціи, открытый въ 1868 году въ Вормсѣ, достоинъ великихъ людей и великихъ событій, въ честь которыхъ онъ воздвигнутъ, достоинъ народа, который имъ такъ многимъ обязанъ. Едва ли найдется другой памятникъ, который былъ бы задуманъ такъ широко и исполненъ такого поразительнаго величія. Правда, самый предметъ памятника давалъ художнику просторъ, слишкомъ рѣдко возможный при другихъ задачахъ этого рода. Онъ не ограничивается жизнью одного человѣка, какъ ни богата она сама по себѣ; онъ не ограничивается даже одною историческою эпохой,—онъ обнимаетъ собою цѣлый рядъ событій, отдаленныхъ во времени, но соединенныхъ тѣсною внутреннею связью,—цѣлый рядъ усилій, не одинаково успѣшныхъ, но одинаково славныхъ и въ пораженіи, и въ побѣдѣ. Передъ нами проходитъ все развитіе преобразовательной мысли, начиная съ XII до XVI вѣка, проходятъ всѣ личныя и общественныя силы, которыя способствовали торжеству ея надъ католицизмомъ.

Вокругъ высокаго пьедестала, на которомъ стоитъ Люгеръ, сидятъ предшественники его—Петръ Вальденскій, Виклефъ, Гусъ и Савонарола. На четырехъ углахъ стѣны, окружающей эту главную группу, стоятъ современники Лютера, боровшіеся вмѣстѣ съ нимъ или, по крайней мѣрѣ, покровительствовавшіе ему въ его борьбѣ противъ господствующей церкви: впереди—курфирстъ саксонскій Фридрихъ Мудрый и ландграфъ гессенъ-кассельскій Филиппъ Великодушный, позади—Рейхлинъ и Меланхтонъ. Въ глубинѣ, между Рейхлиномъ и Меланхтономъ—женская фигура, изображающая городъ Шпейеръ; по бокамъ—такія же фигуры, изображающія города Аугсбургъ и Магдебургъ. На верхней части пьедестала—восемь портретовъ въ формѣ медальоновъ: впереди—курфирсты саксонскій Іоаннъ и Іоаннъ-Фридрихъ, на лѣво—сотрудники Лютера: Іонасъ и Бугенгагенъ, на право—Цвингли и Кальвинъ, позади—Ульрихъ фонъ-Гуттенъ и Францъ фонъ-Сикингенъ *).

Въ группѣ предшественниковъ реформаціи одинаково удачны выборъ лицъ и характеристика каждаго изъ нихъ. Петръ Вальденскій, Виклефъ, Гусъ и Савонарола представляютъ собою всѣ главные періоды, черезъ которые прошло реформаціонное движеніе, всѣ главные элементы, изъ которыхъ оно сложилось. Петръ Вальденскій (уроженецъ Ліона, жившій во второй половинѣ XII вѣка) не можетъ быть отнесенъ къ числу главныхъ дѣятелей реформаціи; свѣдѣній о жизни и дѣятельности его сохранилось мало; онъ былъ, по всей вѣроятности, только однимъ изъ многихъ проповѣдниковъ чи-

*) Общій планъ памятника принадлежитъ знаменитому Ричлю (Rietschel), но онъ успѣлъ исполнить только двѣ фигуры, самого Лютера и Виклефа; остальныя фигуры—произведеніе Дондорфа, Китца и Шиллинга.

стаго ученія, почти никогда не исчезавшаго въ средѣ католицизма и укрѣплявшагося по мѣрѣ того, какъ возрастала испорченность римской церкви. Но въ Петрѣ Вальденскомъ соединены всѣ существенныя черты, которыми отличалась такъ-называемая ересь XI—XII вѣка. Она исходила больше изъ народнаго чувства, чѣмъ изъ скуднаго запаса знаній, которымъ располагали тогда сравнительно-образованные классы общества; Петръ Вальденскій былъ человѣкъ простой, какъ по происхожденію своему, такъ и по образу жизни. Она опиралась на Евангеліе, отъ котораго такъ далеко уклонилась римская церковь; дѣятельность Петра Вальденскаго началась именно съ того, что онъ сталъ читать, а потомъ и объяснять Евангеліе на языкѣ народномъ. Она протестовала противъ роскоши и изнѣженности духовенства; Петръ Вальденскій роздалъ свое имущество бѣднымъ, и точно также поступали послѣдователи его. Съ Евангеліемъ въ рукахъ изображенъ Петръ Вальденскій и у подножія статуи Лютера; его взоры обращены къ небу, его лицо проникнуто одушевленіемъ человѣка, которому только-что открылся глубокій смыслъ кроткаго ученія Христова.

Между Петромъ Вальденскимъ и Виклефомъ прошло почти два вѣка. Католицизмъ, уничтожившій въ XIII вѣкѣ самыхъ опасныхъ враговъ своихъ, располагаетъ теперь еще могущественнымъ орудіемъ схоластической университетской учености и считаетъ себя непобѣдимымъ какъ въ теоріи, такъ и въ жизни. Новый тяжелый ударъ наносится ему именно изъ той сферы, въ которой онъ видѣлъ главную свою силу. Виклефъ выступаетъ противъ него въ стѣнахъ оксфордскаго университета, съ помощью той самой средневѣковой науки, которую возлелѣяла римская церковь. Въ его спокойномъ сосредоточенномъ лицѣ, въ его фигурѣ, согнутой надъ какимъ-то фоліантомъ, видѣнъ мыслитель, создающій систему

противъ системы и апеллирующій не столько къ чувству, сколько къ здравому смыслу своего народа.

Дѣятельность Виклефа не осталась безплодною и въ Англіи; но она отразилась съ особенною силой на другомъ концѣ западной Европы, въ Богеміи. Далеко не во всемъ согласный съ Виклефомъ, Гусъ продолжаетъ, однако, начатое имъ дѣло—продолжаетъ его не только какъ теоретикъ, какъ философъ, но и какъ человѣкъ жизни и народа, соединяя въ себѣ ученость Виклефа съ энтузіазмомъ Петра Вальденскаго и другихъ проповѣдниковъ XII вѣка. Онъ отказываетъ въ повиновеніи незаконнымъ предписаніямъ папы и доводитъ цѣлую націю до открытаго разрыва съ римскимъ престоломъ. Убѣжденный въ истинѣ своего ученія, онъ отстаиваетъ его одинъ противъ цѣлаго собора и безстрашно идетъ за него на смерть, оставляя въ ней самой залогъ побѣды надъ католицизмомъ. Его статуя въ Вормсѣ производитъ глубокое впечатлѣніе. Задумчивый и грустный, онъ смотритъ на распятіе, какъ бы предвидя свою мученическую кончину. Но въ его грусти нѣтъ ничего похожаго на страхъ или злобу; онъ скорбитъ не о себѣ самомъ, а о церкви, которую онъ оставляетъ въ упадкѣ и смутахъ, о чешскомъ народѣ, котораго онъ не успѣетъ привести къ желанной цѣли.

Изъ четырехъ предшественниковъ реформаціи, окружающихъ Лютера, Савонарола по времени къ нему всего ближе, но по внутренней связи—можетъ быть всего дальше. Савонарола принадлежитъ къ числу тѣхъ реформаторовъ, которые дѣйствовали отъ времени до времени въ нѣдрахъ самой католической церкви; онъ имѣетъ много общаго съ Бернардомъ Клервоскимъ, съ д'Алльи или Жерсономъ. Если на долю послѣднихъ выпали только почести и похвалы, на долю Савонаролы — костеръ, предназначенный для еретиковъ, то это объясняется безпощадною строгостью его нападеній на

испорченность духовенства, представителемъ котораго былъ тогда такой папа, какъ Александръ VI. Савонарола не возставалъ ни противъ организаціи церкви, ни противъ догматовъ ея и обрядовъ; онъ хотѣлъ только водворить въ ней чистоту нравовъ, окончательно утраченную въ XV вѣкѣ. Онъ достоинъ, тѣмъ не менѣе, занять мѣсто въ ряду людей, проложившихъ путь для реформаціи. Его проповѣдь противъ папы была одушевлена тѣми же чувствами, какъ и проповѣдь Лютера противъ папства. Савонарола представленъ говорящимъ къ народу; его рука поднята, скорѣе для угрозы, чѣмъ для благословенія. Онъ смотритъ на міръ не съ спокойствіемъ Виклефа, не съ любовью Гуса, а съ холодностью аскета, презирающаго все земное. Его доминиканская одежда напоминаетъ намъ, что въ немъ проявлялись еще нѣкоторыя изъ самыхъ мрачныхъ сторонъ средневѣковаго католицизма.

Всѣ главные народы западной Европы принимали участіе въ движеніи, предшествовавшемъ реформаціи; Петръ Вальденскій былъ родомъ изъ Франціи, Виклефъ — изъ Англіи, Гусъ—изъ Богеміи, Савонарола—изъ Италіи. Германіи суждено было одержать первую рѣшительную побѣду надъ католицизмомъ. Съ этой точки зрѣнія Лютеру, какъ представителю нѣмецкаго народа, безспорно принадлежитъ первое мѣсто между дѣятелями реформаціи. Его мощная фигура стоитъ высоко надъ всѣми остальными; онъ держитъ въ рукахъ Библію и, поднявъ глаза къ небу, какъ бы призываетъ Бога въ свидѣтели правоты своего ученія. Въ его позѣ есть что-то гордое, непреклонное; въ его лицѣ, не смотря на массивныя, чувственныя черты, напоминающія католическаго монаха — одушевленіе человѣка, готоваго умереть за свою идею. Такимъ, безъ сомнѣнія, стоялъ Лютеръ передъ вормскимъ сеймомъ, въ самую критическую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самую свѣтлую минуту своей жизни. Художникъ былъ ты-

сячу разъ правъ, выбравъ именно эту минуту для изображенія Лютера *). Лютеръ, прибивающій къ дверямъ виттенбергскаго собора тезисы противъ индульгенцій, былъ еще вѣрующимъ сыномъ римской церкви, негодующимъ противъ нѣкоторыхъ ея злоупотребленій, но далекимъ отъ мысли о совершенномъ разрывѣ съ нею. Лютеръ на лейпцигскомъ состязаніи съ Эккомъ, отвергающій обязательную силу соборныхъ постановленій, на сколько они не согласны съ евангельскимъ словомъ, былъ уже противникомъ католицизма, но противникомъ еще нерѣшительнымъ, болѣе увлеченнымъ, чѣмъ убѣжденнымъ, не сознающимъ вполнѣ, что между нимъ и господствующею церковью раскрылась цѣлая пропасть. Лютеръ, публично сожигающій папскую буллу, сбросилъ съ себя, наконецъ, всякую зависимость отъ папства; но ученіе его еще не прошло черезъ горнило преслѣдованія, твердость его еще не испытана прямымъ столкновеніемъ съ громадными силами католической церкви. Изъ этого испытанія онъ вышелъ побѣдоноснымъ только на вормскомъ сеймѣ. Поставленный лицомъ къ лицу съ авторитетомъ императора, папскаго легата, всѣхъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей имперіи, лишенный всякой внѣшней поддержки, кромѣ смутнаго и мало надежнаго сочувствія народныхъ массъ, онъ отказывается, подобно Гусу, подчиниться требованіямъ церкви, пока ему не будетъ *доказана* ихъ справедливость и законность. „Hier steh'ich, ich kann nicht anders, Gott helfe mir, Amen"—эти слова, начертанныя на пьедесталѣ вормскаго памятника, заключаютъ въ себѣ какъ бы программу реформаціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ горькое осужденіе позднѣйшей дѣятельности

*) Отсюда зависѣлъ и выборъ Вормса для постановки памятника, который, въ противномъ случаѣ, конечно былъ бы воздвигнутъ въ Виттенбергѣ.

Лютера. Они провозглашаютъ свободу совѣсти, они указываютъ на то, что человѣкъ, выработавшій себѣ убѣжденіе, не можетъ отказаться отъ него по чьему бы то ни было приказу, что человѣческая мысль не можетъ отрѣшиться отъ результатовъ, добытыхъ тяжелымъ, добросовѣстнымъ трудомъ ея. Лютеръ забылъ объ этомъ, когда сказалъ движенію „ты не пойдешь дальше", когда установилъ цѣлую систему лютеранскаго правовѣрія, когда возсталъ противъ цвингліанцевъ съ такимъ же жаромъ, съ какимъ возставали противъ него приверженцы римской церкви. Какъ бы то ни было, Лютеръ на вормскомъ сеймѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ, на которыхъ исторія всегда будетъ останавливаться съ особенною любовью; воспоминаніе о немъ, по справедливому замѣчанію Шенкеля (одного изъ лучшихъ представителей нѣмецкой либеральной богословской школы), должно служить для Германіи символомъ не религіозныхъ распрей, а того высшаго единства, которое возможно только при полной умственной свободѣ.

Но гдѣ же Цвингли и Кальвинъ? Отчего они не стоятъ на первомъ планѣ между современниками Лютера? Отчего имъ дано мѣсто только въ небольшихъ медальонахъ, наравнѣ съ Іонасомъ и Бугенгагеномъ, почтенными, но вовсе не самостоятельными проповѣдниками новаго ученія? Это первый серьозный недостатокъ вормскаго памятника, недостатокъ тѣмъ болѣе важный, что въ немъ отражается тенденція, несовмѣстная съ основной идеей памятника. Онъ воздвигнутъ въ честь реформаціи, въ ея всемірно-историческомъ значеніи; удаленіе Цвингли и Кальвина на второй или даже на третій планъ даетъ ему спеціально-лютеранскій оттѣнокъ. Цвингли недоставало только болѣе обширной сцены дѣйствій, чтобы достигнуть славы Лютера или даже превзойти ее. Онъ вступилъ на путь реформаціи одновременно съ Люте-

ромъ и совершенно независимо отъ него; онъ остался до конца далекимъ отъ того доктринерства, въ которое слишкомъ рано впалъ Лютеръ; онъ служилъ въ одно и то же время и религіозной, и политической свободѣ, и погибъ на полѣ битвы, сражаясь за реформу и за Цюрихъ. Еслибы его усилія увѣнчались успѣхомъ,—въ средѣ протестантизма не возникло бы тѣхъ мелкихъ, но ожесточенныхъ распрей, которыя причинили столько вреда дѣлу реформаціи. Симпатичнаго, гуманнаго, истинно-просвѣщеннаго,—въ Цвингли гораздо больше, чѣмъ въ Лютерѣ. Нельзя сказать того же самаго о Кальвинѣ, суровомъ аскетѣ, проповѣдникѣ одного изъ самыхъ мрачныхъ, самыхъ безутѣшныхъ ученій, отрѣшившемся отъ католицизма какъ-будто бы только для того, чтобы придать новую силу нѣкоторымъ изъ самыхъ опасныхъ его заблужденій. Но даже темныя стороны кальвинизма способствовали огромному вліянію его на дальнѣйшую судьбу Франціи, Англіи, Шотландіи. Еслибы Кальвинъ былъ только родоначальникомъ пуританъ и гугенотовъ, то уже это одно давало бы ему полное право на мѣсто рядомъ съ Лютеромъ.

Статуи Цвингли и Кальвина могли бы быть поставлены тамъ, гдѣ теперь возвышаются статуи Рейхлина и Меланхтона. Заслуги Рейхлина, какъ гуманиста, безспорны; его изслѣдованія въ области еврейской и греческой филологіи облегчили правильное пониманіе Библіи и могутъ быть отнесены къ числу тѣхъ многихъ побочныхъ обстоятельствъ, которыя содѣйствовали успѣху реформаціи въ началѣ XVI вѣка, но прямого участія въ реформаціи Рейхлинъ не принималъ; его борьба съ обскурантами была борьбою чисто оборонительною, и если его имя сдѣлалось на время боевымъ кличемъ всѣхъ враговъ католическаго духовенства, то это случилось противъ или, по крайней мѣрѣ, мимо его воли. Если Рейхлинъ причисленъ къ сподвижникамъ реформаціи, то по-

чему же мы не видимъ между ними Эразма Роттердамскаго? Правда, Эразмъ скоро принялъ сторону противниковъ Лютера; но косвенное участіе его въ реформаціи было гораздо сильнѣе, чѣмъ участіе Рейхлина. Сколько разъ и съ какой могучей ироніей осмѣивалъ онъ католическое духовенство, его невѣжество, суевѣріе и тупость! Рейхлинъ обращался къ ученымъ, Эразмъ—ко всему тогдашнему образованному обществу.

Меланхтонъ былъ ревностнымъ, просвѣщеннымъ помощникомъ Лютера; но самостоятельной роли онъ никогда не игралъ. Терпимости и кротости въ немъ было больше, чѣмъ въ Лютерѣ; но онѣ происходили не столько изъ уваженія къ свободѣ мнѣній, сколько изъ слабости характера, иногда похожей на робость. Если онъ былъ готовъ подать руку цвингліанцамъ, то въ другое время онъ былъ такъ же близокъ къ уступкамъ католицизму. Онъ старался, на сколько могъ, сгладить, обезцвѣтить пункты аугсбургскаго исповѣданія, въ которыхъ выражалась всего яснѣе противуположность между католицизмомъ и протестантизмомъ; онъ совѣтовалъ подчиниться насильственнымъ мѣрамъ, принятымъ Карломъ V противъ протестантовъ послѣ побѣды его надъ ними въ 1547 году.

Изъ двухъ государей, охраняющихъ доступъ къ статуямъ реформаторовъ, Фридрихъ Мудрый, курфирстъ саксонскій, заслуживаетъ благодарнаго воспоминанія всѣхъ тѣхъ, кому дорога память реформаціи. Его участіе въ ней было преимущественно пассивное; онъ содѣйствовалъ ей не много, но за то и не мѣшалъ ей, а это для тѣхъ временъ было уже громадной заслугой. Если вспомнить, какъ было встрѣчено появленіе новыхъ религіозныхъ сектъ *), совершенно без-

*) Нѣмецкихъ католиковъ (Deutschkatholiken) свободныхъ общинъ (Freie Gemeinden).

вредныхъ въ политическомъ и чистыхъ въ нравственномъ отношеніи, даже въ XIX вѣкѣ, даже въ такой странѣ, какъ Пруссія, то нельзя не преклониться передъ терпимостью государя, царствовавшаго въ началѣ XVI вѣка, когда снисхожденіе къ еретикамъ считалось ересью, а за ересь даже владѣтельный князь могъ поплатиться не только своею короной, но и свободой, и жизнью. Имя Фридриха Мудраго покрыто гораздо большею славой, чѣмъ многія другія имена, напоминающія цѣлый рядъ побѣдъ и завоеваній. Филиппъ Великодушный, ландграфъ гессенъ-кассельскій, былъ однимъ изъ первыхъ, возставшихъ съ оружіемъ въ рукахъ на защиту реформаціи. Онъ остался ей вѣрнымъ до конца своей жизни какъ въ счастьѣ, такъ и въ несчастьѣ, въ тяжеломъ плѣну, изъ котораго его могло бы освободить даже полуотступничество отъ новаго ученія. Два курфирста саксонскіе—Іоаннъ и Іоаннъ-Фридрихъ, изображеніе которыхъ помѣщено въ медальонахъ на передней сторонѣ пьедестала, служили реформаціи такъ же усердно, какъ и Филиппъ Великодушный; Іоаннъ-Фридрихъ потерялъ изъ-за нея достоинство курфирста, которое уже не возвратилось болѣе въ его династію. На противоположной сторонѣ пьедестала—портреты Франца Сикингена и Ульриха фонъ-Гуттена, ранняя смерть которыхъ была тяжелой потерей для реформаціи. Сикингенъ принесъ ей въ помощь только честное сердце и сильную руку; но Гуттенъ, этотъ энтузіастъ просвѣщенія и свободы, этотъ политикъ, глубоко сознававшій главные недостатки государственнаго и соціальнаго устройства Германіи, сохранилъ бы, можетъ быть, въ большей чистотѣ первоначальное направленіе реформаціи, предупредилъ бы, можетъ быть, ту односторонность, которая слишкомъ скоро ею овладѣла.

Одна изъ лучшихъ сторонъ вормскаго памятника—это широкое мѣсто, которое дано въ немъ городамъ Германіи.

Кромѣ трехъ фигуръ (Шпейеръ, Аугсбургъ, Магдебургъ), на стѣнѣ, окружающей памятникъ, изображены гербы двадцати-четырехъ городовъ (въ томъ числѣ и Риги), играющихъ болѣе или менѣе видную роль въ исторіи реформаціи. Эта роль въ общей сложности, была очень велика и почетна. Въ городахъ сосредоточивались тогда лучшія умственныя силы Германіи. Обладая значительною долей политической свободы они привыкли дѣйствовать самостоятельно, не стѣсняясь ни требованіями князей, ни притязаніями духовенства. Безъ матеріальныхъ средствъ, которыми они располагали, протестантскимъ князьямъ было бы слишкомъ трудно бороться съ императоромъ и католическими союзниками его. Въ Шпейерѣ протестантизмъ въ первый разъ почувствовалъ подъ собою твердую почву, когда на сеймѣ 1526 года рѣшено было предоставить устройство религіозныхъ дѣлъ каждому отдѣльному правительству въ предѣлахъ его владѣній,—другими словами, когда было пріостановлено дѣйствіе вормскаго указа, содержавшаго въ себѣ безусловное и для всѣхъ обязательное осужденіе новаго ученія. Въ Шпейерѣ протестантизмъ явился въ первый разъ организованною силой, когда приверженцы Лютера, очутясь въ меньшинствѣ, протестовали (на сеймѣ 1529 г.) противъ рѣшенія большинства, требовавшаго возвращенія къ вормскому указу *). Отсюда изображеніе Шпейера въ видѣ женщины съ поднятой рукой, какъ бы отталкивающей отъ себя навязываемое ей иго. Въ Аугсбургѣ протестанты окончательно разорвали связь съ католицизмомъ, противупоставивъ его докринѣ цѣлое ученіе, извѣстное подъ именемъ аугсбургскаго исповѣданія (1530); въ Аугсбургѣ былъ заключенъ религіозный миръ (1555), установившій равноправность между католическими и протестант-

*) Съ этихъ поръ они стали называться «протестантами».

скими чинами имперіи. Вотъ почему женская фигура, изображающая Аугсбургъ, держитъ въ рукѣ пальму согласія и мира. Магдебургъ напоминаетъ о другой эпохѣ въ исторіи реформаціи—о послѣдней борьбѣ на жизнь и на смерть между католицизмомъ и протестантизмомъ, о тридцатилѣтней войнѣ, всѣ ужасы которой были превзойдены при взятіи Магдебурга католическими войсками Тилли. Эта фигура, исполненная глубокой грусти, принадлежитъ къ числу самыхъ поразительныхъ частей вормскаго памятника. Магдебургъ, не смотря на всѣ испытанія, остался вѣрнымъ дѣлу реформаціи; Шпейеръ и Аугсбургъ измѣнили ему и считаются теперь твердынями католицизма. Ихъ имена соединены неразрывно съ самыми блестящими и съ самыми печальными днями реформаціи, съ неудержимымъ движеніемъ ея впередъ и съ отступленіемъ ея передъ возродившейся силой римской церкви.

Три съ половиной вѣка тому назадъ императоръ и огромное большинство имперскихъ чиновъ собрались въ Вормсѣ для осужденія Лютера; 25-го іюня 1868 года король прусскій—глава Сѣверо-Германскаго Союза и будущій императоръ Германіи—присутствовалъ въ Вормсѣ при открытіи памятника Лютеру и реформаціи. Внѣшній успѣхъ, какъ видно, огромный; но онъ принадлежитъ не столько реформаціи, сколько протестантизму, т. е. положительнымъ вѣроисповѣданіямъ, возникшимъ изъ реформаціи. Настоящее торжество реформаціи Германія будетъ праздновать только тогда, когда исчезнетъ духъ религіозной исключительности и фанатизма, когда падутъ ея преграды, стѣсняющія свободу совѣсти и мнѣній.

К. Арсеньевъ.

В. И. Клочко литей книгопродавець-ан

Въ книжныхъ магазинахъ: А. Черкесова, Я. Исакова, «Русской Книжной Торговли», Для иногородныхъ и Фену и К°.

Продаются слѣдующія книги:

Слуги желудка. Письма о физіологической жизни человѣка, *Масе*. Передѣлка съ французскаго, 2-е изданіе *Е. Лихачевой и А. Суворинной*. Съ рисунками. Содержаніе: Введеніе. Кости. Жизнь костей Костный мозгъ. Сочлененія или суставы. Позвоночный столбъ. Черепъ. Лицо и зубы. Грудь. Руки. Ноги. Мускулы. Положенія тѣла. Движенія. Электричество. Мозгъ и нервы. Животное электричество. Дѣятельность нервныхъ центровъ. Непроизвольныя движенія. Большой симпатическій нервъ. Ц. 1 р. 50 к. Въ коленк. переплетѣ ц. 2 р.

Между дѣломъ. Сборникъ для юношества. Разсказы, стихотворенія и статьи научнаго содержанія. Содержаніе: Что такое высыханіе, паръ, дымъ, испареніе? изъ *Россмеслера*. Языкъ животныхъ, по *Егеру, Перти, Брэму* и *Вундту*. Изъ жизни растеній, по *Босковицу*. Зимовка русскихъ промышленниковъ на Новой землѣ, *Максимова*. Путешествіе по льдамъ Карскаго моря, *Крузенштерна*. Сосѣди, *Левитова*. Изъ военнаго быта, гр. *Л. Толстаго*. Дѣтскіе годы Багрова. *С. Аксакова*. Больной мальчикъ, *Вознесенскаго*. Счастливое дѣтство, *Потанина*. Елка, *Марка Вовчка*. Кирила Петровъ, *Кохановской*. Мѣдный всадникъ, стих. *Пушкина*. Въ іюлѣ 1859 г., стих. *Тютчева*. Деревенская картина, стих. *Некрасова*. Кукла, стих. *Сырокомли*. Молитва, стих. *Полонскаго*. Путь. стих. *Кольцова*. Новгородъ, стих. *К. Аксакова*. Всѣ люди,—братья, стих. *Плещеева*. Лѣсъ, стих. *Кольцова*. Къ дѣтямъ, стих. *Хомякова*. Смотри, толпа людей нахмурившись стоитъ, стих. *К. Аксакова*. Ходитъ спѣсь надуваючись, стих. гр. *А. Толстаго*. Человѣкъ, стих. *Бенедиктова*. Моленіе о чашѣ, стих. *Никитина*. Притча о сѣятелѣ и сѣменахъ, стих. *А. Жемчужникова*. Ростутъ, ростутъ причудливыя тѣни, стих. *Фета*. Гаданье, стих. *Фета*. Ночь, стих. *Плещеева*. Мать, стих. *А. Майкова*. Картина, стих. *А. Майкова*. Пѣсня о трудѣ, стих. *Ф. Миллера*. Судъ божій надъ епископомъ, стих. *Жуковскаго*. Хандра и сонъ Ломоносова, стих. *Полонскаго*. Бородино, стих. *Лермантова*. На освобожденіе крестьянъ, стих. *И. Аксакова*. Царскія палаты (изъ драмы: Борисъ Годуновъ), *Пушкина*. Появленіе перваго самозванца, *Костомарова*. Кузьма Захарычь Мининъ Сухорукъ (изъ драматической хроники), *Островскаго*. Изъ жизни патріарха Никона, *Суворина*. Дѣт-

ство и юность Петра I, *Соловьева*. Петръ I въ Голландіи, *Устрялова*. Пугачовщина, изъ записокъ *Д. Мертваго*. Женщина-директоръ Академіи Наукъ, изъ записокъ Е. Дашковой. Потемкинъ, Суворовъ, Каменскій, изъ записокъ гр. *Сегюра*. Воспоминаніе о 1812 годѣ, изъ записокъ гр. *В. Перовскаго*. Ц. 1 р. 25 к. Въ коленкоровомъ переплетѣ Ц. 1 р. 75 к.

А. Суворинъ. Русскіе замѣчательные люди. I. Жизнь патріарха Никона (съ портретомъ.) II. Ермакъ, покоритель Сибири. III. Бояринъ Матвѣевъ. Ц. 40 к. Въ коленкоровомъ переплетѣ Ц. 1 р.

Исторія французской революціи (1789—1814) соч. *Минье*. Переводъ подъ редакціею и съ предисловіемъ *К. К. Арсеньева* и съ приложеніемъ слѣдующихъ главъ изъ «Революціи» *Эдгара Кине*: Заговоръ Мирабо. Продалъ ли онъ революцію. Мирабо и Робеспьеръ. Смерть Мирабо. Сентябрскія убійства. Почему Парижъ бездѣйствовалъ. Дантонъ, какъ его понимала его партія. Маратъ. Кому будетъ принадлежать царство террора? Процессъ и смерть жирондистовъ Гражданскій кодексъ конвента. О томъ, что свобода должна быть человѣколюбивою. Приготовленіе къ 9-му термидора. Канунъ 9-го термидора. Утопіи. Два тома. Ц. 3 р.

Герои труда. Исторія четырехъ англійскихъ работниковъ по *Смайльсу* изд. Е. Лихачевой и А. Сувориной.

Содержаніе: I. Желѣзо и цивиллизація. II. Генрихъ Модлей. III. Георгъ Стефенсонъ. IV. Вильямъ Фербернъ. V. Джемсъ Нэсмитъ. Ц. 65 к. Въ коленкоровомъ переплетѣ Ц. 1 р. 20 к.

Австралія. Исторія открытія и колонизаціи, растенія и животныя пятой части свѣта. Содержаніе: Предисловіе. Часть I. Исторія открытій пятой части свѣта. Часть II. Исторія англійскихъ колоній въ Австраліи. Часть III. Путешествіе по странѣ съ цѣлью изслѣдованія. Часть IV. Жизнь въ Австраліи. Изд. Е. Лихачевой и А. Сувориной съ 106 картинами и рисунками. Ц. 2 р. 50 к.

Бѣглецы. Историческіе разсказы объ извѣстнѣйшихъ бѣгствахъ изъ тюремъ и другихъ мѣстъ заключенія. Содержаніе: Аристоменъ. Эгезистратъ. Куньонъ. Густавъ Ваза. Бенвенуто Челлини. Марія Стюартъ. Комонъ де-ла-Форсъ. Гроцій. Кардиналъ Рецъ. Квинкеранъ де-Боже. Бланка Комонъ. Бюккуа. Тренкъ. Казанова. Латюдъ. Беневскій. Лавалеттъ. Феличе Орсини. Людовикъ Наполеонъ. Гарибальди. Ц. 1 р.

Печатается и въ скоромъ времени поступитъ въ продажу:

Великія явленія и очерки природы. Географическая Хрестоматія съ гравюрами и рисунками. Второе, исправленное и дополненное изданіе.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: April 2005

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 014 086 871 1